

ОТРАСЛЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ¹

И. Л. Леонтьев, М. Б. Штейгервальд

В статье рассмотрен вопрос необходимости совершенствования существующих методов исчисления производственного результата функционирования организаций здравоохранения с целью адекватного определения эффективности и результативности их деятельности. Предложено несколько подходов для решения данной проблемы, рассмотрены их преимущества. Выделены некоторые особенности функционирования исследуемых организаций, затрудняющие применение предложенных подходов, а также предложены мероприятия, способствующие устранению их негативного влияния.

Оценка результатов деятельности организаций с целью их сопоставления в большинстве случаев предполагает определение результативности и (или) эффективности функционирования данных организаций.

Под результативностью в данном случае понимается оценка достижения основными показателями деятельности установленных для них стандартных (идеальных в определенных условиях) значений. Эффективность же рассматривается как показатель, отражающий сопоставление финансового результата деятельности учреждений и направленных на данную деятельность ресурсов в денежном выражении. В процессе определения как одного, так и другого оценочных показателей используются значения производственной деятельности объектов анализа.

Вместе с тем существующие подходы к определению реального производственного результата функционирования организаций здравоохранения не позволяют производить сопос-

тавление деятельности подразделений системы, как в силу слишком большой разницы в номенклатуре производимой продукции, так и технологии производственной деятельности (например, станции переливания крови) [2, 3]. Их применение приводит к тому, что при определении, например, показателя выработки на одну штатную должность организации с более узкой и простой номенклатурой государственных услуг выигрывают.

Необходимо отметить, что сравнение осуществляется между организациями одного типа. Так, в соответствии с Единой номенклатурой государственных и муниципальных учреждений здравоохранения [1] выделяют четыре основных типа: лечебно-профилактические, учреждения здравоохранения особого типа, учреждения здравоохранения по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, аптечные учреждения. В дальнейшем данные четыре типа разбиваются на группы более равнозначных по показателям функционирования учреждений.

Изучение данного вопроса позволило выработать следующие предложения по совершенствованию существующих методик определения реального производственного результата функционирования организаций здравоохранения.

Предлагается установить коэффициент сопоставления, позволяющий учитывать уровень сложности производства, а следовательно, находить условные производственные объемы, которые осуществлялись бы организациями при прочих равных условиях:

$$K_c = F / (V_3 \times K_{\text{сов}}) / K_{\text{min}}, \quad (1)$$

где K_c — коэффициент сопоставления (корректирующий коэффициент);

F — фонд оплаты труда персонала, занятого непосредственно в производстве;

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Научные основы демографической оценки влияния молодежной политики на социально-экономическое развитие регионов России».

Таблица

Пример определения объема производственной деятельности организации с учетом коэффициента сопоставления

Наименование учреждения	Объем заготовки (V_3), литров	Штатная численность персонала, должностей	Коэффициент совместительства ($K_{сов}$)	Фонд оплаты труда соответствующего персонала (F), тыс. рублей	Выработка на 1 должность, литров на должность	Минимальный показатель $K_{с}$ (K_{min})	Коэффициент сопоставления ($K_{с}$)	Объем заготовки с учетом коэффициента сопоставления, литров	Выработка на 1 должность с учетом $K_{с}$, литров на должность
Организация 1	4700	160	1,4	6700	29,4	1,02	1,23	5761	36,0
Организация 2	5000	140	1,3	5400	5,7	0,83	1,00	5000	35,7

V_3 — фактический объем производственной деятельности;

$K_{сов}$ — коэффициент совместительства;

K_{min} — минимальная величина соотношения F и произведения ($V_3 \times K_{сов}$) среди сравниваемых учреждений.

Логическая транскрипция данной формулы может быть представлена следующим образом. Объем производственной деятельности (а также его производный показатель — выработка на штатную должность) не показывает результативность работы, так как сам по себе не отражает уровень сложности производственного процесса организации. Для решения данной задачи необходимо определить условный объем производства, который бы выявлял, какой объем был бы заготовлен в случае приведения уровней сложности производственного процесса учреждений к сопоставимому виду. Для этого предлагаем ввести в расчет показатель фонда оплаты труда персонала, занятого непосредственно в производстве, который отражает количество персонала, занятого в производственном процессе, а также уровень квалификации данного персонала, через уровень оплаты труда. Также в расчет включен коэффициент совместительства с целью исключения увеличения фонда оплаты труда за счет раздутого штатного расписания, а не уровня сложности производственного процесса.

Пример определения объема производственной деятельности организаций приведен в таблице. Для сопоставления приняты две некоммерческие организации здравоохранения (в качестве примера — станции переливания крови), объем заготовки которых составляет 4700 л и 5000 л соответственно, вместе с тем ассортимент производимой продукции первой организации шире и сложнее в производстве, чем второй, при этом штатная численность первой организации больше, чем аналогичный по-

казатель второй с соответствующей разницей в фонде заработной платы. Таким образом, при поверхностном рассмотрении можно сделать вывод о более результативной работе второй организации. Однако осуществление расчетов по определению коэффициента сопоставления (таблица) дает возможность более объективного анализа функционирования организаций.

Приведенные в таблице расчеты показывают, что коэффициент сопоставления для сравнения организаций равен для организации 1—1,23, то есть производственная деятельность организации 1 в 1,23 раза более сложна и, соответственно, требует больших ресурсных затрат. Приведение номенклатуры производства к единому уровню с использованием коэффициента показывает, что в данном случае условный объем заготовки организации 1 равняется 5761 л.

Считаем необходимым отметить тот факт, что более сложный производственный процесс не всегда является причиной меньшего объема заготовки и выработки. В случае если коэффициент совместительства учреждения значительно отличается от 1, можно говорить о неэффективно используемых потенциальных производственных силах.

Вместе с тем в современных условиях, когда сложилась практика обеспечения достойного уровня оплаты труда персонала за счет искусственного увеличения штатной численности, сложно однозначно определить, в какой степени коэффициент совместительства отражает вынужденную необходимость, а в какой — неэффективное использование потенциальных производственных сил, и должен быть использован для снижения условного объема производства. Соответственно, в современных условиях использование коэффициента сопоставления затруднено, так как коэффициент совместительства составляет 3,0 и выше, что не соответствует

потребности, исходящей из объемов и трудоемкости деятельности, а также превышает границы использования совместительства с целью адекватного увеличения оплаты труда.

Таким образом, на сегодняшний день коэффициент сопоставления является индикатором завышенной штатной численности в исследуемых организациях с целью искусственного увеличения фонда оплаты труда, что, в свою очередь, негативно сказывается на возможности применения конечных показателей эффективности системы в целом. Однако данная ситуация не свидетельствует о несостоятельности предложенного подхода. Введение отраслевой системы оплаты труда в сфере здравоохранения Свердловской области, планирующееся в 2011 году, должно привести штатную численность учреждений в соответствие с их реальной потребностью. Результатом этого помимо прочего станет возможность применения коэффициента сопоставления.

В качестве альтернативного подхода к сравнению результатов функционирования организаций может быть применен способ приведения всего производственного объема к условным единицам продукции, когда за условную принимается элементарная производственная единица (например, для станций переливания крови это заготовка 1 литра крови). Другим же продуктам производственной деятельности присваиваются значения в зависимости от сложности их производства (например, 2 условных единицы). Данная система присвоения значений должна разрабатываться группой специалистов (технологов, медицинского персонала, экономистов) и быть единой при проведении анализа деятельности учреждений.

Однако данный подход также обладает серьезным недостатком, без устранения которого его применение невозможно. На сегодняшний день для ряда организаций здравоохранения (например, станций переливания крови) отсутствует единый подход к методу производственной деятельности — для выполнения одной и той же операции могут использоваться ручной метод, автоматический или полуавтоматический,

— соответственно, и сложность производства одних и тех же продуктов, но произведенных с использованием различных производственных методов, будет разной.

Устранение названной проблемы возможно в случае принятия единого технического регламента производственной деятельности для всех организаций конкретного типа службы с соответствующим пересмотром технического парка.

Данный подход к сравнению организаций предпочтителен относительно коэффициента сопоставления в том случае, если полагать, что объективного подхода к штатной численности организаций достичь невозможно. Вместе с тем при отсутствии унифицированной шкалы уровня сложности производственной деятельности, а также специальных знаний в области технологии производства объективное сравнение становится невозможным.

Таким образом, оба предложенных подхода к определению реального производственного результата функционирования организаций здравоохранения, относящихся к одному типу, являются жизнеспособными, но требующими дополнительных преобразований функционирования системы здравоохранения.

Список источников

1. Об утверждении Единой номенклатуры государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 07.10.2005 г. № 627. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Проблемы функционирования системы обязательного социального страхования: российский и зарубежный опыт / Шеломенцев А. Г., Андреева Е. Л., Кузьмин А. И., Козлова О. А., Дрошнев В. В., Дрошнева М. Д., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф.; отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин. Екатеринбург, Институт экономики УрО РАН, 2010. 202 с.
3. Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем / Под ред. д.э.н., проф. А. Г. Шеломенцева. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 239 с.

УДК 351.77.003.13

ключевые слова: организации здравоохранения, результативность и эффективность функционирования, производственный результат

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ: ПРАКТИКА ВНЕДРЕНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Г. Н. Селянская

В статье рассматривается компетентностный подход как базовое условие реализации инноваций в образовании. Проведена оценка потребности в специалистах на рынке труда на предмет соответствия требований вузов и работодателей к выпускникам. Предложена модель оценки компетенций, включающая в себя субъекты, объемы, уровни и методы оценки компетенций.

Современное общество, основным капиталом и главным ресурсом экономики которого становятся знания, предъявляет особые требования не только к профессионалам, занятым в производственной сфере, но и ко всем своим гражданам. Не один год в профессиональных кругах ведется широкая дискуссия о понятиях «образованность», «профессионализм», «квалификация», «компетенция» и «компетентность». В зарубежной литературе понятия «компетенция» и «управление компетенциями» появились в начале 1990-х годов. Объем понятия компетенции постоянно расширялся. Базовым набором для определения компетенции были знания, умения и навыки. Затем к ним стали прибавлять поведенческие модели и ценностные ориентации. Затем — контекст конкретной организации. И, наконец, совсем недавно, — способность к развитию.

В международном проекте TUNING предполагается, что компетенции и навыки включают «знание и понимание» (теоретическое знание академической области, способность знать и понимать), «знание, как действовать» (практическое и оперативное применение знаний к конкретным ситуациям), «знание, как быть» (ценности, являющиеся неотъемлемой частью восприятия и жизни с другими в социальном контексте) [9]. Известные отечественные ученые московского Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов дают следующие определения:

— «Компетенция — динамичная совокупность знаний, умений, навыков, способностей, ценностей и личностных качеств, необходимая для эффективной профессиональной деятельности, социальной активности и личностного развития выпускников вузов, которую они обязаны освоить и продемонстрировать после за-

вершения части или всей образовательной программы» [13, с. 157].

— «Компетенция — процедурные и ценностно-смысловые знания о некоторой предметной области, а компетентность — это “употребление знания — компетенция в действии”, т. е. ситуативная категория, характеризующая готовность индивида выполнять деятельность в конкретных профессиональных ситуациях» [10].

— «... Узкая квалификация, — пишет в своей работе Н. А. Ряписов, — теряет свою ценность, и на смену ей приходит компетенция — обладание широким диапазоном знаний, опытом и необходимыми личными качествами, позволяющими переходить из одной области профессиональной деятельности в другую с минимальными затратами времени, средств и сил на переподготовку».

Таким образом, профессионализм подразумевает владение в первую очередь технологиями, а компетентность, помимо технологической подготовки, подразумевает ряд других компонентов, имеющих внепрофессиональный или надпрофессиональный характер. Природа профессионализма заключается в том, что чем он выше, тем он уже, а образованность тем выше, чем она шире.

Высокообразованный человек — это не только безукоризненный специалист в своей области, но и человек, уверенно ориентирующийся во всех других сферах науки и культуры, знающий отечественную и мировую историю и литературу, философию, социологию, владеющий несколькими языками и т. д.

П. Малиновский в своей работе предлагает описывать происходящие сегодня процессы следующими терминами [11, с. 21-23].

— «Парапрофессионализация» — превращение стандартов профессионализма в образ повседневной жизни и деятельности путем распространения стандартных и универсальных технологий. Парапрофессионалы делают ставку на новые универсальные (сквозные) компетенции.

— «Транспрофессионализация» — ориентация на разработку уникальных коммерческих предложений для растущих глобальных рынков на базе формирования новых ключевых компетенций.

Базовые транспрофессиональные компетенции, как считает П. Малиновский, подразумевают узкую специализацию в какой-то профессии, способность к межпрофессиональной коммуникации и трансдисциплинарному синтезу знаний, ориентацию на сочетание фундаментальных исследований с практическим решением проблем, навыки командной работы, постоянное саморазвитие и самосовершенствование, реальное и виртуальное вхождение в то, что получило название *community of practice* (профессиональные сообщества).

Таким образом, профессиональная компетентность — готовность личности мобилизовать персональные ресурсы, систему знаний, умений, способностей и личных качеств, необходимых для эффективного решения профессиональных задач в типовых и нестандартных ситуациях.

Компетенция — это мера образовательного успеха личности, проявляющаяся в ее собственных действиях в определенных профессионально и социально значимых ситуациях. В отличие от квалификации, которая подразумевает, как правило, преобладание алгоритмической деятельности (в т. ч. алгоритмам высокой сложности), компетенция предполагает контекстную целесообразность, контекстное творчество, самоорганизацию, управление, оценивание, регулирование и коррекцию [9]. Меняющаяся роль человеческого капитала, необходимость воспроизводства и массовой подготовки профессионалов нового типа влечет за собой кардинальное изменение системы образования. Цели, ценности и механизмы трансляции и воспроизводства знаний, используемые в классической системе образования при так называемом поддерживающем обучении, не отвечают требованиям экономики постиндустриального общества. Его альтернатива — инновационное образование, при котором на первый план выдвигается проблема активизации созидательного творческого потенциала обучающихся и обучающихся и их инновационных способностей.

Классическая система образования нацелена на передачу готовых знаний, имеющих преимущественно однозначные и заранее известные преподавателю ответы. В инновационной парадигме используется междисциплинарная организация содержания обучения; интегрированное освоение законов природы, техники, общества, человека на основе системного мышления, все это дает возможность освоения методологии

творческой созидательной деятельности, формирование инновационной способности личности — способности создавать то, о чем может не знать преподаватель. И, наконец, инновационное образование создает особые условия для формирования и развития нравственности, духовности, социальной ответственности как компонентов профессионализма [4, с. 28-38].

Именно из числа людей, обладающих таким способом мышления, при котором особое внимание уделяется анализу, сравнению, толкованию, применению, дебатам, инновациям, решению проблем или оценке хода мыслей, владеющих рефлексивным анализом и умеющих работать в команде, формируются успешные бизнесмены, политические лидеры, деятели науки.

На основе вышесказанного можно представить новый образ современного специалиста с высшим образованием. У него на практике должно проявляться стремление, способность и готовность реализовать свой потенциал для успешной творческой деятельности в профессиональной и социальной сферах, осознавая социальную значимость и личную ответственность за результаты этой деятельности и необходимость ее постоянного совершенствования.

Экономически активное население страны является основным носителем знаний, способствующим накоплению прорывного интеллектуального потенциала. Поэтому для общей оценки ситуации, сложившейся на сегодняшний день на российском рынке труда, приведем ниже данные некоторых исследований по вопросам трудоустройства выпускников вузов.

По результатам исследований, проведенных специалистами ООО «Центр прикладной экономики» в 2004 г, 18,8% опрошенных выпускников пермских вузов не работают по специальности, 5,6% не трудоустроены, 2,5% находятся в отпуске по уходу за ребенком и 2,8% — на службе в армии [7, с. 148-150]. Суммарно это почти 30% всех выпускников вузов региона.

Причину этой ситуации могут прояснить результаты, полученные коллективом ученых, проводивших в 2005 году при поддержке Фонда Форда и Независимого института социальной политики исследование «Поведение молодых образованных россиян на современном рынке труда». В репрезентативную выборку населения в возрасте до 35 лет вошли 600 выпускников вузов, получивших высшее образование в 1993–2004 гг. [1; 4-19, 27-36]. По данным НИСПИ, из числа работающих респондентов с высшим образованием только 41,9% спустя три года после

окончания вуза продолжают работать по специальности. Достаточно тесно связана с полученной в вузе специальностью работа 26,0% выпускников, 29,0% не имеют отношения к полученной в вузе специальности и 3,1% затруднились ответить.

Основная причина смены специальности — экономическая: отсутствие адекватной заработной платы. Данные проведенного исследования показывают сильную диспропорцию в оплате труда в разных отраслях экономики.

В то же время более трех четвертей опрошенных выпускников вузов, чья специальность связана с финансами, торговлей, бытовым и досуговым сервисом, а также с юриспруденцией, называют свою специальность востребованной и хорошо оплачиваемой. В этих отраслях перепрофилирование встречается относительно редко от 11 до 23%.

Второй фактор, оказывающий влияние на формирование интеллектуального потенциала страны — качество подготовки в системе общего среднего, начального, среднего и высшего профессионального образования.

Специалистами аналитического центра «Эксперт» при участии Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) в 2005 году проведено социологическое исследование «Вузы и работодатели о выпускниках и реформе высшей школы» [8]. В интервью приняли участие 42 руководителя ведущих российских вузов из семи крупных городов, расположенных в 6 федеральных округах — Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Екатеринбург, Красноярск, Новосибирск, Ростов-на-Дону. Также были проведены 25 углубленных интервью и 5 фокус-групп с представителями крупных и средних компаний разной отраслевой принадлежности из нескольких крупных городов России — Москва (финансы, страхование, консалтинг), Санкт-Петербург (наукоемкие производства), Владивосток (оптовая и розничная торговля, связь), Екатеринбург (добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, транспорт).

По мнению работодателей, востребованы современным бизнесом не только общий уровень развития и базовые знания молодого специалиста. Кроме этого, представители работодателей много внимания уделили таким качествам выпускников, как:

— способность системно мыслить, умение перерабатывать большие объемы информации и вычленять главное;

— умение применять на практике полученные знания, навыки командной работы, умение и желание постоянно учиться;

— нацеленность на карьеру, целеустремленность, адекватность самооценки как специалиста.

Все участвовавшие в исследовании работодатели, представлявшие наиболее динамично развивающиеся отрасли, и большинство работодателей традиционных отраслей промышленности, отмечали приоритет общего уровня развития, обучаемости и личностных качеств молодых специалистов перед глубиной и актуальностью знаний по специальности. Так, представитель одной из московских международных аудиторских компаний отметил: «Помимо того, что у них должна быть компетенция, для молодых специалистов очень важен потенциал, прежде всего интеллектуальный, творческий, и, кроме того, желание и умение учиться».

Результаты проведенных интервью свидетельствуют о неудовлетворенности работодателей качеством подготовки принимаемых на работу молодых специалистов. По отзывам опрошенных руководителей компаний, для многих выпускников сегодня характерны:

— недостаточная нацеленность на профессиональное развитие, а не только на вертикальный карьерный рост;

— неготовность к командной работе;

— отсутствие навыков самопрезентации, неумение преподнести результаты своего труда в профессиональной среде;

— завышенная самооценка;

— недостаточно активный подход к получению знаний;

— малая степень готовности осваивать новое.

При этом, как считают респонденты, основными препятствиями в подготовке молодых специалистов для бизнеса являются:

— отсутствие внятных прогнозов потребностей рынка труда в молодых специалистах;

— недостаточная коммуникация между работодателями и вузами в отношении конкретных потребностей работодателей и (или) способность работодателей внятно сформулировать свои требования;

— устаревшие, не соответствующие современным потребностям бизнеса образовательные стандарты и учебные программы;

— недостаточный объем проектно-исследовательской работы студентов и неэффективность производственных практик;

Рис. 1. Оценка потребности в специалистах на рынке труда

— отсутствие целенаправленной деятельности по формированию у студентов навыков командной работы и коммуникативных навыков, которые, как считают в большинстве вузов, должны сложиться в рамках форм общественной работы;

— неоднородный и зачастую низкий уровень контроля за качеством подготовки выпускников со стороны вузов;

— состояние преподавательского корпуса (недостаток у преподавателей современных практических знаний и опыта, слабый приток молодых кадров, оторванность преподавания от современного бизнеса).

Эти выводы подтверждаются результатами проведенного Центром тестирования и развития «Гуманитарные технологии» в мае 2009 года исследования проблем и перспектив трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда [7].

В опросе приняло участие 110 вузов из различных регионов России. Москва и Московский регион — 13% вузов от общего числа принявших участие в опросе, Центральный федеральный округ — 20%, Южный федеральный округ — 12%, Приволжский и Сибирский федеральные округа — по 14%, наконец, Уральский, Дальневосточный, Северо-Западный федеральные округа и Санкт-Петербург — оставшиеся 25%. Также в опросе приняло участие несколько ССУЗов и кадровых агентств.

Со стороны работодателей было привлечено к участию в опросе более 200 компаний, также из различных регионов России. Приблизительно 43% из них представляют Москву и Московский регион, 10% — Санкт-Петербург, и еще 47% — другие крупные города и регионы России (Казань, Новосибирск, Ульяновск, Нижний Новгород, Тольятти, Тюмень, Якутск, Челябинск и т. д.).

Анализ востребованности тех или иных профессиональных направлений показывает, что вузы и работодатели показывают примерно одинаковую структуру востребованных позиций. Первые места занимают представители из области коммуникации и продаж, специалисты инженерного и IT-профиля, а также выпускники, имеющие рабочие профессии. Экономические, юридические специализации занимают средние места рейтинга, менее всего востребованы представители гуманитарных и творческих профессий (рис. 1).

Из диаграммы на рис. 2 видно, что у компаний гораздо меньше требований к выпускникам, чем это представляется с точки зрения вузов. Для компаний важны три основных момента — оценка личностного потенциала молодого специалиста, его знаний в области специализации и его готовность работать в текущей ситуации за те деньги, которые ему предлагаются. Респонденты из вузов отмечали, что выпускник должен обладать еще и опытом работы

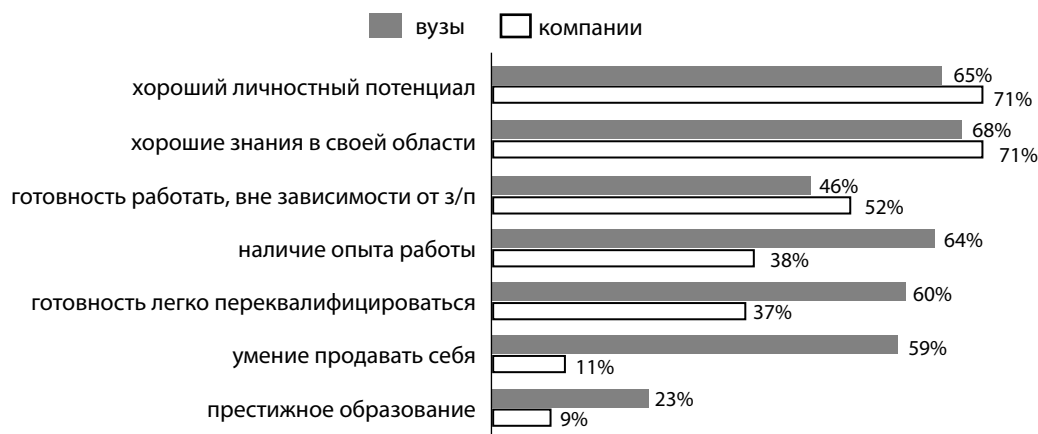

Рис. 2. Требования вузов и работодателей к выпускникам

(хотя для двух третей компаний это не такой значимый критерий) и в большинстве случаев должен быть готов переквалифицироваться под требования вакансии.

Среди важных качеств, которыми должен обладать выпускник, представители компаний называли ответственность, инициативность, активность, целеустремленность, работоспособность, трудолюбие, желание развиваться, клиентоориентированность, обучаемость, лояльность и т. п.

Большинство опрошенных вузов среди таких качеств отмечают активность, готовность к обучению, инициативность, коммуникабельность, мобильность, ответственность, работоспособность, трудолюбие, профессионализм, целеустремленность и т. п.

Что касается важных компетенций для молодых специалистов, то тут мнения вузов и работодателей практически совпадают. Компетенции выпускников связаны с их желанием развиваться, хорошо работать и вкладываться в трудовую деятельность.

Вузы и компании-работодатели также едины во мнении о нежелательных качествах. Это лень, повышенная агрессивность и конфликтность, пассивность, вредные привычки, чрезмерная амбициозность, безынициативность, безответственность, пассивность, отсутствие лояльности, завышенная самооценка, низкий уровень культуры и т. п.

Таким образом, сегодня наблюдается усиление требований к качеству образовательных услуг предъявляемых всеми заинтересованными сторонами. Это ведет к необходимости выработки новых подходов к управлению деятельностью не только отдельных вузов, но и всей системы высшего профессионального образования.

Ключевой задачей управления вузом в современных экономических условиях является создание конкурентоспособных образовательных программ, максимально полно учитывающих запросы потенциальных работодателей, студентов и абитуриентов, работающих на инновационный прорыв в экономике страны и позволяющих вузу занимать лидирующие позиции на рынке образовательных услуг.

Стратегический приоритет модернизации высшей школы — инновационные образовательные программы.

Основная стратегическая цель модернизации российской высшей школы сегодня — это построение гибкой, открытой к запросам общества в целом и конкретного человека системы образования.

В настоящее время наиболее успешными в плане обеспечения инновационного характера развития образовательной деятельности становятся такие высшие учебные заведения, в которых одновременно реализуются следующие три типа процессов:

- разработка студентами реальных проектов в различных секторах экономики;
- проведение исследований фундаментального и прикладного характера;
- использование образовательных технологий, обеспечивающих студентам возможность выбора учебных курсов.

Необходимо использовать дифференцированный подход к модернизации научной и педагогической деятельности, заключающийся в приоритетном развитии элитных технологий (ситуационный анализ, кейс-стади, динамическое моделирование бизнес-ситуаций, учебные фирмы) на основе информационно-сервисной поддержки процессов когнитивного анализа и проектного моделирования, а также оснащения

ситуационных центров современным оборудованием для развития навыков работы слушателей в постоянно меняющейся экономической среде.

В традиционном учебном процессе формируются в основном следующие уровни компетенций:

- репродуктивный — умение решать поставленную задачу с использованием стандартных методов и по заранее разработанным, установленным и предписанным процедурам;

- новационно-репродуктивный — способность находить в рамках поставленных задач нестандартные методы их решения, выбирая наиболее эффективные процедуры.

Сегодня этого недостаточно, поскольку современные запросы работодателей к системе высшего профессионального образования требуют формирования у выпускников совершенно иного, более высокого уровня мышления. А следовательно, в современном образовательном процессе у всех без исключения выпускников должны вырабатываться такие уровни организационно-деятельностных компетенций, как:

- новационный — способность специалиста ставить цели и задачи своей деятельности, деятельности своих подчиненных и организации в целом, разрабатывать инновационные методы и процедуры их достижения;

- новационно-креативный — способность специалиста разрабатывать концепции своей деятельности, деятельности своих подчиненных, организации в целом на основе многоуровневой оценки ситуации в организации и внешней среде.

Этих уровней компетенций возможно достичь через принципиально иные подходы к организации учебного процесса. В частности, основанием бакалаврской подготовки является модульная система построения обучения. Системообразующим элементом модуля должно стать теоретическое или практическое исследование, выполняемое группой студентов в течение модуля.

В РЭУ им. Г. В. Плеханова разработана концепция организации образовательной деятельности, базирующаяся на описанном выше подходе. Данная модель была одобрена на заседании учебно-методических объединений по экономике, национальной экономике, экономике труда и товароведению и экспертизе товаров, действующих на базе РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Предлагается следующий вариант организации учебного процесса:

На первом курсе у студентов формируется репродуктивный уровень мышления, т. е. умение решать стандартные задачи стандартными методами. В течение года проводится диспут на тему «Экономические реформы дореволюционной России». Основу для диспута дают три базовые дисциплины: история экономики, отечественная история, социология.

Параллельно с гуманитарным блоком идет блок инструментальных дисциплин. В течение года проводится синтетический практикум «Оценка макроэкономических параметров развития России и регионов». Базовыми дисциплинами практикума являются макроэкономика, макростатистика и информационные технологии.

На втором курсе у студентов формируется новационно-репродуктивный уровень мышления, т. е. способность находить для стандартных задач нестандартные методы решения.

Как и на первом курсе, используются диспуты и синтетические практикумы.

В качестве базовых дисциплин для диспута используются мировая экономика, политология и правоведение. Могут быть выбраны следующие темы диспутов: «Экономические реформы современной России» или «Вхождение России в ВТО». В отличие от диспута на первом курсе, обсуждаются актуальные проблемы экономики России и студенты должны предложить свой собственный проект по конкретной ситуации.

Базовыми дисциплинами для синтетического практикума являются микроэкономика, микростатистика и информационные технологии, а тема практикума «Оценка макроэкономических параметров предприятия».

В результате диспутов, дискуссий, публичных выступлений, подготовки эссе, аналитических записок на исторически важные для экономики страны темы у студентов вырабатываются гражданская позиция и принадлежность к научной школе вуза, а также формируются начальные умения поиска, хранения, обработки и систематизации информации, аналитического реферирования и презентации.

При подготовке к практикумам происходит моделирование работы в команде, тренируются навыки выстраивания межличностных отношений в группе, формирования группового авторского мнения, приобретаются знания об отдельных инструментах экономико-статистических исследований, владение информационными технологиями и методами статистического анализа для аргументации положений эко-

номической теории. Формируется понимание взаимосвязей экономических процессов поведения фирмы на рынке, умение использовать и применять инструментарий статистики для анализа ситуаций микроэкономики на основе владения информационными технологиями и т. д.

Третий и четвертый курсы посвящены формированию у студентов новационного (постановка цели и задачи своей деятельности по известной проблеме, разработке инновационных методов и процедур их достижения) и новационно-креативного (выявление проблемы, определение стратегии деятельности и моделирование проекта) уровней мышления через учебные консалтинговые проекты с использованием знаний по целому ряду дисциплин. Это и маркетинг, и экономический анализ, и бизнес-статистика, и управление проектами, и информационные технологии, а на 4-м курсе — дисциплины специализации.

При этом закладывается умение использовать для анализа проблемных ситуаций прикладной экономики арсенал методов экономического анализа на основе владения определенным уровнем информационных технологий. Продолжается освоение методов рефлексивной культуры, групповой коммуникации и профессиональной этики, также формируется владение методами научного реферирования.

Ключевым принципом организации обучения является изменение соотношения между типами учебной работы: 30% времени должно отводиться на лекционный блок, 30% — на семинары, тренинги, практикумы и игровые методы обучения, 40% — на самостоятельную работу и работу в группах над проектами.

Главной целью образования в РЭУ им. Г. В. Плеханова ставится целостность профессионального и личностного развития студентов. Благодаря такому подходу, выпускники будут способны встраивать полученные ими знания, умения и навыки в современную экономическую реальность и быть успешными.

Для практической реализации компетентного подхода в обучении нами предлагается расширить использование современных информационных интерактивных технологий, таких как:

- видеоконференции;
- электронные учебники и учебные пособия;
- электронные игры;
- электронные тренинги;

- электронные программные комплексы;
- online-тестирование.

Предлагается также использовать следующие концепции проектного моделирования:

- междисциплинарные групповые работы;
- междисциплинарные внутривузовские практики и тренинги;
- усложнение проектной работы от курса к курсу;
- выполнение проектов по заказу компаний.

Ориентация на компетенции является новым принципом целеполагания при проектировании образовательных систем. С его помощью предполагается осуществить переход от традиционных академических норм оценки качества подготовки к внешней оценке профессиональной и социальной подготовленности выпускников (с ориентацией на рыночную стоимость такой подготовки).

Компетентностная модель качества подготовки выпускников ориентирована на междисциплинарные, интегрированные требования к результату образовательного процесса, а следовательно, и на междисциплинарный подход к его организации. Использование такой модели требует от вуза выстраивания системы обратной связи с рынком труда и проведения серьезных маркетинговых исследований рынка образовательных услуг.

Таким образом, новые ФГОСы задают базовый ориентир образовательной деятельности вуза, реализация которого невозможна без достижения удовлетворенности всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров) вуза. Поэтому основным принципом образовательной деятельности становится ориентация на потребителя или клиентоориентированный подход, вызывающий у вузов — лидеров российского образовательного пространства стремление к разработке собственных стандартов, намного превышающих требования государства и ориентированных на инновационное развитие учебного процесса.

ФГОСы не регламентируют конкретные способы достижения результатов образования. Это дает возможность реализовать право вуза на индивидуальные акценты, учитывать региональные и вузовские особенности, а также требования рынка труда при разработке основных образовательных программ.

При этом в требованиях к ООП следует перечислять основные методы преподавания, обучения и оценивания, усиливая роль индивидуальных и групповых проектов, в т. ч. исследовательской направленности, устных презента-

Таблица

Субъекты, объекты и методы оценки компетенций

Субъект оценки	Объект оценки	Метод оценки
Федеральная служба по надзору	Тезаурус — базовые знания Базовые инструменты Условия и регламенты проведения учебного процесса	Тестирование Проверка соблюдения регламентов KPI (key performance indicators) — ключевые показатели деятельности
Работодатели	Навыки проектной работы Навыки командной работы Креативные, инновационные решения	Квалификационные профессиональные экзамены Неформальное участие в ГАКах
Высшее учебное заведение	Базовые и профессиональные знания Базовые и профессиональные инструменты Все виды компетенций	Все выше перечисленное

Рис. 3. Формирование модели оценки компетенций

Рис. 4. Графическая модель оценки компетенций

ций, обзоров современных источников знаний, исследовательских семинаров, интерактивного дистанционного обучения и т. д.

В соответствии с выделенными уровнями формирования компетенции, мы считаем необходимым дифференцировать и оценочные средства, используемые в учебном процессе.

В частности, технологии тестирования возможно применять только к репродуктивному уровню компетенций. Для оценки более высоких уровней компетенций необходимо выработать свой набор показателей, шкалы и технологию оценки компетенций.

Предлагается использовать балльную оценку показателей, различную систему весов для ин-

вариантных и специальных показателей с целью получения интегральной оценки.

В процессе оценки сформированности социально-личностных и организационно-деятельностных компетенций следует учитывать степень творческой самостоятельности, активности, доказательности суждений студентов и выпускников.

Для оценки компетенций очень важно договориться об их стандартных признаках, возможных синонимах компетенций, об описательных и базовых характеристиках компетенций, диапазонах их усвоения.

На рисунке 3 представлен цикл формирования компетенций — от модели компетенций к способам и целям оценки.

В таблице представлены субъекты оценки, соответствующие им объекты оценки и методы оценки, применяемые каждым из субъектов.

Новая система организации учебного процесса требует иных подходов к организации контроля качества приобретенных студентом во время занятий знаний, умений и навыков. Традиционная система экзаменов страдает недостаточной объективностью и снижением мотивирующей функции контроля. Необходимы более совершенные методы оценки знаний студентов, например, промежуточный контроль знаний с помощью тестовых технологий, деловых игр, письменных контрольных заданий, кейсов и проч. Для осуществления нового подхода предлагается создание в вузах центров независимой (внешней) экспертизы итоговых экзаменационных работ.

При этом каждую компетенцию предлагается оценивать по пятибалльной шкале (рис. 4):

- недостаточный уровень;
- уровень понимания;
- базовый уровень;
- высокий уровень;
- сильный уровень.

Это дает возможность более гибко управлять учебным процессом и индивидуализировать оценку.

Наиболее объективным вариантом оценки, по нашему мнению, является оценка, осуществляемая методом «3600». В этом случае проводится всесторонняя оценка обучающегося, когда субъектами оценки выступают:

— сам студент — самоопределение, рефлексия;

— сокурсники — оценка работы в команде, оценка проектов и т. п.;

— преподаватель — координация учебно-научной деятельности студента, традиционная оценка знаний;

— руководители практики — оценка достижений студента по применению приобретенных компетенций в практической деятельности в ходе учебных и учебно-производственных практик в реальной организации;

— работодатель — неформальное участие в оценке учебно-консалтинговых проектов студентов, в жюри конкурсов студенческих и дипломных проектов и в работе государственных экзаменационных комиссий.

Список источников

1. *Александрова О.* Экономика образования и экономическая политика государства // *Экономика образования.* 2006. № 3.
2. *Алтухов В., Серебряков А.* Исследование проблем и перспектив трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда. Вузы и работодатели 2009 // Профкарьер. [Электронный ресурс]. URL: http://www.profcareer.ru/lib/art_research_young_specialists2009.php?PHPSESSID=ohrd7s5hstuvbmhenvhgqp8d34
3. *Байденко В. И.* Проектирование федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования. Экспериментальная учебная авторская программа обучения разработчиков образовательных программ нового поколения. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Президиум КОС УМО и НМС высшей школы, 2007.
4. *Взятых В., Романкова Л.* Социальные технологии в образовании // *Высшее образование в России.* 1998. № 1.
5. Вузы и работодатели о выпускниках и реформе высшей школы. Аналитический доклад. М.: Аналитический центр «Эксперт», 2005.
6. *Данько Т. П., Селянская Г. Н.* Проектирование государственных образовательных стандартов третьего поколения по специальностям «национальная экономика» и «экономика труда» // *Высокие интеллектуальные технологии образования и генерация знаний в образовании и науке* : материалы XII междунар. науч.-практ. конф. 17-18 февраля 2005 г., СПб. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2005.
7. *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // *Высшее образование сегодня.* 2003. № 5.
8. *Исаева К. В., Селянская Г. Н.* Компетентный подход — основа инновационного образования // *Инновации в высшем социально-гуманитарном и экономическом образовании в контексте Болонского процесса* : сб. ст. общерос. науч.-практ. конф. 10-11 октября 2006 г. Саратов. Саратов: Изд-во Саратовского государственного социально-экономического ун-та, 2006.
9. *Кондратьев В. В.* Новый стандарт ВПО на основе компетентного подхода. Казань: Казанский государственный технологический университет, 2007.
10. *Кушин Б., Кадатская И.* Мониторинг трудоустройства выпускников пермских вузов // *Высшее образование в России.* 2006. № 1. с. 148-150
11. *Малиновский П.* Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий // *Российское экспертное обозрение.* 2007. № 3.
12. *Селянская Г. Н.* Методологические основания практики решений по выработке и оценке компетенций // *М-лы Первой всероссийской электронной научно-практической конференции «Аккредитация в сфере высшего профессионального образования России: состояние и перспективы».* М.: Гильдия экспертов в сфере проф. образования, 2010.
13. *Селянская Г. Н.* Обеспечение гарантий качества высшего профессионального образования через развитие клиентоориентированных образовательных программ // *Конкурентоспособность на основе совершенства и инноваций — путь к успеху* : материалы науч.-практ. конф., г. Ярославль, 27 ноября 2007 г. Ярославль: ЯрГУ, 2007.

УДК 371:001.895

ключевые слова: компетенция, инновации в образовании, профессионализм

ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

А. Г. Шеломенцев, А. С. Головина

В статье рассмотрены базовые принципы саморегулирования туристских комплексов как региональных социально-экономических систем на примере Свердловской области. Показано, как туристский комплекс влияет на социально-экономическое развитие территориальных хозяйственных систем. Проанализирована стратегия развития туризма на уровне туристского центра.

В настоящее время социальные и экономические системы стали объектом пристального изучения не только с позиций традиционных наук об обществе (истории, социологии, политологии, отраслевых экономических наук), но и с позиций математических, физических и биологических наук. За последнее время появилось много ярких, интересных публикаций в части нетрадиционных подходов к изучению социально-экономических систем, в том числе и региональных [8, 12, 14]. Так, на смену кластерному подходу к изучению тех или иных систем пришли фрактальный, ноосферный и др. С обозначенных позиций авторы рассматривают как отдельные территории, так и виды деятельности. К примеру, многие специалисты часто рассматривают региональный туризм как многоотраслевой кластер [11].

Как известно, управление как неотъемлемая часть любой системы представляет собой воздействие, направленное на поддержание ее в заданном состоянии или перевод в качественно новое состояние. Это новое состояние не обязательно характеризуется положительным изменением системы. Кризис 2008 г. это хорошо показал.

Стало очевидным, что результатом управления может в равной степени являться и прогресс, и регресс. Однако большинство ученых в области управления и менеджмента рассматривают управление как целевое воздействие, направленное на положительный результат, связанный с приращением добавленной стоимости и потребительской ценности на уровне пред-

приятия, организации, региона и общества [7]. Иными словами, управление — это воздействие, приводящее к прогрессу, к положительному изменению состояний социально-экономических систем. С физико-биологических позиций системы управления часто рассматривают как гомеостаты — комплексы мероприятий и действий, предназначенных для поддержания любых параметров состояния социально-экономических систем в заданных пределах, определяемых принципами саморегулирования и самоорганизации [7]. К основным принципам саморегуляции систем относят: 1) принцип целеполагания; 2) принцип необходимого разнообразия; 3) принцип энтропии.

1. Принцип целеполагания является базовым. Согласно этому принципу, ясность приоритетов развития социально-экономической системы является необходимым условием упорядочения связей и отношений между элементами открытых социально-экономических систем. Именно этот принцип позволяет определить миссию, от выбора которой зависит траектория развития, правильное определение стратегии и тактики управления этим процессом на уровне страны, регионов, комплексов отраслей и видов деятельности. Если приводить примеры на уровне государств (макроуровень), то самым ярким примером является опыт Китая в целом, его базовых отраслей, включая и успешное развитие въездного туризма. В последние годы в КНР оформилось и набирает силу великодержавное течение с его главным тезисом «XXI век — век Китая» и нескрываемым намерением борьбы за экономическое господство. Стремление преодолеть национальное унижение и вырваться из тисков крайней бедности абсолютного большинства населения Китая на протяжении последних 20 лет искусственно усиливалось властями с помощью кампаний национальной консолидации. Аналогичные примеры формирования политики государства в период экономической трансформации на базе определения национальных приоритетов и выдвижения консолидирующей национальной идеи демонстрируют и другие страны (Германия, Япония, США и др.) Такая идея

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-02-00694 а/Г «Оценка влияния освоения минерально-сырьевого комплекса на межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Монголии».

представляет основные социально-экономические приоритеты развития государства, ясно определяет цели этого процесса, роль и место каждого региона в достижении этих целей [13].

Участники развернувшейся в последнее время дискуссии в научной литературе по поводу модернизации России в контексте глобализации отмечают одно важное обстоятельство. Речь идет о том, что достижения «азиатских тигров» и Китая надо рассматривать как вариант ассоциированного-зависимого развития. Государствам Запада было выгодно, чтобы в этих странах начиналась ускоренная модернизация, — выгодно сначала по политическим мотивам в условиях холодной войны, а потом и в связи с теми структурными изменениями, которые происходили в их экономике. Успешная экспортная ориентация названных стран стала возможной только потому, что производство многих товаров стало невыгодным делом в государствах Центра мировой системы. Форсированная индустриализация восточноазиатской периферии, сумевшей сдвинуться к ядру мирового капитализма, неотделима от постиндустриальных сдвигов в Центре. Отсюда — вывод, как резюмирует д. э. н. В. А. Красильщикова, о новых возможностях, которые открывает глобализация: «И тут стоит поставить вопрос: с какими процессами в мировой экономике могла бы сопрягаться российская модернизация? И хотя для нас принципиально важно развитие внутреннего рынка, игнорировать мировой контекст, в котором существует Россия сегодня, просто недопустимо» [цит. по 5, с. 108].

За последние годы инновационная идея развития России и ее базовых промышленных регионов, к которым, без всякого сомнения, принадлежит и Свердловская область, обретает все большую силу, реальные территориально-отраслевые контуры. Среди точек роста российской и региональной экономики все чаще отмечают туризм как самую динамичную отрасль. Сформированы федеральная и региональные целевые программы развития туризма до 2015 г.

Принцип целеполагания определяет роль, место отдельных комплексов, отраслей и видов деятельности в социально-экономическом развитии регионов. Так, в последнее время в российской научной литературе появилось новое понятие — «туристский регион» [11].

Успешная реализация данного принципа предполагает и определенную технологию. В теории и на практике есть единичные попытки представить алгоритм целеполагания как уни-

версальный вид управленческой деятельности. Наиболее успешными, на наш взгляд, являются работы М. Г. Дегтярёва. Его алгоритм включает следующие этапы:

- 1) ясность цели;
- 2) осознание ценности цели;
- 3) время;
- 4) ресурсы;
- 5) осознание достижимости цели;
- 6) задачи;
- 7) осознание ценности задач;
- 8) осознание трудностей их решения;
- 9) этика в использовании ресурсов;
- 10) измерительные процедуры;
- 11) контроль;
- 12) формализация цели;
- 14) осознание миссии [3].

2. Принцип необходимого разнообразия, согласно которому разнообразие экономических субъектов и объектов в их сбалансированной количественной и качественной структуре является необходимым условием развития открытых социально-экономических систем. Так, индустрия гостеприимства любого региона представляет собой сложнейший социально-экономический и производственно-технический комплекс, имеющий свои количественные и качественные характеристики. О степени открытости этих региональных систем легко судить по интернет-ресурсам, представленным на официальных сайтах городов-миллионников, представляющих лицо целых регионов. Интересные исследования в этом плане выполнены учеными Института экономики УрО РАН [2].

3. Принцип экономической энтропии, согласно которому позитивная трансформация качества экономических субъектов и объектов возможна преимущественно в открытых социально-экономических системах. В соответствии с этим формируются конкурентные преимущества регионов, их позиции в межрегиональном взаимодействии, а также на международных рынках.

В работах по моделированию систем управления ученые отмечают важность определения степени открытости системы по ее входам. Действительно, если система по входу закрыта, то она, очевидно, будет устойчива по этому входу. Если система закрыта по всем входам, то она будет абсолютно устойчива, однако известно, что закрытые системы обречены на гибель, поэтому решение закрыть систему для повышения ее устойчивости будет ошибочным. Примером такой деградации территориальных

социально-экономических систем являются ЗАТО, которых особенно много на Урале.

Вместе с тем слишком высокая степень открытости приводит к снижению устойчивости системы, а значит, одной из задач является обеспечение устойчивости систем по входам.

Рассмотренные выше базовые принципы саморегуляции вполне возможно применить к индустрии туризма. Развиваясь, туристский комплекс оказывает непосредственное воздействие на ключевые секторы экономики, тем самым улучшая уровень социально-экономического развития как отдельных территориально-хозяйственных систем, так регионов и стран, повышая степень открытости и снижая энтропию. Под индустрией туризма понимают многоотраслевой производственный комплекс, занимающийся воспроизводством условий для путешествий и отдыха, т. е. производством туристского продукта. Индустрия туризма региона представляет собой совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов общественного питания, средств развлечения, объектов познавательного, делового, оздоровительного, спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, операторов туристских информационных систем, а также организаций, предоставляющих услуги экскурсоводов, гидов-переводчиков и инструкторов-проводников. Важно отметить, что для индустрии туризма важен и человеческий потенциал, и природно-ресурсный потенциал, и экологический потенциал страны [6, с. 168].

Происходящее в России реформирование экономики вызвало крутые перемены и в сфере туризма. Предполагалось, что туризм станет одним из доходных сегментов рынка. Действительно, снятие железного занавеса и распад Советского Союза привели к активизации миграционных процессов. Начиная с 1990-х гг. происходит рост иммиграционных потоков и в Свердловскую область [7, с. 228-229], и эти потоки обусловлены в т. ч. туризмом. Но на деле туризм оказался в глубоком кризисе, хотя на поверхности это, может быть, не столь очевидно. Однако серия последних громких банкротств туроператоров в 2010 г. еще раз подтвердила наличие серьезных проблем в отрасли, связанных с нормативно-правовым регулированием, инвестированием и финансовым менеджментом на федеральном уровне. Как отмечает Т. Фрольченко, отсутствие пос-

тепенности в переходе к новым принципам управления привело к несомненным издержкам. Масштабность реформирования не была соизмерена с временным горизонтом осуществления преобразования. Особенности предшествующего развития туристской деятельности России не были учтены, как и не были учтены особенности культуры, поведения россиян как в роли потребителей туристских услуг, так и в роли профессиональных менеджеров. При этом ориентация на стереотип зарубежного менеджера не способствовала извлечению выгоды и достижению эффективного результата [11]. Также важно понимать, что переход к рыночным отношениям многократно усложняет государственное регулирование, т.к. обуславливает несовпадение основных целей участников преобразований, заинтересованных в последствиях [13, с. 75].

С 2002 по 2005 гг. в России реализовывалась Концепция развития туризма, ее основные задачи, включенные в план мероприятий, были выполнены.

Стратегия развития туризма в Российской Федерации является логическим продолжением Концепции развития туризма, учитывает современные мировые тенденции в сфере туризма и особенности текущего этапа развития российской туристской индустрии. В соответствии с положениями Стратегии разработан План мероприятий по ее реализации на перспективу до 2015 г., являющийся неотъемлемой частью Стратегии. Положения Стратегии должны стать основой для общегосударственного понимания места и роли сферы туризма в экономике страны, реализации основных задач развития туризма, стоящих перед органами исполнительной власти всех уровней, а также должны определить направления и уровень государственной поддержки туристской индустрии.

Реализация Стратегии обеспечит вклад туристской индустрии в решение следующих общенациональных задач современного этапа экономического развития России:

- создание условий для динамичного и устойчивого экономического роста;
- повышение уровня и качества жизни населения путем увеличения доступности туристских услуг, занятости и доходов населения страны;
- повышение конкурентоспособности российской экономики путем повышения привлекательности нашей страны и ее регионов как туристских направлений;

— обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации за счет увеличения доли туризма в региональном валовом продукте.

В современных условиях все более актуализируется значимость регионального уровня развития туристской индустрии. Регион — это тот уровень, где данная проблема наполняется реальным содержанием и привязана к условиям той или иной территории с учетом имеющихся ресурсов, реально существующих возможностей и конкретных запросов населения.

В регионах, обладающих туристским потенциалом, возникает потребность в стимулировании и планировании развития туристской сферы, а именно — развития въездного и внутреннего туризма, что обеспечивает улучшение их социально-экономического положения. Под туристским регионом понимают отдельную территориальную единицу, которая может соответствовать конкретной административно-территориальной единице, занимать ее часть или представлять собой территорию, расположенную на нескольких административно-территориальных единицах, основанную на общности туристских ресурсов, объединенную общей туристской индустрией и инфраструктурой и воспринимаемую в виде целостного объекта. Категория «туристский регион» непосредственно используется в региональном туристском планировании, которое находит свое отражение в разработке региональной туристской политики, программ и планов развития сферы туризма с учетом специфики конкретного региона. Туристское планирование на локальном уровне отличается сильной детализацией и осуществляется обычно на уровне туристского центра. Понятие «туристский центр» целесообразно использовать в привязке к туристскому региону, например, «Екатеринбург — туристский центр Урала» (точнее, центр делового туризма).

Проведение в регионах социально-экономических преобразований привело к росту роли муниципальных образований во всех сферах жизни общества.

В этих условиях новым импульсом в развитии сферы туризма и его инфраструктуры может стать объединение усилий центра и регионов, регионов и муниципальных образований, что поможет туристской сфере стать полноценной, эффективно функционирующей единицей экономической системы как страны, так и отдельного региона или муниципального образования.

Таким образом, акцентируя внимание на проблематике развития туризма, можно сделать вывод о том, что развитие любой социально-экономической системы невозможно без исследования, стратегического планирования, координации, организации, разработки и принятия управленческих решений, контроля за их осуществлением, т. е. без четко выстроенной системы эффективного управления деятельностью и социально-экономическими процессами в туризме, что обуславливает необходимость формирования активной туристской политики, которая должна быть отражена при разработке концепций, целевых программ развития туризма соответствующих территориальных образований. Элементы активной туристской политики просматривается в региональной Концепции и Стратегии развития туризма в Свердловской области, направленной на всемерное развитие внутреннего, делового и социального туризма. За последнее пятилетие проделана большая работа по созданию положительного имиджа Свердловской области и г. Екатеринбурга как центра мирового конгрессного туризма (Саммит ШОС 2008 и 2009 гг., международная выставка «Иннопром» в 2009, 2010 гг.).

При условии реализации всех разработанных мероприятий и проектов прогнозируется положительная динамика развития туристских потоков на территории Свердловской области. К 2015 году перед индустрией гостеприимства Свердловской области поставлены задачи добиться лидерства на рынке:

- делового и конгрессно-выставочного туризма в регионе Большого Урала и Сибири, стать одним из лидеров в данном виде туристской деятельности на уровне Российской Федерации;
- городского развлекательного, семейного и шопинг-туризма в регионе Большого Урала;
- спортивного туризма (зимние виды спорта, походный туризм) в регионе Урала и Западной Сибири (и успешно конкурировать с республикой Башкортостан и Челябинской областью на рынке горнолыжного, приключенческого и экологического туризма);
- лечебного и рекреационного туризма в регионе Урала и Западной Сибири (и успешно конкурировать с республикой Башкортостан, Челябинской областью и Пермским краем).

Список источников

1. Артюхов В. В. Общая теория систем. М.: Либроком, 2009. 90 с.

2. *Важенина И. С.* Территория в системе экономических отношений. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 77 с.
3. *Десярѳев М. Г.* Целеполагание / Бизнес_ключѳ. 2007. № 10. С. 19-22.
4. *Глазунов С.* Системные законы и корпоративное управление // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 4. с. 60-65.
5. *Ковзанадце И.* Уроки мирового кризиса. Необходима новая модель регулирования экономики // Вопросы экономики. 2010. № 4. с. 113-116.
6. *Козаков Е. М.* Влияние глобализации на социальную ответственность власти // Методология оценки влияния социальной ответственности бизнеса на экономику регионов России : сб. науч. тр. / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 195 с.
7. *Максимчук О. В.* Регулирование региональных социально-экономических процессов // Государственное регулирование экономики. Н. Новгород, 2003. с. 125-130.
8. Модернизация России в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. с. 105-120.
9. Проблемы и перспективы внешней трудовой миграции // Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина, акад. РАН В. А. Черешнева, д. э. н. проф. А. Ф. Расулева. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 774 с.
10. Пространственная организация социально-трудовых систем: генезис и проблемы развития: кол. Монография / Отв. ред. О.А. Козлова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
11. Управление развитием туристского комплекса муниципального образования // Туризм. Право и экономика. 2009. № 1. с. 21-23.
12. *Шеломенцев А. Г.* Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.
13. *Шеломенцев А. Г., Мыслякова Ю. Г.* Методологический подход к оценке социально ответственного регионального технологического развития // Механизмы оценки влияния социальной ответственности бизнеса на устойчивое развитие регионов России / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 243 с.
14. *Andreeva E.* International Integration and National Development. Ekaterinburg: Published house of Institute of Economics. 2009.

УДК 338.48(1)

ключевые слова: целеполагание, энтропия, разнообразие, индустрия туризма, туристский регион, туристская политика, концепции, стратегии, целевые программы развития туризма

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

А. Е. Варшавский

В статье рассмотрены основные процессы, влияющие на развитие продовольственной сферы. Автором определены основные последствия воздействия внедрения проблемных инноваций на качество пищевой продукции и внутреннее потребление населения, а также предложены меры по снижению негативных последствий в этой области.

В условиях глобализации все чаще отмечаются провалы в рыночной экономике, недостаточность рыночных рычагов управления инновационным развитием и необходимость эффективного государственного регулирования экономики, основанной на знаниях. Провалы рынка, в свою очередь, усугубляют проблемы инновационного развития.

По мере усложнения знаний, перехода к междисциплинарным исследованиям возрастает неопределенность в оценке возможных

последствий от использования инноваций. Особенно серьезной эта проблема стала с ускоренным развитием наук о живой материи, а также с возрастанием роли общественных наук и появлением инноваций в сфере управления, в финансовой сфере, в области обработки информации [2].

Особенно серьезны риски при массовом применении инноваций, которые становятся все более проблемными, приносящими не только пользу, но и вред при неразумном использовании достижений науки и технологии.

Наиболее актуальной представляется проблема качества продуктов питания и внутреннего потребления (в том числе лекарственных средств) для решения которой все чаще предлагается использовать инновации. Однако применение многих инноваций сопряжено с огромным риском для здоровья [4, 5].

2. *Важенина И. С.* Территория в системе экономических отношений. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 77 с.
3. *Десярѳев М. Г.* Целеполагание / Бизнес_ключѳ. 2007. № 10. С. 19-22.
4. *Глазунов С.* Системные законы и корпоративное управление // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 4. с. 60-65.
5. *Ковзанадце И.* Уроки мирового кризиса. Необходима новая модель регулирования экономики // Вопросы экономики. 2010. № 4. с. 113-116.
6. *Козаков Е. М.* Влияние глобализации на социальную ответственность власти // Методология оценки влияния социальной ответственности бизнеса на экономику регионов России : сб. науч. тр. / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 195 с.
7. *Максимчук О. В.* Регулирование региональных социально-экономических процессов // Государственное регулирование экономики. Н. Новгород, 2003. с. 125-130.
8. Модернизация России в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. с. 105-120.
9. Проблемы и перспективы внешней трудовой миграции // Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина, акад. РАН В. А. Черешнева, д. э. н. проф. А. Ф. Расулева. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 774 с.
10. Пространственная организация социально-трудовых систем: генезис и проблемы развития: кол. Монография / Отв. ред. О.А. Козлова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.
11. Управление развитием туристского комплекса муниципального образования // Туризм. Право и экономика. 2009. № 1. с. 21-23.
12. *Шеломенцев А. Г.* Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.
13. *Шеломенцев А. Г., Мыслякова Ю. Г.* Методологический подход к оценке социально ответственного регионального технологического развития // Механизмы оценки влияния социальной ответственности бизнеса на устойчивое развитие регионов России / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 243 с.
14. *Andreeva E.* International Integration and National Development. Ekaterinburg: Published house of Institute of Economics. 2009.

УДК 338.48(1)

ключевые слова: целеполагание, энтропия, разнообразие, индустрия туризма, туристский регион, туристская политика, концепции, стратегии, целевые программы развития туризма

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

А. Е. Варшавский

В статье рассмотрены основные процессы, влияющие на развитие продовольственной сферы. Автором определены основные последствия воздействия внедрения проблемных инноваций на качество пищевой продукции и внутреннее потребление населения, а также предложены меры по снижению негативных последствий в этой области.

В условиях глобализации все чаще отмечаются провалы в рыночной экономике, недостаточность рыночных рычагов управления инновационным развитием и необходимость эффективного государственного регулирования экономики, основанной на знаниях. Провалы рынка, в свою очередь, усугубляют проблемы инновационного развития.

По мере усложнения знаний, перехода к междисциплинарным исследованиям возрастает неопределенность в оценке возможных

последствий от использования инноваций. Особенно серьезной эта проблема стала с ускоренным развитием наук о живой материи, а также с возрастанием роли общественных наук и появлением инноваций в сфере управления, в финансовой сфере, в области обработки информации [2].

Особенно серьезны риски при массовом применении инноваций, которые становятся все более проблемными, приносящими не только пользу, но и вред при неразумном использовании достижений науки и технологии.

Наиболее актуальной представляется проблема качества продуктов питания и внутреннего потребления (в том числе лекарственных средств) для решения которой все чаще предлагается использовать инновации. Однако применение многих инноваций сопряжено с огромным риском для здоровья [4, 5].

При этом особенно выделяются два процесса, влияющие на качество продуктов питания и внутреннего потребления: концентрация капитала и пространственное размывание цепочки предложения.

Концентрация капитала ведет к монополизированному рынку и повсеместному распространению продукции определенного, не всегда высокого, а в ряде случаев низкого качества (например, в таких далеко друг от друга расположенных странах, как Ирландия и Россия, многие импортируемые продукты питания одинаковы и характеризуются невысоким качеством; по оценке экспертов US Pharmacopeia, глобализация пищевой отрасли ведет к возрастанию рисков обеспечения безопасности и качества ингредиентов).

Пространственное размывание цепочки предложения, когда теряется контроль и ответственность за выполнение отдельных стадий производственного процесса, распределенных в пространстве (в различных фирмах и странах) еще более опасно. При этом часто не удается полностью обеспечить сопряженность всего производственного процесса из-за межстрановых различий. Размывание цепочки предложения приводит к еще одной проблеме — перестают учитываться региональные особенности индивидуальной реакции каждого человека на пищевые продукты.

Результаты обследования 251 компаний пищевой промышленности США в мае 2008 г. показали, что цепочка предложения существенно усложняется: 39% производства и 30% дистрибуции пищевых продуктов производятся компаниями-субподрядчиками. 46% компаний, нанятых по контракту, сами не производят ингредиенты, а закупают их. Эксперты отмечают, что 10 лет тому назад такой практики не было. В 2007 г. 67% компаний с доходом более 5 млрд долл. отзывали некачественные продукты. В среднем каждая компания отзывала свои продукты 178 раз (38 из-за качества, 36 — из-за аллергенности, 31 — из-за потенциального загрязнения продукта, 30 — из-за проблем с безопасностью, 29 — из-за проблем с рыночной этикеткой и 14 из-за ухудшения качества при хранении). Для понимания необходимости отзыва продукции требуется 14 дней, и 20 дней уходит на сам отзыв, однако для отдельных категорий недостатков эти сроки значительно выше. В результате реально отзывается менее 40% некачественной продукции, 60% продается и потребляется [6].

Усилившаяся в результате глобализации дифференциация доходов, как внутри отдельно взятой страны, так и между странами, привела к формированию рынка товаров для бедных. В мировом масштабе это около четырех миллиардов человек, живущих в бедности, т. е. имеющих годовой доход менее 3 тыс. долл., или 250 долл. в месяц (такой порог бедности предложен World Resources Institute). В стоимостном выражении мировой рынок бедных, оцененный по паритету покупательной способности (ППС), составляет около 5 трлн долл.

Если к бедным относить тех, чей доход составляет менее 60% от среднего дохода (в 2009 г. — 10,1 тыс. руб.), то к ним следует отнести около 40% населения России — по данным Росстата доход до 10 тыс. руб. имели 39,2% населения (в 2009 г. среднедушевые денежные доходы населения составляли 16887 руб. в месяц, средний размер назначенных пенсий 5191 руб., величина прожиточного минимума в среднем на душу населения 5153 руб., численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума 18,5 млн чел., или 13,1%).

Так как бедные основную часть своего дохода тратят, главным образом, на потребление пищи (около 2,9 трлн долл.) и лекарств (более 158 млрд долл.), то частный сектор в настоящее время уделяет большое внимание рынку товаров для бедных, особенно, двум его сегментам — рынкам продуктов питания и лекарственных средств. Эти два сегмента рынка товаров для бедных взаимосвязаны: при плохом и некачественном питании возрастает спрос на лекарственные средства, при хорошем питании он может снизиться. Это означает, что для фармацевтической промышленности и платных медицинских учреждений рост заболеваемости из-за снижения качества пищевых продуктов способствует улучшению их экономических показателей.

Фармацевтическая промышленность примерно в 2 раза больше тратит на маркетинг, чем на НИОКР (в частности крупная компания Novartis затратила 36% валового дохода на «маркетинг и распространение» и 5% на «администрирование и общие накладные расходы»). Особую проблему представляет сокращение времени тестирования фармацевтических продуктов и сроков испытаний за счет уменьшения числа стадий испытаний.

Значительный лаг в проявлении опасных для жизни симптомов, а также индивидуальный характер воздействия на человеческий организм (это относится как к пищевым продуктам,

так и к лекарственным средствам) усугубляет проблему.

Как показывает анализ, в настоящее время сосуществуют две основные тенденции в сегментировании рынка продуктов питания и внутреннего потребления: рост цены и, возможно, сохранение качества — для богатых; снижение качества при относительно постоянной цене — для бедных.

Если для первой тенденции характерно большее внимание к сохранению (хотя далеко не всегда реализуемому) традиционного качества и технологии производства продуктов, то вторая реализуется путем использования нетрадиционных ингредиентов и на основе проблемных инноваций.

Таким образом, основными проблемами качества продуктов питания и внутреннего потребления населения в России, возникшими в результате внедрения проблемных инноваций, являются:

1. Ориентация на импорт продовольствия и обострение проблемы национальной безопасности.

Ситуация в России значительно усугубляется тем, что внутренний рынок продовольствия характеризуется высоким уровнем зависимости от импорта: за счет импорта в 2008 г. формировалось до 40% продовольственных ресурсов, в том числе по мясу — 41%, молоку — 26%. По данным Минсельхоза России, объем импортных поставок продуктов питания в крупных городах достигает 70%. Одновременно с этим значительно сократилось производство продукции пищевой промышленности.

При значительной доле импорта в потреблении необходимо особое внимание обращать на качество импортируемых сырьевой и конечной продукции, которое, помимо других факторов, во многом зависит от уровня используемых при ее производстве минеральных удобрений и других химических средств.

Основные поставщики фруктов и овощей, риса и пальмового масла (Китай, Вьетнам, Турция и др.) значительно опережают Россию по объемам и удельным показателям использования удобрений.

По данным Китайского отделения международной организации Гринпис, «большое количество остаточных химикатов было обнаружено в 89% взятых образцов фруктов и овощей, 20% этих фруктов и овощей содержали химикаты, запрещенные к применению в сельском хозяйстве, а в 60% каждого образца было обнаружено содержание пяти разных химикатов, причем

сами крестьяне давно уже не едят те фрукты и овощи, которые продают на рынке».

В настоящее время более чем в 120 городах России, включая Москву, Санкт-Петербург, Читу, Новороссийск, практически весь год потребляются китайские овощи и фрукты. Овощи и фрукты из Турции очень часто выдают за отечественные.

В результате обостряется проблема национальной безопасности, так как потребление вредной для здоровья человека продукции ведет к ухудшению здоровья, повышению смертности и депопуляции населения России. В свою очередь, в долгосрочной перспективе это позволяет соседним странам, претендующим на российскую территорию, надеяться на осуществление своих целей невоенными методами.

2. Широкие масштабы использования пищевых добавок.

Основные угрозы для здоровья — возможная экономия на качестве ингредиентов, использование различного рода добавок и, соответственно, ухудшение качества конечной продукции.

Однако возможное вредное воздействие пищевых добавок на организм потребителя до конца еще не изучено. Имеющиеся гигиенические требования регламентируют нормы использования пищевых добавок в производстве продуктов питания, но не лимитируют верхнюю границу их потребления, не указывают потребителю возможные побочные эффекты.

Анализ списка 105 пищевых добавок, отрицательное воздействие которых на организм человека установлено, показывает, что наибольшую долю занимают добавки, вызывающие заболевания желудочно-кишечного тракта, кишечные расстройства или заболевания печени (53 наименования, или 50,5%), на втором месте — добавки, вызывающие раковые опухоли (31 и 29,5%, соответственно), затем — вызывающие аллергические реакции (28 и 26,7%) и нарушения артериального давления (2 и 1,9%).

3. Проблемы формирования потребительской корзины.

В 2007 г. по многим позициям (колбасные изделия, сливочное масло, пиво и др.) на среднюю заработную плату можно было купить такое же количество продукта, что и до 1990 г. Так, колбасных изделий можно было купить в 1980 г. 71 кг и в 1990 г. 81 кг; для вареной колбасы это количество в 2007 г. составило также 81 кг.

Из расчетов видно, например, что в 2007 г. средняя цена колбасных изделий для сохране-

ния прежнего уровня покупательной способности могла бы находиться при средней по экономике заработной плате (доходе) в пределах 170–230 руб. При более низком среднедушевом доходе цена колбасных изделий должна также уменьшиться: при доходе 7000 руб. — до уровня 88–117 руб., при доходе 5000 руб. — 63–83 руб. и т.д. Анализ цен на вареные колбасные изделия показывает, что в действительности этого в первом приближении и происходит.

Цена колбасы практически одного и того же наименования с различиями, не заметными для обычного покупателя, может существенно варьироваться: например, докторская колбаса может стоить от 120 до 381 руб., а минимальная цена вареной колбасы, которую удалось увидеть в магазинах Москвы и Московской области в 2009 г., была равна 61 руб. 88 коп. В конце 2010 г. цены поднялись незначительно: в Москве продается, например, колбаса стоимостью 69 руб. 90 коп. (примерно в 3 раза ниже, чем средняя цена 1 кг говядины с костями).

Если иметь в виду, что доля расходов на продукты питания составляет 30,5% от потребительских расходов домашних хозяйств (2009 г.), в том числе на покупку мяса и мясных продуктов — 9,1%, это означает, что примерно 40% населения России вынуждены потреблять пищевую продукцию, наносящую вред их здоровью и уменьшающую продолжительность жизни.

4. Ухудшение здоровья населения из-за некачественного питания.

Очевидно, накопление в организме вредных веществ, потребляемых в составе продуктов питания, должно вести к росту заболеваемости населения. Так, за период I квартал 2007 г. — II квартал 2008 г. число покупателей лекарственных препаратов для лечения заболеваний печени увеличилось в целом по стране и в г. Москва примерно на 20%.

Более существенно рост заболеваемости такими болезнями проявляется у детей, особенно болезнями органов пищеварения. В настоящее время среди школьников возрастает количество заболеваний желудочно-кишечного тракта, системы кровообращения и эндокринной системы, существенно повысилось число аллергозов, нарушений обмена веществ, дисбактериозов, колитов и др.

Число умерших на 100000 человек населения от болезней органов пищеварения растет наиболее быстро, опережая рост всех остальных основных причин смертности — если число умерших за период 1992–2008 гг. от всех причин

смерти увеличилось в 1,2 раза, то от болезней органов пищеварения — в 1,94 раза.

Наблюдается также корреляция между числом заболеваний системы кровообращения и органов пищеварения (число зарегистрированных заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, 1992–2008 гг.).

Заболевания сердца, системы кровообращения могут вызываться заболеваниями системы пищеварения из-за некачественного питания, в том числе инновационных продуктов.

Кроме того, необходимо учитывать, что лечение непосредственно системы кровообращения с помощью соответствующих лекарств может дать иногда и усиливающий эффект положительной обратной связи, негативно воздействуя на органы пищеварения. Помимо индивидуальности последствий употребления различных лекарственных средств, имеющих противопоказания, может возникнуть следующая цепь взаимосвязей: потребление проблемных продуктов — ухудшение работы системы пищеварения — появление заболеваний сердечно-сосудистой системы и значительное ухудшение состояния здоровья — лечение заболеваний сердца и органов кровообращения — постепенное ухудшение работы органов пищеварения в результате приема лекарств с противопоказаниями — дальнейшее ухудшение состояния сердечно-сосудистой системы — употребление еще более сильно воздействующих лекарств и т. д. Так образуется положительная обратная связь, ведущая к сокращению продолжительности жизни.

5. Сложность мониторинга качества и идентификации продуктов питания.

Контроль качества инновационных продуктов питания затруднен тем, что методы химического анализа продукции часто не позволяют получить необходимую информацию.

Техническое регулирование в данной области в России пока связано с серьезными проблемами, вызванными принятием ряда новых законов, в первую очередь, Федерального Закона «О техническом регулировании», при разработке которого во многом использовался опыт США, где основными принципами регулирования являются минимальное нормирование, минимальные ограничения для бизнеса и максимальная информативность населения.

В соответствии с Федеральным Законом «О техническом регулировании» обязательными признаются требования, соответствующие Государственным стандартам (ГОСТам), а требования, содержащиеся в ОСТах или ТУ,

не являются обязательными. Это представляет особую опасность для населения, так как в ассортименте каждого пищевого предприятия до 70% составляет продукция, вырабатываемая по техническим условиям. Если фальсифицированная продукция выработана по техническим условиям, то ввиду необязательности нарушенных требований привлечь изготовителя к ответственности невозможно.

Отмена с 15 февраля 2010 г. в России обязательной сертификации продуктов, косметики и посуды, по мнению экспертов, будет способствовать снижению качества потребительских товаров.

Если гражданское общество находится на начальной стадии своего становления (как в России), потребитель пока далеко не все может определить. Необходимы другие, более строгие правила, нормы и стандарты, обеспечивающие реальную защиту потребителя.

В области продуктов питания и внутреннего потребления требуется минимизация пространственного распределения звеньев цепочки предложения, максимальная концентрация их в пространстве для обеспечения полного контроля качества, установления необходимых стандартов и существенного ужесточения санкций по отношению к тем, кто выпускает некачественную продукцию. Необходимо принимать во внимание уникальность каждого человеческого организма, с одной стороны, а с другой — индивидуальность реакции каждого человека на пищевые продукты и лекарственные препараты.

Особое внимание в первую очередь необходимо уделить формированию системы общечеловеческих морально-этических ценностей, преодолению целого ряда новых, возникших в последние годы негативных тенденций, ведущих к искаженному представлению о возможностях и достоинствах рыночной системы. Для этого необходимы, очевидно, интенсификация усилий всего населения страны по созданию гражданского общества, активизация соответствующих институтов.

Первостепенное внимание необходимо уделить значительному сокращению дифференциации доходов населения до уровня, при котором коэффициент Джини равен примерно 0,25–0,35 (что очень близко тому, что имеет место в Германии, Франции, Нидерландах и Люксембурге).

Следует обеспечить также равный доступ к информации и знаниям. Население должно быть полностью информировано о результа-

тах использования проблемных инноваций. Для этой цели необходимо предоставление соответствующего образования, активизация средств массовой информации.

Таким образом, на первый план выходят вопросы этики и морали. Развитие экономики и инновационная деятельность должны быть подчинены целям более высокого порядка: повышению благосостояния людей; созданию условий для максимального раскрытия возможностей, заложенных в каждом человеке, в том числе для самосовершенствования на основе расширения знаний и повышения уровня культуры; обеспечению безопасности и т. д.

Необходимыми условиями реализации этих целей являются:

- повышение ответственности бизнеса, ученых, инженеров, экономистов и политиков за качество разрабатываемых, производимых, экспортируемых и импортируемых потребительских товаров;

- ориентация на долгосрочные цели;

- развитие отечественного сельского хозяйства и пищевой промышленности с целью не только полного обеспечения населения самой большой в мире по территории и природным богатствам страны полноценным питанием, но также экспорта экологически чистой продукции;

- повышение роли государства — обеспечение контроля качества и возможных последствий потребления инновационных продуктов, поддержание конкурентной среды в инновационной сфере, в том числе в сфере НИОКР, повышение уровня и роли технического регулирования и технического контроля;

- многолетняя, длительная апробация намечаемых изменений и нововведений в области продуктов питания и внутреннего потребления с учетом национальных особенностей питания;

- повышение информированности общества обо всех изменениях и нововведениях в области личного потребления, предоставление в школе более глубоких, системных знаний о человеческом организме и рисках для него;

- создание доступных для каждого индивидуальных средств контроля качества потребительских товаров.

В свете сказанного представляется необходимой и разработка программы междисциплинарных исследований РАН по проблеме «Безопасность питания и внутреннего потребления», инициатором которой могло бы стать ООН РАН и в которой должны участвовать

практически все отделения РАН с приглашением специалистов РАН, РАСХН, отраслевой и вузовской науки [3].

Список источников

1. Варшавский А. Е. Значительное снижение неравенства доходов — важнейшее условие перехода к инновационной экономике, основанной на знаниях // Экономика и математические методы. 2007. Т. 43. №4.

2. Варшавский А. Е. Проблемные инновации в обработке данных без полноценной информации об объекте исследования и ограничений на область применения // Прикладная эконометрика. 2009. №4. С. 116-133.

3. Варшавский А. Е. Проблемные инновационные риски и ответственность. На примере продуктов питания и внутреннего потребления. М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

4. Демографическая политика в регионе. Проблемы и перспективы : сб.ст. / Под ред. д. с. н. А. И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.

5. Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем / Под ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцева. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 239 с.

6. Cecere L, Jacobson S., Draper L. How Safe Is Your Food Supply Chain? //Friday. September 05. 2008. [Electronic resource]. URL: <http://www.lawson.com/www/resource.nsf/pub>

УДК 001.895:330.123

ключевые слова: управление инновационным развитием, потребление и уровень жизни населения, государственное регулирование экономики

РОЛЬ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНА¹

Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер

В статье рассмотрены общие проблемы социально-экономического развития регионов России и Монголии, обусловленные сырьевой направленностью их экономик. Предложены рекомендации по решению указанных проблем посредством международной экономической интеграции данных стран. Особое внимание уделено разработке модели межрегионального (трансграничного) партнерства как первичного уровня сотрудничества.

Актуальность данной статьи обусловлена, в первую очередь, схожестью проблем социально-экономического развития регионов России и Монголии. В частности, для обеих стран характерно решение многих социально-экономических проблем за счет сырьевого сектора, от чего достаточно сильно страдает экономика их регионов. «Добывающая промышленность характеризуется высокой бюджетной эффективностью, однако после короткой (10–15 лет) эксплуатационной фазы примитивная социальная инфраструктура ликвидируется, и страна попадает в зависимость от ценовых колебаний на мировых рынках сырья» [цит. по 16, с. 14]. Между тем, указанная проблема может быть решена посредством организации международного (в частности, межрегионального) экономического интеграционного взаимодействия, для которого у России и Монголии существуют благоприятные возможности, что выступает вторым компонентом актуальности статьи.

В России функционирование и развитие минерально-сырьевого комплекса не только дает бюджету столь необходимые финансовые и другие ресурсы, гарантирует занятость значительной части населения, но и обеспечивает

отечественные заводы заказами на требующееся горнодобывающим отраслям технологическое оборудование, а также обеспечивает развитие наукоемких производств на предприятиях ВПК, которые выпускают более 50% высокотехнологичного оборудования для комплекса. На современном этапе нефтяной комплекс играет роль своеобразного мотора, способствующего инвестиционному и хозяйственному подъему, экономическому возрождению страны. Однако несмотря на высокий энергоресурсный потенциал России, экономическая эффективность и социальная направленность его использования и воспроизводства остается актуальнейшей проблемой для страны в целом. Применительно же к недропользованию, речь должна идти, во-первых, о создании нормальных условий труда и его достойной оплате на горнодобывающих предприятиях и, во-вторых, об участии недропользователей в обеспечении высокого качества жизни населения, проживающего на сырьевой территории [3, с. 41].

Важнейшей характеристикой Монголии, так же, как и России, является обладание мощной минерально-сырьевой базой. Помимо Улан-Батора, городами «второго эшелона» минерально-сырьевого комплекса можно назвать Дархан (73,4 тыс. жителей в 2004 г.), Эрдэнэт (78,9), Чойбалсан (36,1) и Цэцэрлэг (18 тыс. жителей). Например, в структуре производства Чойбалсана в 2003 г. добыча угля составляла 11%, электроэнергетика — 35%, а в Эрдэнэте медные шахты обеспечивают 14% ВВП страны [21, с. 12, 53, 125, 156]. Важно также то, что здесь, как и в России, наполнение государственного бюджета происходит во многом за счет минерально-сырьевого сектора. Доходы от добычи сырья в 2007 г. (в последний докризисный год) давали 1/3 поступлений в госбюджет. Кроме того, по подсчетам Мирового банка реконструкции и развития,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 10-02-00694 а/Г «Оценка влияния освоения минерально-сырьевого комплекса на межрегиональное и трансграничное сотрудничество России и Монголии».

разработка и эксплуатация расположенных в южной части пустыни Гоби крупнейших в мире месторождений угля и меди в долгосрочной перспективе может способствовать приросту ВВП Монголии на 1/3, экспорта — на 70%, и числа рабочих мест — на 10% [6, с. 5]. Вместе с тем мощный промышленный комплекс, основанный на добыче и переработке минерального сырья, созданный при активной поддержке СССР во второй половине XX в., заметно ослаб. Упомянутый Чойбалсан в социалистический период являлся центром добычи и переработки минерального сырья и дальнейшего производства, его население достигало 50 тыс. чел., из которых 10% являлись бывшими иностранными гражданами, в основном, из СССР [21, с. 125]. Сегодня экономика Монголии характеризуется, например, низким качеством эксплуатации теплоэлектростанций и высокой степенью их износа, а следовательно, нехваткой электроэнергии, в т. ч. и для добывающего сектора. Отсюда вытекает необходимость более качественно осваивать угольные месторождения. И таковые в стране имеются, как и месторождения для других отраслей промышленности: в утвержденном Министерством промышленности и торговли Монголии перечне месторождений полезных ископаемых значатся «Таван Толгой» (7 млрд т каменного угля), «Ою Толгой» (24 млн т меди, 720 млн т золота), «Цагаан суврага» (1,3 млн т меди, 48,2 тыс. т молибдена), «Мардай» (924,6 тыс. т урана), «Тумуртэй», «Баянгол», «Бартгилт» и «Хуст уул» (соответственно 229,3 млн, 210 тыс., 31 млн и 4,4 млн т железной руды) и «Улаан» (186,4 тыс. т свинца, 245,8 тыс. т цинка) [4, с. 9-10]. На Монголию приходится 5% общемировых расходов на геологоразведку и 50% таких ассигнований в Азиатско-Тихоокеанском регионе [8, с. 2]. Одно рабочее место в добывающем секторе создает 3,8 рабочего места в других секторах экономики страны [20, с. 66]. Благодаря огромным запасам минерального сырья, освоение которых представляется весьма перспективным, ВВП Монголии в долларовом выражении, по некоторым оценкам, к 2014 г., по сравнению с 2010 г., удвоится [19, с. 43]. Однако многие месторождения не эксплуатируются из-за отсутствия капитала и рабочей силы.

Решение проблемы нехватки капитала и рабочей силы не является простым. Особенно после 1997 г., когда Монголия стала членом ВТО, большие преимущества получили иностранные инвесторы — в виде межгосударственных договоров «о стабильности», освобождения

от таможенных пошлин и НДС на ввоз технологического оборудования, льготных ставок налога на доход. Это ущемляет интересы отечественных компаний. Кроме того, особенностью китайской инвестиционной политики (КНР — главный прямой инвестор) является направление китайской рабочей силы в Монголию [13, с. 4, 7-10], вместо развития местного человеческого капитала как движущей силы производства [9, с. 21]. И самой надежной гарантией здоровых инвестиционных и миграционных соглашений стало бы межгосударственное сотрудничество. Монголия занимает уникальное положение географического центра Азии и имеет не использованные в полной мере возможности международного экономического сотрудничества. Рассмотрим данные возможности сотрудничества, в т. ч. с Россией, на следующих трех уровнях: глобальном, региональном и трансграничном (межрегиональном).

Глобальный уровень подразумевает взаимодействие в рамках всей мировой экономики или крупнейших экономических интеграционных объединений. Несомненно, главными экономическими партнерами Монголии являются Китай, на который приходится 74,1% экспорта Монголии, и Россия, которая обеспечивает 42,2% импорта Монголии (в частности, 100% монгольского импорта энергоносителей и большую часть импорта зерна и ряда других видов продовольствия) [6, с. 16]. В Монголии зарегистрировано 425 российских и российско-монгольских компаний (в частности, 51 — в геологоразведке, горнодобывающей и перерабатывающей промышленности). Наиболее крупными монгольскими предприятиями с российским капиталом являются СП «Эрдэнэт», объединение «Монголросцветмет» и АО «Улан-Баторская железная дорога». Причем СП «Эрдэнэт» по добыче медно-молибденовой руды и производству медного и молибденового концентрата является самым крупным горнодобывающим предприятием в Монголии и дает почти 1/2 валютных поступлений и почти 25% государственного бюджета страны [1, с. 10]. И в последнее время все больше российских компаний («Базовый элемент», «Русал», «Ренова», «Северсталь», «Полиметалл», «Газпромбанк», «РЖД») проявляют интерес к крупным проектам в Монголии (разработка угольных месторождений «Таван Толгой» и «Улан-Ово», модернизация Улан-Баторской железной дороги, реконструкция электроэнергетических объектов, газификация) [10, с. 2].

Таким образом, учитывая, что основные внешнеэкономические связи Монголии приходятся на Россию и Китай, а также принимая во внимание ее географическое положение, можно констатировать, что присоединение этой страны к такому объединению, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в экономическом плане де-факто уже произошло. К тому же Монголия уже сейчас является наблюдателем ШОС. Это означает, что ШОС для Монголии выступает важнейшим стратегическим ориентиром глобального международного сотрудничества, который определяет все ее прочие связи в рамках мирового хозяйства. К примеру, чем больший спрос будут предъявлять страны ШОС на экспорт Монголии, тем меньше монгольских товаров будет вывозиться в другие (третьи) страны, и наоборот. Аналогично, чем интенсивнее будет товарное предложение со стороны ШОС, тем меньше Монголия будет закупать у других стран. Зависимость от стран ШОС не функциональная, а корреляционная, но высокая, обусловленная низкими транспортными издержками и оптимальным уровнем качества. К примеру, товары из Германии будут иметь для Монголии высокую транспортную составляющую и не требующее высокое качество, в сравнении с таковыми из России или Китая. В то же время это не мешает Монголии при условии достаточной рентабельности экспортировать уран с упомянутого месторождения «Мардай» (924,6 тыс. т урана) в ФРГ, где в эксплуатации имеется 17 АЭС [14].

Региональный уровень международного сотрудничества отражает особенности взаимодействия, которые характерны как для определенного региона в широком понимании, так и для глобального сотрудничества, если последнее рассмотреть более детально. Здесь исследуются международные региональные экономические объединения. В случае Монголии это может быть Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), которое на основе модели «интеграции разных скоростей» (характеризует различную интенсивность интеграционного взаимодействия) может быть представлено в двух составах: Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Белоруссия, Киргизия; и Россия, Казахстан, Белоруссия, создавшие в 2009 г. «таможенный союз трех» (ТС-3 ЕврАзЭС). В рамках ЕврАзЭС существует несколько потенциальных инструментов интеграционного взаимодействия, в котором может участвовать и Монголия. Например, валютная интеграция.

В этом случае перспективным с точки зрения увеличения конкурентоспособности экономики каждого из членов союза государств будет введение единой валюты. При этом политкорректным (т. е. не нарушающим суверенитета членов союза) представляется дробление эмиссионного центра, хотя по уровню ВВП Россия и доминирует существенно над остальными членами союза. Монголия может включиться в союз, особенно с учетом того, что ее западная часть географически очень близка к Казахстану, и Казахстан является весомым экономическим партнером Монголии. Данная идея единой сильной (конвертируемой) валюты тесно связана с концепцией создания в РФ через 5–7 лет международного финансового центра [11, с. 303, 306]. Единой валютой может стать новая коллективная единица, курс которой будет складываться из корзины валют участников. Общая валюта может вводиться поэтапно, и сначала использоваться лишь в безналичной форме и лишь для расчетов внутри союза. Очевидно, что участникам будет целесообразно учредить орган наднационального валютного контроля и кредитования (наподобие Европейского банка реконструкции и развития). При этом орган кредитования может быть поделен между участниками.

Следующим инструментом региональной интеграции может выступить расширение ТС ЕврАзЭС, то есть принятие в его состав Монголии. Это пройдет безболезненно в связи с тем, что Монголия с 1997 г. является членом ВТО и ее таможенно-тарифные и нетарифные инструменты регулирования внешней торговли уже либерализованы. То есть таможенный кодекс Монголии будет относительно нетрудно привести в соответствие с Таможенным кодексом ТС-3, вступившим в силу 6 июля 2010 г. [17]. Это же касается и законодательства о тарифных и нетарифных мерах таможенного регулирования. При этом стоит использовать уже имеющийся опыт функционирования Таможенного союза. Так, для своевременной и экономически обоснованной коррекции нормативов распределения между членами союза ввозных таможенных пошлин представляется целесообразным ввести регулярный мониторинг таможенной статистики, с частотой, например, каждые 2 месяца. Кроме того, проблемы могут возникнуть с согласованием единого таможенного тарифа (ЕТТ). Так, при принятии ЕТТ ТС-3 на импорт по 92% товарных позиций были установлены ставки из ЕТТ РФ [7, с. 2],

и, в частности, Казахстан вынужден был изменить ставки пошлин по 5 тыс. позиций [10, с. 2]. Также должны быть выровнены размеры минимальной таможенной стоимости на различные группы товаров и импортный и экспортный НДС — в противном случае произойдет переориентация входящих товарных потоков с одного участка внешней границы таможенного союза на другой, где условия ввоза благоприятнее [2, с. 14-19]. Представляется целесообразным, в целях избегания такой переориентации импортных потоков и их чрезмерной концентрации на определенном участке границы ввести следующие правила растаможивания ввозимых товаров на границе ТС:

1. Ввозимые товары растаможиваются на таможне, географически наиболее близкой к пункту отправки.

2. Если географическое местоположение пункта доставки делает такой способ для импортера экономически неприемлемым, товар может быть растаможен на таможне, лежащей на наиболее прямолинейной траектории доставки.

Проблема присоединения Монголии к ТС-3 сопряжена, кроме того, с географическим изменением внешней таможенной границы ТС-3. А именно, в случае ее вступления в союз, значительная часть внешней границы союза будет проходить по границе между Монголией и КНР, для обустройства которой потребуются значительные материальные и финансовые инвестиции, которые не могут быть реализованы за короткое время [12, с. 11-14].

И, наконец, трансграничный (межрегиональный) уровень взаимодействия показывает, как международное сотрудничество может быть организовано между отдельными регионами двух стран. Создание трансграничных и приграничных экономических кластеров — одна из основных тенденций развития мировой экономики, т. к. трансграничное сотрудничество является наиболее эффективным состоянием международного партнерства. Поэтому на его описании следует остановиться подробнее. Существование данного уровня международного сотрудничества является проявлением общей тенденции глобализации, которая заключается в увеличении числа субъектов международных отношений. До настоящего времени все эти отношения — будь они экономическими или культурными — проходили через национальное государство. Сейчас же на мировую арену вышли и транснациональные

корпорации, и отдельные регионы государств [19, с. 148]. Трансграничное сотрудничество начинается с того, что взаимно граничащие (или недалеко отстоящие от границы) регионы двух стран разрабатывают программы сотрудничества и практикуют друг по отношению к другу преференциальные отношения. В частности, в настоящее время в Центральной Азии формируется новый перспективный экономический район, в который войдут Северо-Западный Китай, Монголия, прилегающие области России, возможно, Киргизия и некоторые области Казахстана [13, с. 11]. Межрегиональное сотрудничество России и Монголии становится особенно актуальным в связи с постепенным появлением в России инновационных центров экономического развития (ЦЭРов). Такие возникают в регионах с большой концентрацией месторождений полезных ископаемых; их концепция основывается «на внедрении новейших достижений научно-технического прогресса в изучении, освоении и использовании богатств недр; создании современной, соответствующей высшим мировым стандартам социальной и производственной региональной инфраструктуры; а также на соблюдении принципа согласования интересов всех сторон, причастных к воспроизводству минерально-сырьевой базы» [цит. по 4, с. 48-53]. Несомненно, ЦЭРы могут эффективно функционировать и в Монголии. В любом случае, межрегиональное сотрудничество России и Монголии позволит им создать обширную сеть месторождений полезных ископаемых и углубить взаимное разделение труда в данной области.

Так как вопросы регулирования международного сотрудничества решаются в большей степени на федеральном уровне власти, то стратегия межрегионального (трансграничного) сотрудничества должна согласовываться на межгосударственном уровне. И идея такой стратегии заложена, в частности, в Декларации ШОС. Необходимо выработать и претворить в жизнь данную стратегию с целью улучшения социально-экономического развития членов Шанхайской организации (в т.ч. Монголии как сегодняшнего наблюдателя и перспективного участника), то есть выделить приоритетные проекты сотрудничества, оптимальную экономическую специализацию и варианты размещения производительных сил, инфраструктуры, человеческих ресурсов и их подготовки. При этом механизм трансграничного сотрудничества базируется на следующих принципах:

— совместная деятельность региональных и федеральных властей: эти уровни власти совместно вырабатывают необходимые экономические инструменты, утверждаемые законодательно, а в дальнейшем полномочия делегируются тому уровню исполнительной власти, где они могут выполняться наиболее эффективно.

— совместная деятельность органов власти и предпринимателей: активность предпринимательских структур должна законодательно поддерживаться властью.

— совместная деятельность хозяйствующих субъектов обоих государств: ни одна из сторон не должна брать на себя всю полноту финансового обеспечения реализации совместных проектов, каким бы различным ни был экономический уровень участников трансграничного сотрудничества.

Указанные принципы могут реализовываться при помощи соответствующих им инструментов:

— создание органов (институтов), регулирующих и стимулирующих деятельность хозяйствующих субъектов в рамках трансграничного сотрудничества;

— предоставление преференциального режима на территориях приграничных субъектов государств.

Если трансграничное сотрудничество реализуется в рамках региональной организации, например, ШОС или ЕврАзЭС (с предполагаемым участием Монголии), то в качестве института, регулирующего деятельность хозяйствующих субъектов, может быть рассмотрен совет регионов государств — участников организации (касательно подробного описания модели вышеприведенной стратегии см. [20]). Однако более целесообразным представляется учреждать совещательный орган для каждой конкретной пары (или иного числа) регионов, практикующих сотрудничество, т. е. сотрудничество каждой пары регионов специфично. Например, в случае межрегионального сотрудничества Монголии и России, это может быть орган для Селенгинского аймака и Республики Бурятии. Выбор субъектов неслучаен: в Селенгинском аймаке, в районе поселка Алтанбулаг, успешно функционирует свободная торговая зона (СТЗ), примыкающая к российской границе в районе бурятского г. Кяхта [15]. Такой орган может быть наделен рекомендательными и координирующими функциями, подобно торгово-промышленной палате, работая в партнерстве с последней. Дополнительно

к Совету может быть учрежден институт финансовой поддержки — фонд страхования и (или) кредитования, функционирующий аналогично региональным банкам развития (Европейский, Азиатский, Африканский, Межамериканский), капитал которого может складываться из взносов участников, подобно тому как это делается в МВФ.

Что касается преференциального режима на территориях приграничных субъектов государств, то здесь может быть задействован широкий спектр традиционных инструментов стимулирования внешнеторговой и инвестиционной деятельности: отмена таможенных пошлин для экспортеров и импортеров, отмена пошлин на ввоз оборудования в качестве вклада в основные средства предприятий с иностранными инвестициями, а также введение льготного налогообложения. Так, в упомянутой СТЗ «Алтанбулаг» ввозимые товары не облагаются таможенной пошлиной, НДС и чрезвычайным налогом; монгольские и иностранные юридические лица могут быть освобождены от уплаты земельного налога; иностранные предприятия, зарегистрированные в Рабочей службе мэра СТЗ, освобождаются от уплаты налога на недвижимость. Кроме того, предусматривается исключение из налоговой базы подоходного налога суммы средств, вложенных хозяйственными предприятиями в создание основной сети линий электро- и теплопередач, водоснабжения, автотранспорта, железной дороги и телекоммуникаций [15].

Таким образом, трансграничный уровень экономического сотрудничества является наиболее эффективным в случае России и Монголии, так как при этом экономическая интеграция осуществляется непосредственно «на местах». В идеале, на трансграничном (межрегиональном) партнерстве должен основываться и региональный и, в итоге, глобальный уровень сотрудничества. Проведение активной внешнеэкономической межрегиональной политики вызовет усиленный приток в сотрудничающие регионы данных стран инвестиций и рабочей силы, что усилит эффективность освоения имеющейся минерально-сырьевой базы. Развитие добывающего сектора приведет к подъему во вторичном секторе, а именно, в перерабатывающей и энергетической промышленности, а это, в свою очередь, — к комплексной модернизации, затрагивающей сельское хозяйство, легкую промышленность и другие отрасли, что в конечном итоге будет способствовать росту

уровня жизни населения и развитию человеческого потенциала регионов. При этом, стремясь к социально-экономическому развитию и развивая количественную сторону внешне-экономических связей, нельзя оставлять без внимания качество и безопасность международного партнерства, его стабильность, нацеленность на долгосрочную перспективу. Только системный комплексный подход к организации международного партнерства позволит в достаточной мере учесть интересы страны. При этом начало этой системы заключено, опять же, в самом мельчайшем уровне партнерства — на уровне межрегионального экономического сотрудничества.

Список источников

1. Дугаржав Л. Монголия — привлекательная страна для иностранных инвестиций // Инвестиции в России. 2006. №5. с. 10.
2. Жога Г. Туздык // Эксперт-Урал. 2010. №19 (17–23 мая). с. 14–19.
3. Козаков Е. М. Социальная ответственность недропользователей при освоении минеральных ресурсов // Концептуальные основы становления социальной ответственности бизнеса в России : сб. науч.тр. под ред. д.э.н., проф. Е. М. Козакова. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 140 с. с. 41.
4. Козаков Е. М., Петров О. В. Основные положения инновационной стратегии освоения минеральных ресурсов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. №20. с. 48–53.
5. Кузбасская торгово-промышленная палата. Внешне-экономическое обозрение. Спецвыпуск. Монголия. 2009. Март. 25 с. с. 9–10. [Электронный ресурс]. URL: http://kuztpp.ru/download/mongolia_spec2009.pdf (дата обращения: 23.12.2010).
6. Монголия — положение в экономике // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2009. №127 (7 ноября). с. 5, 16.
7. О Таможенном союзе России, Белоруссии и Казахстана // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2009. №143 (12 декабря). с. 2.
8. О торгово-экономических отношениях России с Монголией // Бюллетень иностранной коммерческой информации. 2009. №136 (26 ноября). с. 2.
9. Оценка качества экономического роста региона с учетом противоречий воспроизводства человеческого потенциала / Шеломенцев А. Г., Кузьмин А. И., Андреева Е. Л., Козлова О. А., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф. и др. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. 179 с. с. 21.
10. Панина Т. Без границ и пошлин. Интервью с С.Ю. Глазьевым // Российская газета. 2009. 30 ноября (№227). с. 2.
11. Паньков В. С. Глобализация экономики. Сущность, проявления, вызовы и возможности для России. Ярославль: ООО «Издательский дом “Верхняя Волга”», 2009. 368 с.
12. Паньков В. С. Таможенный «союз трех» и ВТО. Смена приоритетов? // Международная экономика. 2010. №2. с. 11–14.
13. Попов М., Филин С., Якушев А. Инвестиционный климат и зарубежные инвестиции в Монголии // Инвестиции в России. 2006. №11. с. 4, 7–11.
14. Правительство ФРГ решило продлить сроки эксплуатации АЭС // Последние международные новости с европейской точки зрения. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.euronews.net/2010/09/28/german-govt-backs-longer-use-of-nuclear-power/> (дата обращения: 23.12.2010).
15. Свободная торговая зона «Алтанбулаг» // Торгово-промышленная палата Восточной Сибири. [Электронный ресурс]. URL: http://tppvs.ru/exhibitions/altanb_1 (дата обращения: 23.12.2010).
16. Славянов А. Влияние прямых иностранных инвестиций на развитие стран с переходной экономикой // Инвестиции в России. 2008. №8. с. 14.
17. Совместное заявление // Комиссия Таможенного союза. 05.07.2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsouz.ru/Pages/Default.aspx> (дата обращения: 30.09.2010).
18. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края на период до 2025 года. Стратегическое направление 4: «Алтай трансграничный» // Центр поддержки предпринимательства Алтайского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://altaicpp.ru/strat/strategija/s7/s74.html> (дата обращения: 23.12.2010).
19. Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина, акад. РАН В. А. Черешнева, д. э. н. проф. А. Ф. Расулева. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 774 с. с. 43. С. 148
20. Employment and poverty in Mongolia: Mongolia human development report 2007 // United nations development programme, 2007. 148 p. p. 66. [Electronic resource]. URL: http://hdr.undp.org/en/reports/national/asiathepacific/mongolia/Mongolia_NHDR-2007-Eng.pdf (date of referring: 23.12.2010).
21. Mongolia city development strategies for secondary cities: Final report // World bank, PADCO (Planning and development collaborative international), 29.12.2005. 193 p. p. 12, 53, 125, 156. [Electronic resource]. URL: http://siteresources.worldbank.org/MONGOLIAEXTN/Resources/Mon_CDS_2_city_engl.pdf (date of referring: 23.12.2010).

УДК 339.924 (470+571+517)

ключевые слова: международная экономическая интеграция, межрегиональное сотрудничество, социально-экономическое развитие, сырьевой сектор

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РЕГИОНА¹

Ж. А. Мингалева, Е. Ю. Лосева, Е. Д. Оборина

В статье рассматривается социально-экономический подход к исследованию внешнеэкономических связей региона, формулируются его основные положения. Анализируются показатели внешнейторговой деятельности Свердловской области, объемы притока иностранных инвестиций, выявляются страны — стратегические партнеры. В статье сформулированы задачи и направления региональной внешнеэкономической политики, способствующей повышению уровня конкурентоспособности и социально-экономического развития региона.

Проблема активизации выхода российских регионов на мировой уровень стоит сегодня как никогда остро. Субъект Федерации представляет собой тот уровень административно-управленческой иерархии, который более всего определяет позиционирование и конкретизацию конкурентных преимуществ страны с федеративным устройством. Из конкурентоспособности каждого российского региона — субъекта Федерации складывается конкурентоспособность страны в целом. Межрегиональные экономические связи все теснее переплетаются с внешнеэкономическими, а регионы все более утверждаются в роли полноправных партнеров международных экономических отношений [6].

Социально-экономический подход к исследованию региона стал активно формироваться с 60–70-х годов XX в. [4, с. 54–85]. Данный подход теоретически ставит уровень и качество жизни населения в зависимость от эффективности функционирования народного хозяйства региона. В рамках этого подхода регион — это социально-экономический комплекс (система), основные звенья (составляющие) которого (материальное производство, социальная сфера) сбалансированы и обеспечивают устойчивость развития региона. Исходя из данного определения, можно сформулировать следующие положения социально-экономического подхода к исследованию внешнеэкономических связей (ВЭС) региона:

1. Регион — открытая социально-экономическая система со встроенным в нее внешнеэкономическим комплексом.

2. ВЭС — инструмент для повышения уровня социально-экономического развития и конкурентоспособности региона.

3. ВЭС региона являются эффективными в том случае, когда способствуют улучшению уровня и качеству жизни населения.

По мере активизации внешнеэкономической деятельности все большую актуальность приобретает учет социально-экономических особенностей развития внешнеэкономических связей как региона, так и страны в целом. Это вполне объяснимо, так как, с одной стороны, привнесение новых элементов в национальную среду не может не оказывать влияния на сложившийся экономический уклад, не затрагивать интересы многих слоев общества, а с другой стороны, выход хозяйствующих структур за национальные рамки создает другую социально-экономическую ауру мира.

Социально-экономический аспект развития внешнеэкономических связей должен стать одним из важнейших стратегических ориентиров. Следует тщательным образом просчитывать возможные социально-экономические последствия внешнеэкономических преобразований, намечать возможные пути, методы, приемы их сглаживания (регулирования) применительно к различным граням внешнеэкономических моделей и возникающим ситуациям.

Главное отличие конкурентных преимуществ регионального звена от странового заключается в большей подвижности факторов производства. В перспективе открытость экономики отдельных регионов будет возрастать, прежде всего за счет интегрированности в мирохозяйственные связи. Конкуренция между регионами, происходящая в сфере повышенной подвижности факторов производства, будет увеличивать зависимость экспортного потенциала и межрегиональной торговли региона от меняющихся конкурентных преимуществ регионов [4]. Все эти факторы ставят перед научным сообществом задачу качественного теоретико-методологического и методического обеспечения по проблемам глобали-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ-Урал №11-12-66018а/У «Оценка и прогнозирование влияния внешнеэкономических связей Урала с провинциями Китая на социально-экономическое развитие региона».

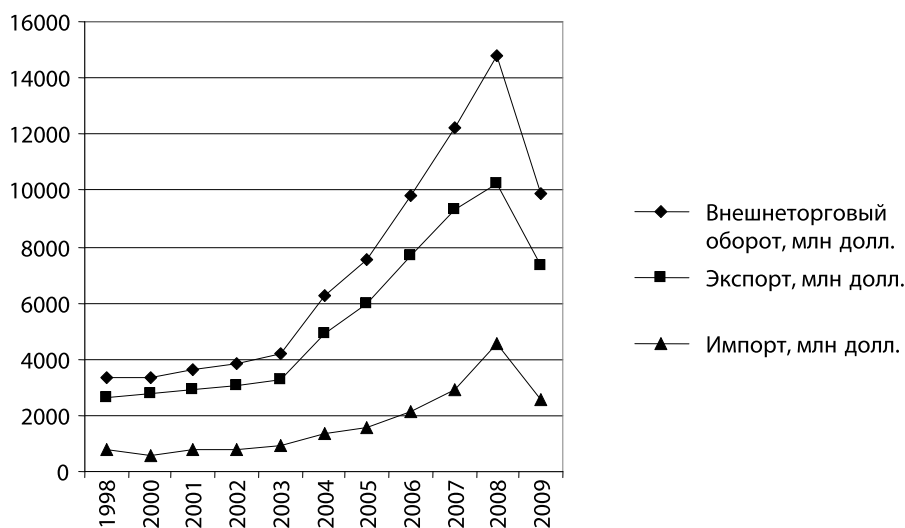

Рис. 1. Динамика внешнеторгового оборота Свердловской области в 1998–2009 гг., млн долл. (в фактически действовавших ценах)

зации, интеграции, локализации, конкурентоспособности.

Свердловская область, несмотря на трудности, связанные с общей макроэкономической ситуацией, и сегодня представляет собой динамично развивающийся регион, а свердловские предприятия продолжают реализовывать проекты модернизации и развития [1].

В стратегических планах Свердловской области сделан акцент на инновационном обновлении традиционных секторов экономики и структурной диверсификации экономики на основе инновационного технологического развития.

Важным элементом благоприятного инвестиционного климата является новая промышленная инфраструктура. На сегодняшний день основу внешнеторгового оборота региона составляют экспорт товаров и услуг, превышая импорт почти в 3 раза. Свердловская область принадлежит к субъектам Российской Федерации, активно участвующим во внешнеэкономической деятельности. Объемы внешней торговли Свердловской области в докризисный период (в частности, в последние 10 лет) стабильно росли — как со странами СНГ, так и со странами дальнего зарубежья (рис. 1).

Снижение экспорта в 2009 г. произошло в основном из-за снижения стоимостных объемов поставок металлов и изделий из них. Снижение импорта в 2009 г. произошло вследствие сокращения поставок машиностроительной продукции, химической продукции и др.

Внешнеторговый оборот Свердловской области за 8 месяцев 2010 г. составил 5373 млн долл., при этом 3852 млн долл. приходится на

экспорт, и 1521 млн долл. — на импорт. По сравнению с аналогичным периодом 2009 г. рост экспорта в стоимостном выражении составил более 30% (по фактически взятым ценам), рост импорта — 18%. На страны дальнего зарубежья пришлось 86,1% от общего объема товарооборота (4,6 млрд долл.), а на страны СНГ — 13,9% (731,6 млн долл.). Данная статистика еще раз подтверждает, что снижение внешнеторгового оборота Свердловской области в 2009 г. было связано с мировым финансово-экономическим кризисом, а к концу 2010 г., по прогнозам, оборот внешней торговли будет сопоставим с оборотом докризисных 2007–2008 гг.

В товарной структуре экспорта традиционно преобладают черные и цветные металлы и изделия из них, доля которых в январе — июне 2010 г. составила 51%. Также значимую долю в экспорте региона занимает продукция химической промышленности и каучука (20%). Поставки на экспорт машин, оборудования и транспортных средств составили 14% от общего объема экспорта.

В товарной структуре импорта сегодня преобладают машины, оборудование и транспортные средства (41% от объема импорта), минеральные продукты (16%), продукция химической промышленности (15%), а также металлы и изделия из них (12%).

Свердловская область сегодня является одним из самых инвестиционно привлекательных регионов и проводит активную политику по привлечению иностранных инвестиций. Общая динамика притока зарубежного капитала представлена в таблице.

Таблица
Динамика притока иностранных инвестиций в экономику Свердловской области в 2000–2009 гг., млн долл.

год	всего	прямые	портфельные	прочие
2000	163	74	0	90
2003	1315	76	15	1224
2004	517	63	2	452
2005	1094	13	1	1079
2006	1390	4	229	1157
2007	1338	119	392	828
2008	2114	345	5	1763
2009	1366	88,0	11,2	1267,7

В первом полугодии 2010 г. иностранные инвестиции увеличились на 27% к уровню годичной давности и составили 740 млн долл. В целом, можно отметить, что показатели инвестиционной активности в 2010 г. отражают государственную политику в области привлечения иностранных инвестиций и повышение интереса иностранных инвесторов к Свердловской области.

В связи с этим наиболее показательным в первом полугодии 2010 г. является объем «прочих» иностранных инвестиций (т. е. торговые и прочие кредиты). Их общий рост на 12,6% (по сравнению с первым полугодием 2009 г.) отражает продолжающуюся стабилизацию ситуации, в том числе на рынках кредитования.

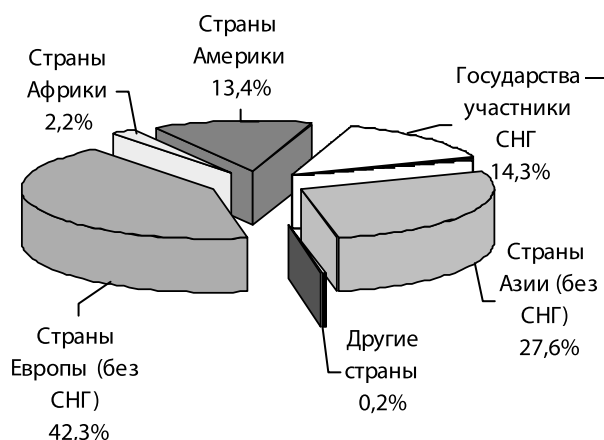
Отличительной чертой первого полугодия 2010 г. стал объем портфельных инвестиций, поступивших в размере 105 млн долл. и превысивших аналогичный показатель 2009 г. более чем в 14 раз. Оживление на фондовом рынке, безусловно, является характерной особенностью с конца 2009 г., когда предприятия стали активно выходить на рынки ценных бумаг. Здесь также следует учесть продажи пакетов акций крупных региональных предприятий металлургического производства. В организации металлургического производства поступило более 65% от всего объема иностранных капиталовложений в Свердловскую область.

Большое значение во внешнеэкономической деятельности Свердловской области имеет международная миграционная составляющая. Трудовая миграция играет для области большую роль. В 2009 г. доля мигрантов, прибывших из Украины, Казахстана и стран Средней Азии, в общем объеме международной миграции не изменилась по сравнению с 2008 г. и составила 69,3% (в 2007 г. эта доля была еще чуть выше — 73,0%). Между тем, по данным Департамента государственной службы занятости Свердловской

области, на конец июня 2010 г. официально зарегистрированы 74,4 тыс. безработных. Уровень общей безработицы составил 6,7%, зарегистрированной — 3,1% к численности экономически активного населения. Таким образом, уровень безработицы не высок. Наоборот, ощущается недостаток рабочей силы, следовательно, целесообразно привлекать мигрантов из соседних государств, например, Казахстана, и высококвалифицированных специалистов для передачи опыта, например, из Европы.

Таким образом, анализируя внешнеэкономическую деятельность Свердловской области — ее внешнюю торговлю, привлечение иностранных инвестиций и миграционную политику, — можно сделать вывод о многовекторной направленности внешнеэкономических связей данного субъекта Российской Федерации. В частности, проверенные долгосрочные партнеры области размещены в Западной Европе, среди высокотехнологичных развитых стран, таких как Германия, Франция, Нидерланды, Великобритания, Италия; важный блок интересов для области образуют члены СНГ, а именно, Казахстан, от границы с которым область отстоит сравнительно недалеко, и у которого очень схожая с российской структура экономики, другие центральноазиатские государства, такие как Таджикистан, Узбекистан, которые вместе с Казахстаном и Россией входят в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС); а также Белоруссия — член Союзного государства России и Белоруссии и ЕврАзЭС; такие азиатские государства, как Китай и Индия, которые, обладая мощными растущими экономиками, присутствуют во многих сферах мирового хозяйства и поддерживают сотрудничество практически со всем миром (рис. 2).

В свете изменения соотношения сил в системе мирохозяйственных связей, справедливо говорить о «восходящих странах-гигантах», наиболее крупные и сильные из которых образуют уже упомянутую группу БРИК. Иными словами, мировая конъюнктура последнего времени обращает внимание на ряд крупных государств, которые, несмотря на прошлое и нынешнее отставание, набирают предпосылки для перехода на более высокую ступень в мировой иерархии, начинают весомо воздействовать на формирование миропорядка. Россия в силу переходности своей экономической системы, неполной развитости многих рыночных механиз-

Рис. 2. География экспорта Свердловской области в 2008 г.

мов и в то же время огромного экономического потенциала, по некоторым оценкам, способна занять место ядра группы БРИК. Учитывая то, что Россия тесно связана с Западной Европой (как было сказано выше и показано на примере Свердловской области), она может выполнять посредническую функцию между развивающимися странами (Китай, Индия, Бразилия и др.) и развитыми. Конкретно в экономическом ключе и конкретно в случае Свердловской области это будет выражаться в том, что она может стать транзитным регионом многих мирохозяйственных процессов. Это может выражаться не только в функционировании масштабных баз перевалки товаров (т. к. регион занимает промежуточное географическое положение между развитой Европой и развивающейся Азией), но и в учреждении инвестиционных и финансовых центров (бирж, банков), центров переквалификации и языкового обучения международной рабочей силы и т. д. И хотя такие перспективы являются пока лишь теоретически возможными, стремление к их поэтапному осуществлению будет способствовать экономическому развитию Свердловской области.

Среди данной группы стран особое внимание необходимо уделить Китайской Народной Республике. Внешнеэкономические связи Свердловской области с провинциями Китая усиливаются с каждым годом — растет внешне-торговый оборот, объем движения капитала, объем иностранных инвестиций, обмен в образовательных целях, развивается технико-экономическое сотрудничество, увеличивается объем трудовой миграции. Свердловская область, находясь на стыке Европы и Азии, непосредственно ощущает евразийские вызовы, реагировать на которые нужно безотлагательно и каждодневно. Фактор Китая в этих вызовах играет

не последнюю роль во внешнеэкономической стратегии региона. На сегодняшний день объем экспорта в Китай превышает объем импорта. Уральские и китайские промышленные предприятия поддерживают тесные экономические контакты. Например, в 2008 г. машиностроительная корпорация «Уралмаш» подписала соглашение с группой предприятий тяжелого машиностроения из Гуанчжоу; Уральский оптико-механический завод открыл в Китае дочернее предприятие по выпуску геодезических приборов. Поэтому сотрудничество между Свердловской областью и Китаем должно идти вперед. Основными приоритетами в развитии внешнеэкономических связей Свердловской области и провинциями Китая должны стать:

- совместная разработка и внедрение высоких технологий;
- привлечение китайских инвестиций в экономику Свердловской области;
- сотрудничество в таких сферах, как энергосбережение, деревопереработка, машиностроение;
- развитие образования, обмен опытом и знаниями.

Продолжение динамичного развития внешнеэкономических и международных связей, заданное в предыдущие годы, укрепление международного авторитета и влияния Свердловской области на мировой арене являются основной целью в стратегии внешнеэкономической деятельности региона на фоне роста мировой экономики с учетом ориентиров развития внешней торговли Российской Федерации, содержащихся в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ. В связи с этим необходимо решить следующие основные задачи:

1. Повышение конкурентоспособности отечественных товаров на внутренних и зарубежных рынках.
2. Улучшение инвестиционного климата в регионе, создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций в экономику.
3. Налаживание схем прямых экспортно-импортных операций с зарубежными странами.
4. Выход предприятий Свердловской области на крупнейшие мировые фондовые площадки.

Таким образом, с точки зрения социально-экономического подхода, внешнеэкономические связи — инструмент, при помощи которого регион способен повысить свой уровень соци-

ально-экономического развития и конкурентоспособности. Это не только внешнеторговый оборот, который способствует увеличению объемов промышленного производства, фискальным сборам и пополнению бюджета, но и возможность привлекать иностранные инвестиции в создание высокотехнологичных отраслей, перенимать зарубежный опыт продвинутых специалистов, искать новые рынки сбыта продукции с высокой добавленной стоимостью и новые идеи для создания инфраструктуры малого и среднего бизнеса.

Одним из проектов, направленных на увеличение доли продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре производства, является проект создания особой экономической зоны «Титановая долина». Здесь будут осуществляться проекты по развитию базы сырья производства титана, производство полуфабрикатов из титана для использования в различных отраслях, деталей и компонентов для авиапромышленности. Будет создан специальный машиностроительный комплекс, который будет работать в области изготовления титанового оборудования для химического, авиационного и железнодорожного машиностроения, цветной металлургии и атомной энергетики. На текущий момент, согласно сообщению правительства, соглашения о намерении получить статус резидента готовы подписать пять корпораций — Arvi, SR Systematics, НПП «Машпром», Объединенная авиастроительная корпорация и MAG (всего к проекту интерес подтвердили более 25 компаний). Участие в ОЭЗ могут принять компании даже со 100%-ным иностранным капиталом. С резидентов планируется не взимать налоги на имущество, землю и транспорт, а ставку налога на прибыль снизить с 20 до 15,5%. Кроме того, «Титановая долина» будет обладать статусом свободной таможенной зоны, резиденты получают право ввозить иностранные товары без взимания таможенных пошлин и НДС, а также другие льготы. При этом, по предварительным оценкам, до 2030 г. проект должен принести в бюджеты всех уровней 179 млрд руб. Проект такого рода, действительно, может вывести регион на новые более передовые позиции на национальном и мировом уровнях [5].

В региональной экономике уже есть ряд исследований, подтверждающих положительное влияние внешнеэкономических связей региона на его социально-экономическое развитие [2]. Открытая внешнеторговая политика Китая, Австралии позволила им в течение нескольких

десятилетий наращивать темпы экономического роста, изменить структуру производства и потребления, улучшить ее и приблизить к западным стандартам качества и эффективности. Регионы России также не являются исключением из общемировых тенденций. Урал сегодня уже является частью мирового экономического пространства, но структура его внешнеэкономических связей с негативной тенденцией к усилению сырьевой экспортной специализации осталась прежней. Поэтому решение поставленных задач регионального развития позволит использовать внешнеэкономические связи более эффективно и рационально. Интеграция регионов страны в мировую экономику эффективна в том случае, если потребители отдают предпочтение отечественным товарам, а производители способны предлагать на зарубежных рынках конкурентоспособную продукцию высокой степени обработки или с большой долей добавленной стоимости. Тогда использование внешнеэкономических связей будет вести к повышению конкурентоспособности продукции, увеличению объемов производства, росту занятости населения, увеличению доходов населения, а следовательно, росту доходной части бюджета региона, повышению покупательной способности населения, что, в свою очередь, ведет к развитию торговли, транспорта, сферы услуг и культуры, и, в конечном счете, к улучшению уровня и качества жизни населения. В связи с этим сегодня важно выделять следующие направления региональной внешнеэкономической политики: изменение структуры производства и экспорта в сторону высокотехнологичной продукции, развитие транспортно-логистической инфраструктуры Свердловской области, привлечение иностранных инвестиций в регион, создание и укрепление межрегиональных связей. Все это в дальнейшем будет способствовать повышению конкурентоспособности Свердловской области на национальном уровне, гармоничной интеграции в мирохозяйственные связи и созданию условий для благоприятного социально-экономического развития.

Список источников

1. Андреева Е. Л. Организационные структуры фирм в условиях глобализации: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2003. 242 с.
2. Капустина Л. М. Регион в мировом и национальном экономическом пространстве. Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 360 с.
3. Внешнеэкономическая деятельность предприятия : учебник для студентов вузов, обучающихся по экономи-

ческим специальностям : 4-е изд., перераб. и доп. / Л. Е. Стровский и др. М.: Юнити-Дана, 2007. 799 с.

4. Регион в новой парадигме пространственной организации России / Под общ. ред. А. И. Татаркина; РАН, УрО, Ин-т экономики. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2007. 751 с.

5. Парфентьева И. Титановую долину легализовали // Коммерсант.ru. Новости он-лайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1561989&NodesID=4> (дата обращения 21.12.2010).

6. Analyzing socioeconomic inequalities within the context of 20 years of national economic system transformations / Edited by Academician Alexander Tatarkin. Ekaterinburg: Institute of Economics (Ural branch of Russian academy of science), 2010. 213 p.

УДК 339.9(1)

ключевые слова: глобализация, внешнеэкономические связи, конкурентоспособность региона, социально-экономическое развитие, Свердловская область

SOCIO-ECONOMIC APPROACH TO THE STUDY OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE REGION¹

Zh. A. Mingalyova, E. Y. Loseva, E. D. Oborina

The article is devoted to considering of socio-economic approach to the study of foreign economic relations of the region, the main statements of the approach are formulated. The indices of foreign trade activities of Sverdlovsk region, the volume of foreign investment are analyzed, countries which can be region's strategic partners are identified. In the article the tasks and directions of regional foreign policies to improve competitiveness and socio-economic development are defined.

The problem of enhancing release of the Russian regions on a global level is now more than ever. Subject of the Federation represents the level of administrative and managerial hierarchies that best defines the positioning and specification of the competitive advantages of the country with a federal structure. Country's competitiveness as a whole are assembled from competitiveness of each Russian region. Interregional economic relations become more closely intertwined with foreign economic and regions increasingly are approved in the category of full partners in international economic relations [6].

Socio-economic approach to the study of a region has been actively developed since the 60–70-ies of XX century [4, p. 54-85]. This approach is theoretically put the level and quality of life of the population in dependence on the functioning of the economy of the region. In this approach the region is a socio-economic complex (system), the basic units (components) of which (material production,

social) are balanced and provide stability for the region. Based on this definition, we can formulate the following principles of socio-economic approach to the study of IER (international economic relations) of the region:

1. Region is an open socio-economic system with a built in it foreign economic complex.
2. IER is a tool to improve the socio-economic development and regional competitiveness.
3. IER of region are effective in the case when help improve the level and quality of life.

As foreign economic activity intensifies consideration of socio-economic characteristics of foreign economic relations of both the region and the country as a whole has become more urgent. This is understandable, because the introduction of new elements into the national media can not avoid impact on existing economic order, affecting the interests of many sectors of society, on the other hand out of business structures for a national framework creates a different socio-economic aura of peace.

Socio-economic aspect of foreign economic relations development should become one of the most important strategic guiding lines. Possible socio-economic effects of foreign economic transformation should be carefully calculated, possible ways, methods, techniques of smoothing (regulation) in relation to various facets of foreign models and emerging situations should be planned.

The main difference between the competitive advantages of regional managers of the country lies in the greater mobility of production factors. In the future openness of the economy of individual regions will increase, primarily due to integration into the world economy. Competition between re-

¹ The article is completed with financial support from the grant of Russian fund of the humanities of Ural №11-12-66018a/Y «Estimation and forecasting of influence of foreign economic relations of Ural with Chinese provinces on socioeconomic development of the region».

ческим специальностям : 4-е изд., перераб. и доп. / Л. Е. Стровский и др. М.: Юнити-Дана, 2007. 799 с.

4. Регион в новой парадигме пространственной организации России / Под общ. ред. А. И. Татаркина; РАН, УрО, Ин-т экономики. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2007. 751 с.

5. Парфентьева И. Титановую долину легализовали // Коммерсант.ru. Новости он-лайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1561989&NodesID=4> (дата обращения 21.12.2010).

6. Analyzing socioeconomic inequalities within the context of 20 years of national economic system transformations / Edited by Academician Alexander Tatarkin. Ekaterinburg: Institute of Economics (Ural branch of Russian academy of science), 2010. 213 p.

УДК 339.9(1)

ключевые слова: глобализация, внешнеэкономические связи, конкурентоспособность региона, социально-экономическое развитие, Свердловская область

SOCIO-ECONOMIC APPROACH TO THE STUDY OF FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF THE REGION¹

Zh. A. Mingalyova, E. Y. Loseva, E. D. Oborina

The article is devoted to considering of socio-economic approach to the study of foreign economic relations of the region, the main statements of the approach are formulated. The indices of foreign trade activities of Sverdlovsk region, the volume of foreign investment are analyzed, countries which can be region's strategic partners are identified. In the article the tasks and directions of regional foreign policies to improve competitiveness and socio-economic development are defined.

The problem of enhancing release of the Russian regions on a global level is now more than ever. Subject of the Federation represents the level of administrative and managerial hierarchies that best defines the positioning and specification of the competitive advantages of the country with a federal structure. Country's competitiveness as a whole are assembled from competitiveness of each Russian region. Interregional economic relations become more closely intertwined with foreign economic and regions increasingly are approved in the category of full partners in international economic relations [6].

Socio-economic approach to the study of a region has been actively developed since the 60–70-ies of XX century [4, p. 54-85]. This approach is theoretically put the level and quality of life of the population in dependence on the functioning of the economy of the region. In this approach the region is a socio-economic complex (system), the basic units (components) of which (material production,

social) are balanced and provide stability for the region. Based on this definition, we can formulate the following principles of socio-economic approach to the study of IER (international economic relations) of the region:

1. Region is an open socio-economic system with a built in it foreign economic complex.
2. IER is a tool to improve the socio-economic development and regional competitiveness.
3. IER of region are effective in the case when help improve the level and quality of life.

As foreign economic activity intensifies consideration of socio-economic characteristics of foreign economic relations of both the region and the country as a whole has become more urgent. This is understandable, because the introduction of new elements into the national media can not avoid impact on existing economic order, affecting the interests of many sectors of society, on the other hand out of business structures for a national framework creates a different socio-economic aura of peace.

Socio-economic aspect of foreign economic relations development should become one of the most important strategic guiding lines. Possible socio-economic effects of foreign economic transformation should be carefully calculated, possible ways, methods, techniques of smoothing (regulation) in relation to various facets of foreign models and emerging situations should be planned.

The main difference between the competitive advantages of regional managers of the country lies in the greater mobility of production factors. In the future openness of the economy of individual regions will increase, primarily due to integration into the world economy. Competition between re-

¹ The article is completed with financial support from the grant of Russian fund of the humanities of Ural №11-12-66018a/Y «Estimation and forecasting of influence of foreign economic relations of Ural with Chinese provinces on socioeconomic development of the region».

gions, occurring in increased mobility of production factors will increase the dependence of export potential and interregional trade in the region by changing the competitive advantages of regions [4]. All these factors make the scientific community the task of theoretical and methodological quality, and methodological support for the challenges of globalization — the integration — localization — competitiveness.

Sverdlovsk region, despite the difficulties associated with the overall macroeconomic situation, is a dynamically developing region today, and Sverdlovsk enterprises continue to implement projects of modernization and development [1].

The strategic plan of Sverdlovsk region focuses on the innovative renewal of traditional sectors of the economy and structural diversification of the economy through innovative technology development.

An important element of a favorable investment climate is the new industrial infrastructure. To date, the basis of foreign trade in the region is exporting goods and services, exceeding imports by almost 3 times. Sverdlovsk region belongs to the subjects of the Russian Federation, which is actively involved in foreign economic activity. Foreign trade of Sverdlovsk region in the pre-crisis period (particularly in the last 10 years) has grown steadily — as with the CIS countries and with foreign countries (Fig. 1).

Decline in exports in 2009 was mainly due to lower cost in the supply of metals and products from it. The decline in imports in 2009 was due to reduction of supply of machine-building products, chemical products, etc.

Foreign trade turnover of Sverdlovsk region in 8 months of 2010 amounted to 5,373 million U.S. dollars, with 3,852 million dollars comes from exports, and 1521 million U.S. dollars for imports.

Compared to the same period in 2009 export growth in value terms amounted to more than 30% (at current prices), growth in imports — 18%. The non-CIS countries had 86,1% of total turnover (4.6 billion U.S. dollars), while the CIS countries — 13,9% (731.6 million U.S. dollars). These statistics once again confirms that the decrease in foreign trade turnover of Sverdlovsk region in 2009 was due to the global financial and economic crisis and according to forecast estimates foreign trade turnover at the end of 2010 will be comparable with the turnover of the pre-crisis 2007–2008 period.

In the commodity structure of exports has traditionally dominated by black and nonferrous metals and its products, which share in January–June 2010 was 51%. Also, a significant share of exports in the region has chemical products and rubber products (20%). Deliveries to the export of machinery, equipment and vehicles amounted to 14% of total exports.

In the commodity structure of imports today machinery, equipment and vehicles (41% of total imports), mineral products (16%), chemical products (15%), and also metals and its products (12%) are dominated.

Sverdlovsk region today is one of the most investment-attractive regions and has an active policy to attract foreign investment. The overall dynamics of inflow of foreign capital is presented in Table.

In the first half of 2010, foreign investment increased by 27% compared to a year ago and amounted to 740 million U.S. dollars. In general, we can note that the rate of investment activity in 2010 reflects the state policy of attracting foreign investments and increase foreign investor interest in Sverdlovsk region.

In connection with this the amount of «other» investment (i. e. commercial and other loans) is the most revealing in the first half of 2010. Their overall

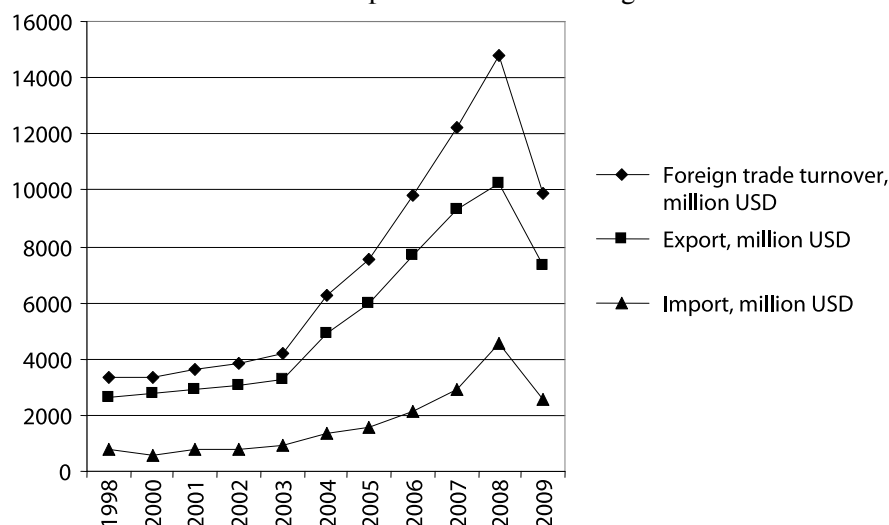

Fig. 1. The dynamics of foreign trade turnover of Sverdlovsk region in 1998–2009, million USD (at current prices)

Table
Dynamics of foreign investments in Sverdlovsk region
in 2000–2009, million USD

year	total	direct	indirect	others
2000	163	74	0	90
2003	1315	76	15	1224
2004	517	63	2	452
2005	1094	13	1	1079
2006	1390	4	229	1157
2007	1338	119	392	828
2008	2114	345	5	1763
2009	1366	88,0	11,2	1267,7

growth in 12,6% compared to the first half of 2009 reflects the continued stabilization of the situation, including the credit markets.

The volume of portfolio investment 105 million USD was a distinctive feature of the first half of 2010 and this figure exceeded the level of 2009 more than 14 times. Activity in the stock market is certainly a prominent feature at the end of 2009, when companies began to enter the equity markets actively. Selling stakes in large regional enterprises of metallurgical production should be taken into account too. Metallurgical enterprises have received more than 65% of the total foreign investment in Sverdlovsk region.

The international migration has great importance in foreign trade activities of Sverdlovsk region as its component. Labour migration plays great role for the region. In 2009, the proportion of migrants who arrived from Ukraine, Kazakhstan and Central Asia in the total international migration has not changed in comparison with 2008 and amounted to 69.3% (in 2007 this share was slightly higher — 73%). Meanwhile, according to the Department of Public Employment Service of Sverdlovsk region 74.4 thousand unemployed was officially registered at the end of June 2010. Total unemployment was 6.7%, registered — 3.1% of the economically active population. Thus, unemployment is low. Conversely, there is a shortage of labour, therefore, it is advisable to attract migrants from neighboring countries such as Kazakhstan or China, and highly qualified specialists for the transfer of expertise, for example from Europe.

Thus, by analyzing the foreign economic activity of Sverdlovsk region - its foreign trade, attracting foreign investment and migration policy, it is possible to conclude multi-directed foreign economic relations of the subject of the Russian Federation. In particular, the proven long-term partners of the region are located in Western Europe, among the high-tech developed countries such as Germany,

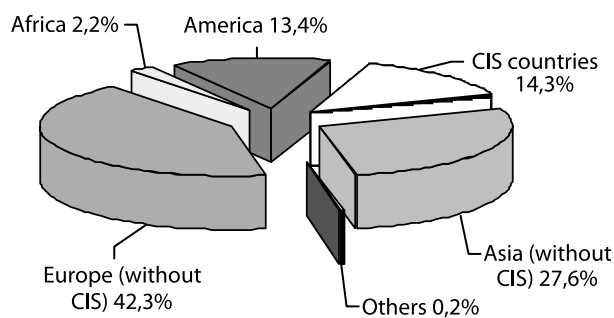

Fig. 2. Geography of exports of Sverdlovsk region in 2008

France, the Netherlands, the UK, Italy; also the CIS member states form important set of interests for the region, namely, Kazakhstan, on the border with which region spaced relatively close, and which is very similar to Russia's economic structure, and other Central Asian states, such as Tajikistan, Uzbekistan, which together with Kazakhstan and Russia are members of the Eurasian Economic Community (EEC) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO); and Belarus — a member of the Union State of Russia and Belarus and the Eurasian Economic Community, Asian nations such as China and India, which, having a strong growing economies, are present in many areas of the world economy and maintain cooperation with almost all the world (Figure 2).

In the light of changing balance of forces in the system of world economic relations, we have to talk about «rising countries-giants», the largest and most powerful of which form the already mentioned BRIC group. In other words, the global situation recently drew attention to several major states which accumulate the prerequisites for the transition to a higher level in the global hierarchy despite past and current backlog, and start weighty influence on the formation of a world order. Russia, under transitivity of its economic system, the incomplete development of many market mechanisms and, at the same time, the huge economic potential, according to some estimates, is able to take the place of the nucleus of the BRIC. Taking into account that Russia is closely linked with Western Europe (as was noted above and shown in the example of Sverdlovsk region), it can perform a mediating function between developing countries (China, India, Brazil and others) and developed. Specifically, in economic vein, and specifically in the case of Sverdlovsk region, this will be reflected in the fact that it can become a transit region of many global economic processes. This can be expressed not only in the operation of large-scale database of goods transshipment (as the region occupies an intermediate geographical position be-

tween developed Europe and emerging Asia), but also in the establishment of investment and financial centers (exchanges, banks), re-training centers and language training of international working forces, etc. While such perspectives are only theoretically possible, the desire for them step by step implementation will contribute to the economic development of Sverdlovsk region.

Among this group of countries, special attention should be paid to the People's Republic of China (PRC). International economic relations of Sverdlovsk region with the provinces of China become stronger from year to year, trade turnover, the volume of capital flows, foreign investment, exchange of educational purposes are growing, economic and technological cooperation is developing, the amount of labour migration is increasing. Sverdlovsk region, being at the crossroads of Europe and Asia, feels Eurasian challenges directly and should respond to that need without delay and every day. China factor in these challenges plays not last role, and in this connection it is actively included in the foreign economic strategy of the region. Today, the volume of exports to China exceeds the volume of imports. Ural and Chinese industrial enterprises have maintained close economic ties. For example, in 2008 machine building corporation «Uralmash» signed an agreement with a group of heavy engineering industry in Guangzhou; Ural Optical and Mechanical Plant was opened in China subsidiary to produce geodetic instruments. Therefore, cooperation between Sverdlovsk region and China should move forward. The main priorities in the development of foreign economic relations of Sverdlovsk region and provinces of China should be:

- Joint development and introduction of high technologies;
- Attracting Chinese investment in the economy of Sverdlovsk region;
- Cooperation in the fields such as energy conservation, wood processing, mechanical engineering;
- Development of education, exchange of experience and knowledge.

Continuation of dynamic development of foreign and international relations, set in the previous years, the strengthening of international prestige and influence of Sverdlovsk region in the world arena are the key objectives in the strategy of foreign economic activity in the region against the background of global economic growth taking into account the guidelines of the foreign trade of the Russian Federation contained in the concept of long-term socio-economic development of Russia. In this connection it is necessary to accomplish the following tasks:

1. Improving the competitiveness of domestic goods in domestic and overseas markets.
2. Improving the investment climate in the region, creating favorable conditions for attracting foreign investment in economy.
3. Establishment of schemes of direct export-import operations with foreign countries.
4. Appearance of enterprises of Sverdlovsk region in the world's major stock exchanges.

Thus, in terms of socio-economic approach foreign economic relations are a tool to improve the socio-economic development and regional competitiveness. It is not only the foreign trade turnover, which increases the volume of industrial production, fiscal duties and the completion of the budget, but the ability to attract foreign investment in the creation of high-tech industries, to attract advanced foreign experience professionals, seek new markets for products with high added value and new ideas to create the infrastructure for small and medium-sized businesses.

One of the projects aimed at increasing the proportion of products with high added value in the production structure is a project to create a special economic zone «Titanium Valley». There will be projects to develop the production base of raw titanium, production of semi-finished products from titanium for use in various industries, parts and components for the aerospace industry. This will create a special machine-building complex that will work in the manufacture of titanium equipment for chemical, aviation and railway engineering, ferrous metallurgy and nuclear power. At the moment, according to the Government report, five corporations — Arvi, SR Systematics, Mashprom, United Aircraft Corporation and MAG — are willing to sign an agreement of intention to obtain residence status (totally more than 25 companies confirmed the interest to the project). The company even with 100 percent foreign capital can take participation in the FEZ (free economic zone). Taxes on property, land and transportation will not be levied from residents, and profit tax rate will be reduced from 20% to 15.5%. In addition, «Titanium Valley» will have the status of a free customs zone; residents will have the right to import foreign goods without paying customs duties and VAT, as well as other benefits. In this case, according to preliminary estimates, by 2030 the project is to bring the budgets of all levels of 179 billion rubles. Project of this kind can really lead the region to new and more advanced position on the national and global levels [5].

In regional economy there are already a number of studies confirming the positive impact of foreign

economic relations of the region on its socio-economic development [2]. Open trade policy in China, Australia allowed them to increase the pace of economic growth within a few decades, to change the structure of production and consumption, improve it and bring to Western standards of quality and efficiency. Russian regions are also not an exception from global trends. Today Ural is a part of the world economic space, but the structure of its foreign economic relations remained still with a negative trend to increased raw material export specialization. Therefore, the solution of tasks of regional development will allow using the external economic relations more effectively and efficiently. The integration of regions into the world economy is effective in the case when consumers prefer domestic products, and manufacturers are able to offer to foreign markets competitive products highly processed or high-value-added. Then the use of foreign economic relations will lead to improving competitiveness, increasing production, employment, growing of incomes and, consequently, to growing of budget revenues in the region, rising of purchasing power, which in turn leads to the development of trade, transport, services and culture and, ultimately, to improve the level and quality of life. Therefore, today it is important to highlight the following areas of regional foreign policy: changing the structure of production towards high-tech products, development of transport and logistics infrastructure, attracting foreign investment, the creation and strengthening of inter-

regional relations. All this will favour the competitiveness of Sverdlovsk region at the national level, the harmonious integration into the world economy and creating conditions for advantageous social and economic development.

References

1. Andreeva E. L. The organizational structures of firms in the context of globalization: the manual / E. L. Andreeva. — Yekaterinburg: Ural state. econ. univ., 2003. — 242 pp.
2. Kapustina L. M. Region in the global and national economic space. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2000. — 360 pp.
3. Foreign economic activity of enterprise: a textbook for university students studying economics / L. E. Strovsky and others. — 4th issue, revised and add. — M.: UNITY-DANA, 2007. - 799 pp.
4. Region in the new paradigm of spatial organization of Russia / Ed. by A. I. Tatarkin; RAS, Ural Branch, Institute of Economics. — Moscow: ZAO Publishing House «Economics», 2007. — 751 pp.
5. Parfentyeva I. I. Titanium Valley has been legalized / Kommersant.ru: news online. url: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1561989&NodesID=4> (date of access 21.12.2010).
6. Analyzing socioeconomic inequalities within the context of 20 years of national economic system transformations / Edited by Academician Alexander Tatarkin. Ekaterinburg: Publishing house of Institute of Economics (Ural branch of Russian academy of science), 2010. 213 p.

U.D.C. 339.9(1)

keywords: globalization, foreign economic relations, regional competitiveness, socio-economic development, Sverdlovsk region

ПРЕИМУЩЕСТВА ЮГА РОССИИ ПРИ АКТИВИЗАЦИИ УЧАСТИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОЦЕССАХ

С. С. Пешуев

В статье определены преимущества Юга России как объекта активизации участия в национальных и мирохозяйственных процессах в условиях развития глобализации и регионализации мировой экономики. При правильном их использовании Юг России встанет на путь устойчивого роста и развития, полноценно интегрируется в единое социально-экономическое пространство страны и внешнеэкономические процессы.

Юг России последние десятилетия ассоциируется в основном с такими понятиями, как

«крупнейшая сельскохозяйственная житница» и «богатейший курортно-оздоровительный комплекс страны», развитие которых всегда считалось приоритетным направлением социально-экономической политики государства. Однако этими приоритетными направлениями заметный вклад Юга России в национальную экономику не ограничивается: на протяжении уже нескольких десятилетий он занимает существенное место в реализации крупных общенациональных проектов в области сельхозмашиностроения, электростроения, энергетического машиностроения,

economic relations of the region on its socio-economic development [2]. Open trade policy in China, Australia allowed them to increase the pace of economic growth within a few decades, to change the structure of production and consumption, improve it and bring to Western standards of quality and efficiency. Russian regions are also not an exception from global trends. Today Ural is a part of the world economic space, but the structure of its foreign economic relations remained still with a negative trend to increased raw material export specialization. Therefore, the solution of tasks of regional development will allow using the external economic relations more effectively and efficiently. The integration of regions into the world economy is effective in the case when consumers prefer domestic products, and manufacturers are able to offer to foreign markets competitive products highly processed or high-value-added. Then the use of foreign economic relations will lead to improving competitiveness, increasing production, employment, growing of incomes and, consequently, to growing of budget revenues in the region, rising of purchasing power, which in turn leads to the development of trade, transport, services and culture and, ultimately, to improve the level and quality of life. Therefore, today it is important to highlight the following areas of regional foreign policy: changing the structure of production towards high-tech products, development of transport and logistics infrastructure, attracting foreign investment, the creation and strengthening of inter-

regional relations. All this will favour the competitiveness of Sverdlovsk region at the national level, the harmonious integration into the world economy and creating conditions for advantageous social and economic development.

References

1. Andreeva E. L. The organizational structures of firms in the context of globalization: the manual / E. L. Andreeva. — Yekaterinburg: Ural state. econ. univ., 2003. — 242 pp.
2. Kapustina L. M. Region in the global and national economic space. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2000. — 360 pp.
3. Foreign economic activity of enterprise: a textbook for university students studying economics / L. E. Strovsky and others. — 4th issue, revised and add. — M.: UNITY-DANA, 2007. - 799 pp.
4. Region in the new paradigm of spatial organization of Russia / Ed. by A. I. Tatarin; RAS, Ural Branch, Institute of Economics. — Moscow: ZAO Publishing House «Economics», 2007. — 751 pp.
5. Parfentyeva I. I. Titanium Valley has been legalized / Kommersant.ru: news online. url: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1561989&NodesID=4> (date of access 21.12.2010).
6. Analyzing socioeconomic inequalities within the context of 20 years of national economic system transformations / Edited by Academician Alexander Tatarin. Ekaterinburg: Publishing house of Institute of Economics (Ural branch of Russian academy of science), 2010. 213 p.

U.D.C. 339.9(1)

keywords: globalization, foreign economic relations, regional competitiveness, socio-economic development, Sverdlovsk region

ПРЕИМУЩЕСТВА ЮГА РОССИИ ПРИ АКТИВИЗАЦИИ УЧАСТИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОЦЕССАХ

С. С. Пешуев

В статье определены преимущества Юга России как объекта активизации участия в национальных и мирохозяйственных процессах в условиях развития глобализации и регионализации мировой экономики. При правильном их использовании Юг России встанет на путь устойчивого роста и развития, полноценно интегрируется в единое социально-экономическое пространство страны и внешнеэкономические процессы.

Юг России последние десятилетия ассоциируется в основном с такими понятиями, как

«крупнейшая сельскохозяйственная житница» и «богатейший курортно-оздоровительный комплекс страны», развитие которых всегда считалось приоритетным направлением социально-экономической политики государства. Однако этими приоритетными направлениями заметный вклад Юга России в национальную экономику не ограничивается: на протяжении уже нескольких десятилетий он занимает существенное место в реализации крупных общенациональных проектов в области сельхозмашиностроения, электростроения, энергетического машиностроения,

агропромышленной индустрии и др., призванных обслуживать всю экономику страны.

По нашему мнению, в условиях параллельно идущих процессов глобализации и регионализации Юг России имеет при активизации участия в национальных и мирохозяйственных процессах ряд преимуществ, основные из них представлены в компактной форме на рисунке.

Рассмотрим ниже эти преимущества Юга России как объекта активизации участия в национальных и мирохозяйственных процессах в условиях развития глобализации и регионализации в развернутом виде.

Географические (геополитические) преимущества Юга России. Геополитическое (географическое) место Юга России в России уникально. Юг России включает в себя 13 субъектов федерации. Юг России связывает в единую систему морские и сухопутные границы России с такими новыми азиатскими и европейскими государствами, как Казахстан, Туркмения, Азербайджан, Грузия и Украина, а также Иран, Турция, Болгария и Румыния. Транспортно-дорожный комплекс Юга России представляет собой совокупность практически всех видов магистрального и промышленного транспорта, обеспечивая важнейший коммуникационный коридор Российской Федерации со странами Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока.

Правильное и максимальное использование дорожно-транспортного потенциала Юга России сделает его географическое (геополитическое) преимущество по сравнению со всеми остальными федеральными округами очевидным в условиях активизации участия страны в процессах глобализации и регионализации. Геополитическое положение Юга России при оптимальном его использовании позволяет ему и его территориям интегрироваться в мировое хозяйство более масштабно и диверсифицировано, с очевидной выгодой для их экономик.

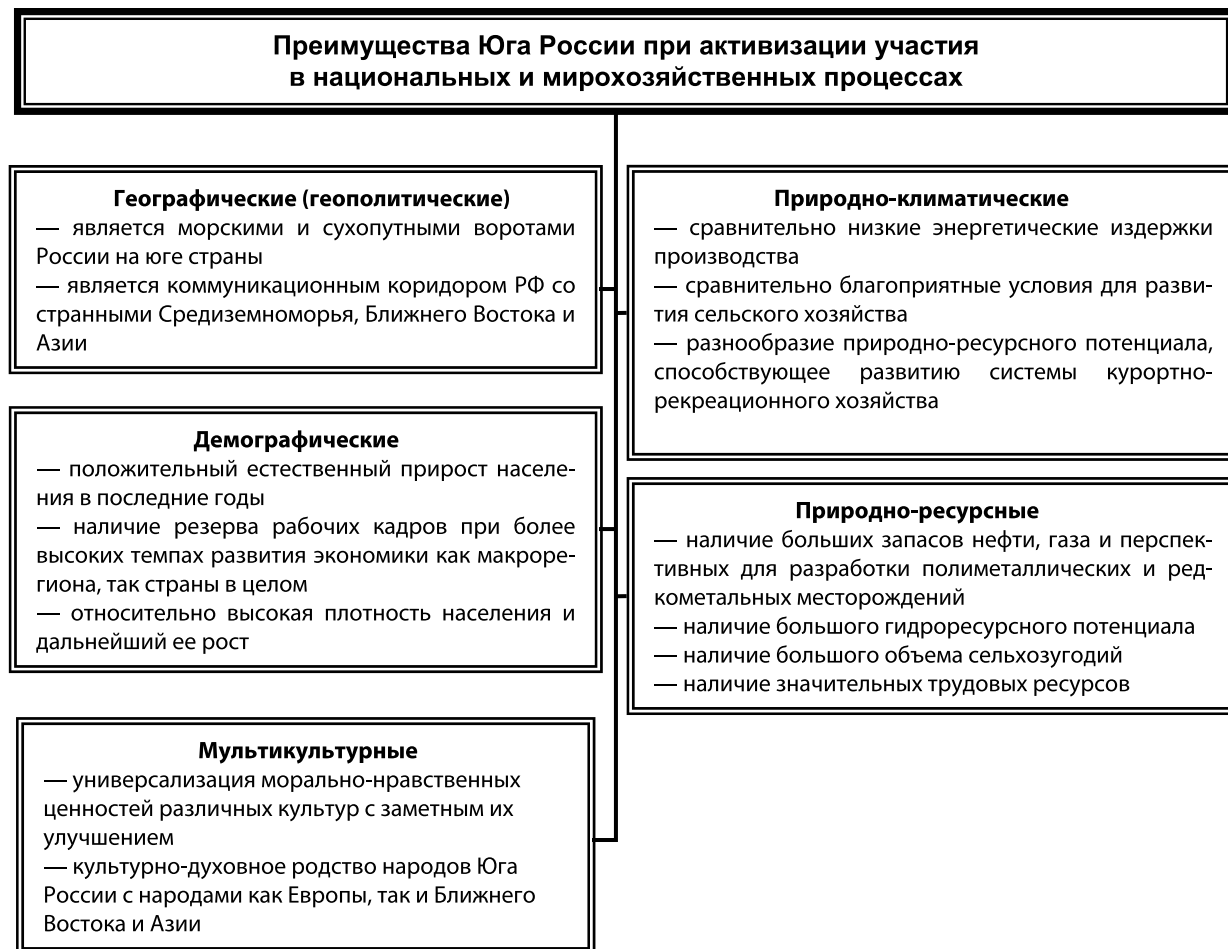
К приоритетным направлениям развития, первоочередному решению которых способствовали бы географическое и природно-климатическое преимущества Юга России, относится, прежде всего, развитие экспортно-импортно-составляющей. В силу географического положения и природных условий территорий Юга России здесь могут быть сформированы мощные товарные потоки, ориентированные на крупнейших партнеров России в странах Средиземноморья, Закавказья, Ближнего Востока и Азии, что сегодня уже реально требует развития не только портового хозяйства, но и элементов всей инф-

раструктуры, обслуживающей международный товарообмен. Это — современные склады (терминалы), дороги, линии связи, стоянки, мотели, предприятия питания по всему пути перемещения грузов между регионами Юга России.

Природно-климатические преимущества Юга России. По природно-климатическим условиям Юг России имеет явное преимущество над остальными федеральными округами. Если учесть авторитетные мнения западных и отечественных ученых по существующим объективным ограничениям российской экономики в конкуренции с Западом, связанным с суровыми природно-климатическими условиями на большей территории страны, следовательно, высокими энергетическими издержками производства по сравнению с Западом [2, 6], то Юг России и есть именно то географическое и природно-климатическое место, которое позволяет стране конкурировать с западными странами практически по всем направлениям экономики.

По площади территория Юга России больше, чем самое большое государство ЕС — Франция (552 тыс. км²), следовательно, Юг России представляет достаточно большую площадку для размещения на ее территории современных конкурентных инновационных отраслей промышленности. В силу благоприятных для конкуренции с западными странами природно-климатических условий Юга России было бы обоснованным приоритетное развитие на его территории инновационных отраслей промышленности и сферы услуг в широком смысле с учетом опыта успешных аналогов из мировой практики. В силу природно-климатических преимуществ Юга России перед остальными федеральными округами может быть поставлен вопрос о переносе некоторых видов промышленного производства в перспективе с северных территорий страны на Юг России. Важно подчеркнуть, что главной целью этого проекта должно стать усиление конкурентоспособности этих видов промышленности на внешнем рынке.

Природно-климатические преимущества Юга России перед другими федеральными округами проявляются и в развитии сельского хозяйства. Так, территории Юга России являются одними из основных производителей сельскохозяйственной продукции в стране, они практически полностью обеспечивают своих жителей необходимыми продуктами питания, при этом недостаток производства тех или иных продуктов в одних регионах с успехом покрывается поставками из других. В этой связи очевидно, что резервы уве-

Рис. 1. Схема основных преимуществ Юга России при активизации участия в национальных и мирохозяйственных процессах (разработана автором)

личения производства — как продукции сельского хозяйства, так и продукции ее переработки, — кроются в создании межрегиональной сети модернизированных предприятий пищевой промышленности, ориентированных на другие регионы России и на зарубежные рынки.

Сочетание равнинных, приморских, предгорных и высокогорных ландшафтов, наличие различных видов минеральных вод и лечебных грязей, комфортные климатические условия обуславливают разнообразие природно-ресурсного потенциала Юга России. Это способствует развитию системы курортно-рекреационного хозяйства. По количеству санаториев и пансионатов с лечением, больше половины которых расположены на Черноморском побережье Краснодарского края, Юг России занимает первое место среди других федеральных округов.

Однако курортно-рекреационный потенциал макрорегиона до сих пор используется крайне слабо и неэффективно с учетом позитивного опыта мировой практики. В этой связи в интересах федерального центра, Юга России

и всех его территорий следует разработать и реализовать продуманную стратегию полноценного развития этого сектора экономики макрорегиона с учетом опыта постиндустриальных стран мира. Это крайне важно и с точки зрения активизации участия Юга России и всех его территорий как в общенациональных, так и в мирохозяйственных процессах на взаимовыгодной основе с прицелом на далекую перспективу. В рамках общей стратегии развития курортно-рекреационного потенциала Юга России необходимо разработать отдельные региональные стратегии развития этого сектора для каждой территории с учетом их особенностей. Здесь федеральному центру и Югу России (ЮФО и СКФО вместе взятые) следует особое внимание уделить тем территориям округа, которые не обладают достаточным опытом развития этого сектора экономики и имеют слабые финансовые возможности для эффективной самостоятельной реализации стратегии его развития, но при этом располагают очень хорошим природно-ресурсным и рекреационным потен-

циалом для качественной и полноценной интеграции их как в национальные, так и в мирохозяйственные процессы на этом направлении.

К числу подобных территорий относятся практически все национальные республики Юга России, и они крайне нуждаются на данном этапе в действенной помощи со стороны как Юга России (ЮФО и СКФО), так и федерального центра. Такая поддержка будет абсолютно оправдана, если учесть возможные позитивные результаты, которые, на наш взгляд, проявятся в виде:

- увеличения вклада национальных республик в экономику Юга России и страны в целом;
- заметного сокращения безработицы и повышения уровня жизни населения на их территориях;
- более глубокой интеграции национальных республик в единое социально-экономическое пространство Юга России, страны и в мирохозяйственные процессы.

Природно-ресурсные преимущества Юга России. С точки зрения ресурсной составляющей Юг России имеет серьезные преимущества перед другими регионами России, о которых много говорится, но которые до сих пор используются недостаточно. Это — запасы нефти, газа и перспективные для разработки титановые, вольфрамовые, циркониевые, никель-молибден-кобальтовые, ртутные и другие месторождения на территории отдельных регионов Юга России.

Здесь действуют две энергосистемы: ОЭС центра и ОЭС Северного Кавказа, которые входят в состав Единой энергетической системы России и обеспечивают централизованное энергоснабжение потребителей электроэнергии и производственных мощностей в регионах Юга России. Производство электроэнергии по итогам 2008 года составило 73,3 млрд кВт·ч — 7,1% от общероссийского уровня [3, с. 519-521]. Однако потенциал для развития энергосистемы ОЭС Северного Кавказа гораздо выше того, что используется в настоящее время. Так, например, все национальные республики Юга России, за исключением Республики Калмыкия, имеют значительные гидроресурсы, но, к сожалению, используют они свой потенциал на сегодняшний день слабо, а некоторые из них вообще не используют. В условиях рыночной конкуренции и борьбы за снижение энергетических издержек крайне важно, чтобы эти территории округа использовали свои возможности создания локальных и региональных гидроэлектростанций и, следовательно, преимущества для снижения

издержек производства. Для успешного решения этой задачи, на наш взгляд, необходимо действенное участие в ее решении Юга России (ЮФО и СКФО) и федерального центра. Такое участие будет абсолютно оправдано с точки зрения будущего эффекта для экономик этих республик и других территорий Юга России, а значит, и для всей экономики страны.

Кроме того, Юг России обладает крупным рыбохозяйственным комплексом, благоприятными природно-климатическими условиями для растениеводства (включая кормопроизводство) и животноводства. Это, в свою очередь, объективно создает базу для сбалансированного развития отраслей промышленности и агропромышленного комплекса. В то время как удельный вес сельхозугодий в целом по России сравнительно невелик (в 2008 г. он составил 11,3%), на Юге России к категории сельхозугодий относится более 2/3 земельного фонда (в 2008 году — 66,4%), что обуславливает аграрную специализацию макрорегиона. Помимо растениеводства, на Юге России есть все возможности для развития животноводства, которое на сегодняшний день ориентировано на мясное, с преимущественным развитием крупного рогатого скота и овцеводства.

Одной из важнейших составляющих ресурсного потенциала Юга России является наличие значительных трудовых ресурсов. В 2008 г. 11,3 млн чел. относилось к категории экономически активного населения, что составляет 49,5% от всего населения Юга России (в целом по России этот показатель равен 53,4%). Из них 9,4 млн чел. заняты в экономике. Уровень общей безработицы в целом по Югу России оценивается в 10,2%.

Если оценивать возможности Юга России с точки зрения качественных трудовых ресурсов, необходимо обратиться к данным, характеризующим наличие на Юге России учебных заведений. Сегодня вузы Юга России не только выполняют образовательную функцию, но и являются центрами формирования культурной среды регионов, а также несут серьезную имиджевую нагрузку. В 1990 г. в регионах Юга России имелось 60 государственных вузов. В настоящее время их количество увеличилось до 77, а также было создано 73 негосударственных вуза (без учета филиалов). По наличию государственных и негосударственных вузов Юг России (ЮФО и СКФО) занимает третье место среди федеральных округов после Центрального и Приволжского, а по количеству государственных средних специальных учебных

заведений (317) — четвертое. Основное их количество (около 73%) сосредоточено в краях и областях Юга России. Юг России имеет явные преимущества перед остальными федеральными округами для подготовки качественных трудовых ресурсов, связанные с его благоприятными климатическими условиями и мультикультурностью народов Юга России.

Юг России уже сегодня привлекателен для проведения различных межрегиональных семинаров, курсов повышения квалификации и прохождения профессиональной переподготовки специалистов из-за благоприятных климатических условий (возможности сочетать учебу со здоровым отдыхом). Даже некоторые столичные вузы, некоммерческие учебные организации уже имеют или планируют создать свои филиалы на Юге России, прежде всего в целях повышения их привлекательности в условиях растущей конкуренции в сфере образования. В будущем этот процесс приобретет характер динамического роста (как показывает опыт постиндустриальных стран), и тогда здесь могут быть сосредоточены лучшие в стране учебные центры. Мультикультурность населения Юга России в сочетании с его теплым благоприятным климатом делают трудовые ресурсы Юга России априори предпочтительными перед трудовыми ресурсами остальных федеральных округов для качественной их подготовки. Эти преимущества Юга России по сравнению с другими федеральными округами подтверждают такие показатели, как:

- общий коэффициент смертности [3, с. 82-89];
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- алкоголизация населения.

Уровень заболеваемости и распространенности алкоголизма имеет четкие региональные отличия. В группу с «напряженной алкогольной ситуацией» вошли регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Относительно благополучно в отношении алкоголизации населения, по данным официальной медицинской статистики, выглядит Юг России (ЮФО и СКФО) [5].

При сравнительном анализе регионов различных федеральных округов мы видим, что соседство и взаимопроникновение культур сдерживают алкоголизацию населения и стимулирует людей к здоровому образу жизни, конкуренции за качество быта, иными словами, единство в многообразии культур при правильном пользовании им есть преимущество Юга

России перед остальными округами (особенно если иметь в виду опыт стран ЕС).

Демографические преимущества Юга России (ЮФО и СКФО) перед остальными федеральными округами. Анализ демографического процесса показывает, что его основные характеристики в определенной степени отличаются от среднероссийских. В силу повышенной рождаемости и пониженной смертности демографическая ситуация на Юге России (ЮФО и СКФО) выглядит лучше, чем во всех остальных федеральных округах и в целом в России. Коэффициент естественного прироста населения на Юге России в 2008 году составил 1,8‰, т. е. Юг России (ЮФО и СКФО) единственный среди всех федеральных округов с положительным знаком этого коэффициента. В целом по России коэффициент естественной убыли равен 2,5‰.

В условиях демографического кризиса в стране есть реальная необходимость поддерживать те территории Юга России, на которых наблюдается относительно хороший естественный прирост, и всемерно стимулировать демографическое развитие остальных территорий. Все территории Юга России нуждаются в увеличении численности населения, если они реально хотят развивать свои внутренние рынки и повышать уровень жизни населения. В этом нас убеждает и позитивный отечественный опыт, и опыт стран Европейского союза.

Мы убеждены в том, что нашей стране необходима продуманная и действенная стратегия демографического развития, реально отвечающая требованиям и вызовам современности, если мы действительно хотим сохранить в будущем нашу страну в нынешних географических границах. Для успешной ее реализации в федеральных округах и на их территориях необходимо разработать и реализовать стратегии демографического развития каждого конкретного округа (территории) с учетом его (ее) особенностей, отвечающие основным требованиям федеральной стратегии. Необходимость в таких стратегиях мы видим при сравнении плотности населения в наших федеральных округах и на их территориях с аналогичными показателями стран ЕС, не говоря уже о сопредельных азиатских странах.

Мультикультурные преимущества Юга России. Юг России отличается географическим, этническим, языковым, конфессиональным и культурным многообразием, что во многом определило образ жизни, историю и взаимоотношения его жителей. Юг России часто назы-

вают «музеем народов», ныне здесь проживают представители более 50 национальностей. На языке некоторых из них разговаривают лишь несколько сотен человек, а большие этнические группы насчитывают более миллиона человек.

При правильном и ответственном использовании фактор мультикультурность станет его реальным конкурентным преимуществом Юга России (ЮФО и СКФО).

С целью реального увеличения валового регионального продукта (ВРП) на территориях Юга России необходимы внедрение инновационных технологий и перевооружение процесса труда. Для этого нужно максимально использовать имеющиеся конкурентные преимущества территорий Юга России: сравнительно невысокий уровень издержек при строительстве и реконструкции объектов, наличие дешевой сырьевой базы пищевой промышленности и трудовых ресурсов, огромный рекреационный потенциал, близость к средиземноморским и ближневосточным рынкам, потенциал развития энергетики и транспортных коридоров и др.

Основным условием реализации этих преимуществ является стабильный приток внешних инвестиций.

Это условие можно обеспечить при правильном и эффективном использовании мультикультурного преимущества Юга России.

Главным направлением для использования этого преимущества округа должно стать, на наш взгляд, сотрудничество между национальными республиками Юга России и странами Ближнего Востока и Азии. Юг России в лице полномочных представителей Президента России в ЮФО и СКФО вместе с федеральным центром должны всемерно содействовать налаживанию взаимовыгодных социально-экономических и культурных отношений, в первую очередь, между национальными республиками (по признаку духовно-культурного сходства), а затем, используя этот мост, и остальными территориями округа и богатыми странами Ближнего Востока и Азии. Активное содействие полномочных представителей Президента России должно выражаться, на наш взгляд, в реальном обеспечении на территориях Юга России общественной безопасности, социально-политической стабильности, гарантий иностранным инвесторам и явного перевеса позитивной информации о Юге России и его территориях в средствах массовой информации над негативной.

В случае осознанного выбора такой линии политики полномочными представителями

Президента России в ЮФО и СКФО при установке мостов между территориями округа и богатыми странами Ближнего Востока и Азии можно наладить, по нашему мнению, стабильный приток зарубежных инвестиций в экономику Юга России. Богатые ближневосточные страны имеют хорошую практику как по оказанию безвозмездной помощи более бедным мусульманским странам, так и по реэкспорту нефтедолларов в экономику западных стран. Некоторые из них сегодня формируют свой ВВП в большей степени за счет их инвестиций в экономику западных стран, чем от экспорта нефти [7, с. 380-756].

В условиях недостаточной развитости существующей кредитно-финансовой системы страны, особенно на территориях национальных республик Юга России, формы участия в инвестиционных проектах ближневосточных стран являются очень привлекательными. В этих странах не допускается ростовщичество, т. е. деньги дают не под процент, а под оговоренную долю в конечном доходе, при этом инвестор несет риск вместе с владельцем бизнеса в случае провала бизнес-проекта.

На наш взгляд, правильное использование вышеизложенных преимуществ позволит Югу России выйти на путь устойчивого роста и развития, полноценно интегрироваться в единое социально-экономическое пространство страны и мирохозяйственные процессы.

Список источников

1. Кузнецова О. В. Экономическое развитие регионов. Теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М.: Эдиториал УРСС, 2005. С. 260.
2. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост 9Д, 1999.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009.
4. Рубинский Ю. И. Франция в поисках новых путей. М., 2007.
5. Справка об актуальной алкогольной ситуации в России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.naacnt.ru/news/02_2005/news_10020.htm.
6. Hill F, Gaddy C. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, 2003.
7. The Middle East and North Africa. London, 1993. P. 380-756.
8. Vanhove N. Regional policy. A European approach. Aldershot etc.: Ashgate, 1999. P. 122-123.

УДК 332.1

ключевые слова: преимущества Юга России, геополитическое место, природно-климатические условия, природные ресурсы, демографическая ситуация, фактор мультикультурности, приоритетные направления развития

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

WHY WE NEED A THEORY OF CSR

R. C. Warren

The contention of this paper is that, at the moment, the concept of CSR lacks a theory to give it clarity and direction in the corporate context, this makes it difficult for managers to know what to do, how far to go, and how to evaluate and account for the results they are achieving in their endeavours to implement CSR policies. To come to grips with the CSR movement we need briefly to consider why the demand for CSR has arisen, how it manifests itself in business practice, and whether it can be understood in theoretical terms so that it could become institutionalised in an accountable way. A candidate theory of CSR is offered: the communitarian theory of corporate purpose is to, within and upholding the rules of ethical business, produce the maximum sustainable value for stakeholders. The measure of this is profits for shareholders and deposits of social and natural capital for other stakeholders.

Introduction

A new concept has arisen in business practice that we, in the business schools, have been striving to catch up with and are seeking to understand. The concept is Corporate Social Responsibility (CSR) this is the idea that companies should consider the interests of society and the natural environment when making decisions. CSR is now a well-known expression for what, in the recent past, has been a collection of different and yet related terms: corporate philanthropy, corporate citizenship, business ethics, stakeholding, community involvement, corporate responsibility, socially responsible investment, sustainability, triple-bottom line, corporate accountability and corporate social performance. Some of these terms have a family resemblance to each other, but many of these expressions have other connotations as well. This lack of consensus has seriously hampered theoretical development as well as research into the implications of these related policies and practices. A great deal of imaginative, innovative and energetic activity is taking place in the field of CSR all over the world and we, in the busi-

ness schools, are keen to understand and account for this phenomena, and to see whether it can, over time, become a movement which fundamentally changes the institutionalisation of business practice.

The contention of this paper is that, at the moment, the concept of CSR lacks a theory to give it clarity and direction in the corporate context, this makes it difficult for managers to know what to do, how far to go, and how to evaluate and account for the results they are achieving in their endeavours to implement CSR policies. To come to grips with the CSR movement we need briefly to consider why the demand for CSR has arisen, how it manifests itself in business practice, and whether it can be understood in theoretical terms so that it could become institutionalised in an accountable way.

CSR is not new but old wine in new bottles

Whilst here has always been concern about the social impact of business upon society most notably from John Ruskin onwards, the debate within orthodox business theory is more recent. (Ruskin, 1860) A general concern with greater corporate social responsibility began in the post-war period as part of the 'social responsibility debate', which started in the USA and radiated outwards to Europe in the 1950s and 1960s. Howard Bowen's book, *Social Responsibilities of the Businessman*, in 1953, explicitly enjoined a debate on the wider social responsibilities of business to the community, a debate started by the work of Peter Drucker, whose seminal study of General Motors, questioned the purposes and responsibilities of the large corporation. (Drucker, 1946) In the 1960s, environmental concerns about the impact of business in terms of pollution and the depletion of natural resources was kick-started by Rachel Carson's *Silent Spring* (Carson, 1962). The impact of the social responsibility debate on company practice in Britain was slow to ignite but a book by Kempner, Macmillan and Hawkins, *Business and Society*, in 1974, raised many of these growing concerns in the context of British business.

The social responsibility debate in the USA provoked some classic statements of the difference of opinion between liberals and social democrats about the purpose of business in society. Notably the economic liberals Frederick von Hayek and Milton Friedman stood opposed to the social democrats Robert Dahl and Charles Lindblom. The liberals argued that businesses are to be understood as private property and are as such instruments of their owners designed primarily to make money. The common good is served by this narrow focus because the pressure of unintended consequences ensures that each business seeks out efficient allocations of resources so generating the maximum amount of wealth in society, and the maximum amount of opportunity to engage others in the wealth creation process. This argument is encapsulated in the title of Friedman's article published in *The New York Times Magazine*, 'The social responsibility of business is to increase its profits'. (Friedman, 1970) The other advantage of this definition is that business should not be tempted to stray into other areas of activity such as politics or law making; this restriction of the scope of business power in a democratic society is thought to be a great virtue. The danger in the broader notion of social responsibility is that managers may see this as an open invitation to begin making political decisions and exercising power for their own purposes. This considerably loosens the notion of accountability to shareholders and increases the managers' prerogatives.

Those on the social democratic side of the debate consider these arguments to have been superseded by events, because large businesses are too powerful for dispersed shareholders to exercise real control, and in any case, managements spend much time and effort lobbying politicians to make the business environment more favourable for their own interests. Dahl and Lindblom argued that the large corporation should now no longer be considered to be private property but instead should be publicly regulated on behalf of a range of stakeholders, echoing the call of Berle and Means that this should be the case in 1932. (Berle & Means, 1932)

However, it was not until the final decade of the 20th century that this argument seemed to find a receptive climate in business, and new calls for business to exercise CSR came to the fore. The new millennium's CSR debate is a new form of joint-stock politics that is being played out much as it was when the question of whether to allow for the creation of joint-stock companies in the first place was being discussed in Victorian society. (Alborn, 1998) A movement in the direction of the social democrats

position in the last twenty years is noticeable around the globe, and is now clearly detectable in business practice in many parts of the globe. To understand why the climate has become more receptive towards the acceptance of CSR we need to consider some of the explanations that have been offered by commentators on these events.

Why has CSR become prominent in the new millennium?

The internationalisation of business and the process of globalisation raise many ethical issues about acceptable norms of conduct on the part of business. The core concerns of CSR today are: human rights, labour standards, poverty, bribery and corruption, environmental protection, product safety, and financial probity and the control of money laundering. (Kline, 2005) Racism and discrimination are also a universal problem for a global business ethics. (Chua, 2004) Multi-national companies (MNCs) are increasingly being challenged by non-governmental organizations and the media to justify their conduct and legitimacy in ethical terms. Activities that undermine human rights and visibly damage the environment are being particularly strongly challenged by pressure groups. In recent years nation states and international institutions such as the United Nations have begun to call upon companies to respect human rights, seek sustainable business practices and take up other ethical initiatives.

The adoption of CSR language and activity in business is now substantial and widespread. These changes are an indication that there has been a response by business to social, political and ecological pressures that are largely instinctive, ad hoc, and to-date, have had little guidance or direction from a justifying theory. In initiating policies and activities demonstrating concern for CSR business has made all the running, with business school academics often struggling to catch up, the business schools being mainly content with describing and categorising these initiatives rather than directing them. However, in recent years several interesting explanations have emerged that can help us to understand businesses' response to these new social and political pressures.

John Hendry, in his book, *Between Enterprise and Ethics*, offers perhaps one of the most eloquent explanations. (Hendry, 2004) As he sees it, we now live in a 'bimoral' society, in which social conduct is influenced by two contrasting sets of principles. On the one hand there are the principles associated with traditional morality and the maintenance of hierarchical order in society. Although these rules of

conduct allow individuals a modicum of self-interest, their emphasis is on our duties and obligations to others: to treat people honestly and with respect, to treat them fairly and without prejudice, to help others and to be there for them when in need, and ultimately, to put the needs of others before one's own. On the other hand there are the principles associated with the entrepreneurial self-interest of individuals in a competitive society. These also impose obligations, but of a much more limited kind. Their emphasis is competitive rather than cooperative: to advance our own interests rather than to meet the needs of others. Hendry demonstrates in a richly textured analysis of changes in Britain that both sets of principles have always been present in society but that in recent years, traditional moral authorities have lost much of their force, and the morality of self-interest has acquired a much greater social legitimacy, over a much wider field of behaviour, than ever before. The modern moral dilemma is that in many situations it is no longer at all apparent to many people, which set of principles should take precedence. Hendry carefully explores how the cultural and historical origins of the 'bimoral' society have also led to new, more flexible forms of organizing, which have released people's entrepreneurial energies and significantly enhanced the creative capacities of business. He notes that working within these organizations, however is fraught with moral tensions because traditional obligations and individual self-interest conflict and workers are pulled in all sorts of different directions at once. Consequently, organisation and governance in business are much more problematic and are posing new moral challenges for business leaders, and is therefore putting a new focus on business ethics. The *raison d'être* of management becomes institution building and stakeholder balancing: determining purposes and priorities, reconciling divergent interests, and nurturing trust in interpersonal relationships. Hendry identifies the issue of business legitimacy as one of the challenges posed for all societies as they seek to regulate and govern an increasingly powerful and global business sector. In this respect the issue of CSR and its influence on public opinion is of crucial importance in the national and increasingly in the global context.

The importance of the public acceptance of business as a legitimate set of interests that contribute to the good of society has also been stressed by Warren in his analysis of this change in the business climate. (Warren, 2000) Legitimization is a term used to analyze the relationship of power that exists between an institution and society. In society, a legitimiza-

tion crisis arises when the power of an institution is challenged or where it comes into conflict with other groups who ask questions about the authority and scope of the institution. (Habermas, 1973) For institution to function its activities have to be generally accepted and the decisions of its leaders complied with both inside and outside the institution. Consequently, an institution needs a certain amount of authority if it is to pursue its purpose in society. Authority can be defined as a rightful claim to deference or obedience. As such institutional authority rests upon a kind of power, the need to gain assent or deference on the basis of a claim recognized as of right by those both inside and outside the institution. So a claim to authority must be accepted as right and proper by the relevant groups of people in society, but not necessarily from all those who are expected to obey that authority. For example criminals may not respect the authority of police officers, but the civil population generally does and so do most police officers inside the hierarchy of the police force. A claim to authority may rest upon a broad or narrow base of consent, and is often deeply rooted in law, custom or institutional practice. Authority can be swiftly eroded when this assent disappears, and at times, this can happen very quickly. For example the authority of the communist governments in the eastern European countries in 1989.

The major institution of business in society today takes the form of the company or corporation, either private or public under company statutes. But the moral character of a company is largely determined by the kind of authority its executive sustains and how that authority is used inside and outside the company. If a company's authority presumes consent, then when this consent is called into question and the claim to authority needs to be justified, then legitimacy questions are being asked. When a legitimization crisis occurs, and it might be a long time before this is recognized and acknowledged, then a new basis for company legitimization may be in need of negotiation, so that a new consensus can be built or formed in society. The term 'legitimization' is indicative of this fact, in that, it implies legality or acceptance of a state of affairs; that power is held 'rightly' in the view of the community, and that the institutions of business are legitimized because they are granted by the consent of the governed.

Legitimacy is also important to business for other reasons. It is often not enough for someone or for an organization to be powerful and to be able to get others to do their or its bidding, they want the respect of those they wield power over and they want them to accept this bidding as being right and proper. As

Max Weber, observed, "The generally observable need of any power, or even of any advantage of life, (is) to justify itself." (Weber 1968, p953) Weber, in his study of rationalization in society, distinguished three kinds of legitimate authority: Traditional; Charismatic and Rational. In the first, obedience is a matter of personal loyalty to some one in society with a traditional institutional role, perhaps a teacher or a priest. In the second, authority is claimed by the prophet or hero of a charismatic nature in order to reaffirm or reconstruct the values of a community. The leader's authority is derived from personal qualities and achievements not from social position. The third kind of obedience is based upon rational authority embodied in rules and commands in an impersonal order. Faith in a legal order is important for the legitimacy of this form of authority.

Company legitimacy is important because great power in terms of resources and life chances are now wielded by modern companies in the global market place. (Bakan, 2004) This power is often transnational and weakly regulated by the nation state, and although companies are nominally accountable to the shareholders, decision-making is firmly in the hands of a professional management elite. Transnational companies are also subject to varying expectations regarding the social norms and methods of operation they are expected to adopt when doing business in different parts of the world. The legitimacy of companies is under scrutiny when there is a perceived inconsistency between the way companies do business and the changing goals and priorities of people in various societies. A company is legitimate, if and only if, the way it does business is consistent with the norms of society it does business in. Free market economists have argued that companies ought only to be accountable to shareholders and the law, and that as instrumental organisations little else ought to be expected of them nor should we expect more of them. Notions of stakeholder accountability or corporate social responsibility are, from this perspective, dangerous notions that are damaging to the wealth creation process and represent the thin edge of the wedge that opens the door to totalitarian socialism. However, from time to time this justification of the limited responsibility of business wears thin and evidence of the social costs of moral indifference begins to mount in terms of market failures, environmental degradation, distorted priorities, defrauded consumers, abused human rights etc. The demand begins to mount for greater corporate responsibility and accountability through greater regulation and a greater sense of company responsibility. To maintain its legitimacy a corpo-

rate response on these two fronts is then required to defuse the crisis of confidence in the institutionalization of productive private property.

Company legitimacy involves issues of internal organization and management, and that attention is paid to public expectations and acceptability criteria in society. Hence company legitimacy is about corporate responsibility and accountability and how this is related to shareholders and stakeholders. Company legitimacy requires that management pay attention to external constraints and internal consistency of policy. General standards to which a company must adhere need to be developed and against which, companies can be held accountable by legislatures and courts. Principles of CSR, defining the mission, policy and responsibilities of the company also need to be developed and implemented. Within this framework the company makes its own decisions regarding specific objectives, internal organization and the allocation of resources. However, it is important that the company exercise restraint and show responsibility within these constraints and establish a moral order within the company. Legitimate companies build moral competence into the structure of the organization. To be a responsible company requires more than conformity with an external standard it also requires an inner commitment to moral restraint and an aspiration to be responsible. This legitimacy challenge is being met by the CSR response.

The movement towards a legitimacy crisis for business institutions in recent years can be seen to derive from a diverse combination of factors. Some are new and circumstantial, others are the legacy of a prolonged period of political change designed to make society more enterprising and market based. The preoccupation with the state ownership of the commanding heights of the economy has been superseded by that of the privatization of these public sector industries and services. Many of these privatisations have exaggerated the benefits of what such changes in ownership could deliver by way of prosperity and well being for the whole of society. The legitimacy of companies as creators and distributors of wealth is beginning to be questioned as greater inequalities are emerging. The employee's sense of security which comes from working in a company has been shaken in recent years through cost cutting redundancy programmes and the sub-contracting and outsourcing of the supply chains across the globe. Many workers have a diminished stake in the system of capitalism; it offers them neither job security nor stable sources of income on which to live, nor an environment that is sustainable. The welfare states

in many societies are now struggling to cushion the blow of uncertainty, and an increasingly divided and unequal society is growing. In fact, the social fabric of some societies is wearing very thin because the base of social capital upon which capital accumulation depends is not being rewoven. Increasingly, workers and citizens are being asked to shoulder the risks of a capitalist society without gaining a sufficient share of the rewards of company profitability. It follows that many business leaders are of the perception that if something is not done to re-legitimize the operations of companies then there will be trouble. There could be a further deterioration in the social and ecological order of society. These pressures do not bode well for the creation of an open and tolerant society with a sustainable future that is able to shoulder its share of international burdens in the turbulent world of the twenty first century. Small wonder that in the face of these pressures and drivers, CSR has been moving to the top of the business agenda in recent years.

Globalisation is another reason why business ethics has become an important topic in the international business curriculum. The firm doing business on a global basis is faced with many difficult decisions about what to do in different countries: whether to follow the company's home country rules and customs, or whether to follow host country rules and local customs. Ethical dilemmas and value contradictions are bound to arise in many areas, and corporate managers need new guidance. For example, over ethical issues arising out of international business transactions such as patent protection in the pharmaceutical industry; what is fair trade; what constitutes cultural imperialism; varying global labour standards, the dilemmas of child labour; outsourcing production and services to low-wage countries; the problem of international commerce with pariah states. Hence, the need for careful thought about CSR, and the need for new rules of conduct. Corporate codes of ethics have a long history prior to globalisation but they were often confined to particular companies with special cultures or strong founders who instilled a particular set of guiding values at an early stage in the growth of the company.

Another aspect of the impact of globalisation is also adding to the demand that there should be more corporate codes of conduct. In a world of nation states the assumption is that the state will be the locus of regulatory activity in regard to the operation of the company. However, the growth of many businesses into corporations that operate in many states and across states means that the regulatory powers of any one state have been much attenuated, and in

many cases the jurisdiction of one state over a MNC is often limited. Moreover, the wealth and financial power of the MNC means that politicians are often competing against each other to gain the support of the corporation for inward investment and support for their political party. States can therefore be in a position where they are competing with each other for FDI (foreign direct investment) and to provide the most favourable regulatory regime to attract MNCs to invest in them. Consequently, this conflict of interest between acting as the regulator of corporations and recipient of their investments is weakening the control of the state in relation to business. The power and scope of many companies means that the welfare and prosperity of many citizens in a nation state can be affected by the decisions taken by the management of the corporation. The speed of communications and mobility of finance and investment through international markets and the outsourcing and globalisation of the supply chain of the MNCs enhance this power still further. In many ways, corporations can now choose where to be registered, and so can shape the legal regime that will govern their operations. Nation states are often, in effect, engaged in regulatory competition. Without some degree of self regulation or restraint there will be increasingly fewer restrictions placed upon the conduct of the MNC besides those of the market.

The creation of international legal regimes to match the scale and scope of the MNC is a formidable challenge, and while many laws and regulations do exist, the ability of international institutions to monitor and enforce compliance with these laws is limited (as we have recently seen in the credit crunch of 2008). The United Nations (UN) and the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) are the most obvious candidates as international regulators. However, the development of the European Union (EU) as a regional regulator of the affair of corporations in Europe is perhaps the most promising development in terms of matching the power and effectiveness of the MNC in part of their domain.

The concept of CSR

One starting point in terms of CSR research is to explore how corporations are themselves defining and interpreting CSR. The Co-operative Group use the term 'corporate responsibility', the Ford Motor Company talk about 'connecting with society', United Utilities described their 'social and environmental impact', Shell are concerned about 'sustainable development', P&O report on 'environment and community'. These phrases and terms have to

some extent been in competition for dominance in describing and giving name to the range of concerns of firms in this new field of responsibility. In many ways, it does not matter which term becomes dominant as long as there is some agreement about what firms mean by it, so that they do not talk past one another. For the moment, CSR seems to have gained dominance as the collective noun for this new set of initiatives and responsibilities. Many of the terms listed above are contributory or complimentary activities to the central message of CSR. For the moment it may be useful to try to define what themes and activities CSR describes, and then to examine some of the different interpretations of this phrase.

Authoritative definitions of CSR are hard to come by in this developing area of responsibility because there is, as yet, so little orthodoxy in both theories of CSR and in its practice. (Carroll, 1999) There seems to be no general theory of CSR, although many academics have sought to establish the fact that such a responsibility exists, and some academics are leading advocates and campaigners for its adoption in business. (Zadek, 2001) In fact, CSR is perhaps better understood as a new concern or activity that has been pioneered by business, and then discovered by the academy, and finally recommended to the State for validation and endorsement. This process has now moved on a stage further, beyond the academy and the nation state, to the super-national level in Europe and the United Nations.

The EU has embraced CSR, and in the green paper *Promoting a European framework for CSR*, has defined CSR, "as a concept whereby companies integrate social and environmental concerns in their business operations and in their interaction with their stakeholders on a voluntary basis." (EU Commission, 2001, p 6) There are three points to note in this definition: this activity on the part of companies is held to be a voluntary initiative; these social and environmental concerns should be integrated; and that all businesses should interact with their stakeholders. Let us consider these points in turn.

First, the EU, at the moment, is encouraging firms to embrace CSR as a voluntary activity, which is a move above and beyond what is required by company law. Firms are urged to do this as a matter of enlightened self-interest; but as yet, most states and in particular the super-national EU does not want to force this responsibility onto firms or require that it becomes legally enforceable. This reflects a political compromise within the EU, as firms in some states are now finding that certain aspects of CSR are now almost mandatory and are increasingly

becoming integrated into some states frameworks of company law. For example, CSR reporting is virtually compulsory for UK firms that want to maintain stockmarket listings and the approval of large investment funds. So, whilst the EU definition defines CSR as an added value or voluntary activity, this may be a transition phase prior to its incorporation into the regulatory framework of business. On the other hand, CSR may just be a passing fad, as it has been in the past, that the EU is happy enough to endorse and encourage at present but will in due time be allowed to drop away so that its incorporation in to company law will not then arise. The voluntary character of CSR will also allow it to be dropped by business in a few years if the public pressure for CSR begins to subside. The designation of CSR as voluntary in the EU definition indicates then that it is still a tentative and a contested political issue that has succeeded in gaining the attention of the EU, but has not yet managed to become an institutional fixture in business.

Second, the EU definition indicates that two responsibility agendas ought to be integrated: the social and the environmental. The environmental agenda for business has been around since the 1960s, and in Europe, some states are much further along the road of making business more environmentally conscious than others. The movement towards sustainable business has a long way to go but consciousness of the perils of ignoring these matters is now with us. Many of these requirements are making their way into state and EU regulations, but once again business is being urged to take this responsibility further than mere compliance. The social responsibility agenda that is being integrated with the environmental or green agenda has arisen more recently, but represents the growing need for business to act ethically, transparently and responsibly in its dealings with customers, and in the communities where it operates. The integration of these two agenda reflects the globalisation of business and the fact that the social and environmental are ultimately connected and must be embraced as a single concern for sustainability in business.

Third, the notion of stakeholders is also referred to in the definition and this reflects some of the debate in business that developed in the 1990s about the different ways to embrace capitalism: sometimes characterised as a choice between the Rhennish (Stakeholder) versus the Anglo-Saxon (Stockholder) view of the firm. The term stakeholder is contrasted with shareholder or in the USA stockholder, as the signifier of the differing perspectives at issue. Shareholders are often held up as the ben-

official owners of the company because they are the major risk bearers and are therefore entitled to the profits of the business after all other contract payments have been made. The creation of shareholder value is said by many commentators to be the raison d'être of the business and is therefore the primary duty of the shareholder's agents, the managers of the company. The substitution of the term stakeholder in place of the shareholder is an explicit questioning of this first duty assumption, effectively redefining the duties of management as pluralist or multiple. Stakeholder advocates are seeking to define business as a shared endeavour with many participants, all of whom have a stake in its success, and in the firm's good governance. As yet, stakeholding is a term used mainly by public relations departments and in some management literature in large organisations, but there is now a push to see this conception of responsibilities incorporated into company law. In the so called Rhennish model firms, in countries such as Germany and the Netherlands, stakeholder representatives drawn from the workers have boardroom seats in the company. The demand to enfranchise more stakeholders in the company would substantially alter the institutional nature of business and the model of governance that sets its purpose and function. The introduction of stakeholder language into the EU definition is indicative of the radical potential the CSR concept has and indicates that this will be a contentious and momentous change in the institutional structure of capitalism should this view come to prevail.

Before we consider whether there can be a theory of CSR that guides its development, it is important to understand the variety and range of activity that needs to be brought under the orbit of such a theory.

The random nature of the present activity in CSR

The importance of CSR in the operational strategies of business firms is apparent to most consumers today. The controversy surrounding obesity and fast food chains such as McDonald's in recent times is a real sign that consumer pressure has come of age and is a potent force that companies are obliged to take into account. A clever and amusing critique of the McDonald's fast food diet made in the film *Super Size Me* by Morgan Spurlock, and other health based criticisms, have brought about revisions in the menus and marketing of McDonald's in double quick time. Weeks after the screening of this film, McDonald's introduced its new salad meals and a new children's menu with 108 'healthy' happy meal combinations. McDonald's and many other global brands are only too well aware that they need to retain public ap-

proval if they are to remain profitable businesses. And yet, many people, it would seem, still have an uneasy relationship with many of these companies. In the UK, Mori opinion polls have tracked the public approval rating for big business over the last 30 years and find it to be at an all time low, with only a quarter of the public considering it a 'good thing' for large companies to make profits. Many people in these surveys are concerned that companies do not behave 'ethically'. Companies are aware of this fact, and have in recent times been searching for ways to improve their standing and legitimacy with the public without losing sight of their private self-interest.

Many companies in response to these pressures have developed policies on corporate social responsibility. A quick reading of the report and accounts for many large companies will reveal that stakeholders, accountability and sustainability have become the slogans of the new millennium. Many companies are now publishing operating and financial reviews along side their mandatory accounts, and some have actively welcomed independent auditors and pressure groups such as Friends of the Earth as verifiers of their sustainability statements and achievements. The failure of a company to take swift action in the face of social pressure can be enormous, it is much harder for managements to get these decisions wrong than right. In 1996, Shell abandoned its sinking of the oil storage platform, the Brent Spar, in the face of pressure from Greenpeace and its supporters much to its own and the British government's embarrassment. (FT, 1995) For many companies, the attention that has had to be devoted to social responsibility issues is proving to be costly and time consuming. Most companies now allocate some of their budget to social responsibility issues. What was once perhaps a public relations stunt is now a serious part of many firms' business strategy. (Silberhorn & Warren 2007)

In context of the developing world CSR often takes the form of compliance with basic expectations about the conduct of business and in reducing public hostility towards business enterprise. In a study of CSR in Russia this concept is much more about creating productive firms that provide real jobs and that generate wealth and pay taxes. By showing that business can act independently of the state, business CSR policies are hoping to build the social legitimacy of business as an honourable and respectable occupation. If this were to be successful, this could be seen as a real achievement in the context of a society where 70 years of communist propaganda attempted to portray business as rapacious and immoral enterprise that exploited the working

class and impoverished the third world. (Kuznetsov, Kuznetsova & Warren 2009)

A new trend in CSR is for companies to work together alongside governments and development agencies on problems that are too big for any one company to handle, such as the HIV/Aids pandemic, poverty and corruption. The United Nations is helping to forge some of these collaborations with its initiative called Growing Sustainable Business for Poverty Reduction in Africa. This initiative aims to encourage businesses to target poor consumers and improve the links between big and small companies in the continent. The Shell Foundation is also exploring collaborative solutions to social and environmental problems in Africa. (www.shellfoundation.org) It has set up two investment funds that provide loans to small businesses in Uganda and South Africa. The fund is trying to tackle two common problems in Africa: the lack of access to energy among poor rural households and the fact that small business growth is often hampered by poor governance, corruption and the unwillingness of banks to make risky loans. Using the Royal Dutch Shell group's reputation the Foundation is encouraging local banks to put up capital alongside its own finance. Other micro-finance initiatives are also focusing on poor people as a potential market for goods and services. Most recently the Shell Foundation has suggested that international development aid should be focused more closely on enterprise and small business development using business principles to evaluate the success of these investments. And, it argues who better to devise and help make these interventions than private businesses, which have untapped reservoirs of skills, assets and experience, that if deployed, via partnerships and the development of best practice, could significantly enhance the efforts of the aid community. This could extend the scope and impact of CSR quite considerably and importantly is an initiative that business is itself promoting.

Arguments against a theory of CSR

These trends towards the embracing of CSR particularly on the part of big business have not been without its critics in recent years. (Vogel, 2005) As was noted earlier these tendencies were subjected to criticism when they arose in the 1970s by the Nobel Prize winning economists Friedman and Hayek. In recent years the CSR movement has criticised by the noted economist David Henderson, and the business ethicist Elaine Sternberg. (Henderson, 2001; Sternberg, 1994) In general terms they argue that the laws and other social institutions ought to be neutral with respect to individual persons and their conceptions of the good life and how to live it. Institutions,

including business, exist to enable each person to pursue their own ends as long as they do not interfere with others engaged in the same process. In questions of morality, liberals tend to the view that justice is a matter of procedural rights and the question of substantive goals such as the common good should not be allowed to decide matters. Consequently, in the matter of property rights these are fundamental and basic to the rights of individuals to exercise freedom and choice in society, and so have to be protected. The distribution of these rights is therefore a secondary matter and cannot be allowed to override the individual's property rights. The establishment of private property in the company form is something that the state should refrain from interfering in, and, apart from matters of procedural justice and the prevention of deception and fraud, should refrain from regulation beyond the necessary requirements of administering contract law. In their view, the firm is to be thought of as a nexus of contracts, which is owned by the shareholders. The management are agents in the relationship with their investor principles. All others are contractors and can gain satisfaction and redress under the contract arrangements or by recourse the courts and the law of contract. In the pursuit of each person's self-interest the common good will is served by the invisible hand of the market as Adam Smith forcefully advocated. In this respect a moral outcome miraculously results from selfish motives. If this spontaneous system of interaction and outcomes is interfered with in an intentional way to try to pursue some other political purpose then disaster will follow. The aim of the economic liberal should be to vigorously defend this system and to see that malign and benign intentions of well meaning business people do not undermine what is a natural and spontaneous evolution of a civilized social order. When these doctrines are applied to the institutionalization of the company then a vigorous defence of the status quo and a rolling back of these recidivist tendencies is required. They view the CSR movement with utter dismay.

David Henderson in his pamphlet *Misguided Virtue* claims that CSR is a form of 'Global Salvationism', which advocates acceptance of alarmist views on the state of the environment and the damage done to it by business related activity, and that business has done little to improve the lot of the poor, in fact, on the contrary, it has exacerbated inequality and social divisions. He claims that these assumptions are wrong, and that the adoption of CSR policies carries with it a high probability of increasing business costs and impaired business efficiency. This is because CSR requires managers to take account of a wider range of goals and concerns in new

processes of engagement with stakeholders. Also new methods of accounting, monitoring and auditing are required adding to the firm's costs. Then the adoption of more exacting than are legally required social and environmental standards becomes a compliance requirement of partners firms, suppliers and other contractors, adding to the total cost base of industries. CSR initiatives assume that the direction of progress lies in making social and environmental norms and standards more stringent and more pervasive. Henderson thinks this takes too little account of costs and benefits at the margin, and of the differences in circumstances in which firms find themselves. In the end these processes of cost increase will reduce welfare and will damage the efficient operation of markets and their ability to produce wealth for the whole of society. When these trends are taken further by governments and international organisations in the name of creating global citizenship and international standards even more damage will be done to beneficial trade and investment flows. This in turn will affect the progress of developing countries and restrict their opportunities for wealth creation. The enforcement of global standards and contract compliance has the effect of limiting competition and to worsen the performance of the economy as a whole. Consequently, CSR policies will make people poorer in the long run.

Henderson suggests that the primary role of business is to act as a vehicle for economic progress, which is best achieved by a smoothly functioning market economy where firm's profits are related to how well consumers' demands are met. Profits are the indicator of success in this system and measure the firm's contribution to the welfare of society. Business has ethical obligations to serve the limited and specific purpose that they were created for, and to do so within the legal framework of society. Real CSR concerns should be focused upon greater liberalisation of the global economy, and international institutions should put their efforts into widening market opportunities and increasing the competitive framework.

Elaine Sternberg's view of business purpose echoes that of Henderson, in that, this is an activity, which is very limited and specific. (Sternberg 1994) It is about "ways of ensuring that corporate actions, assets and agents are directed at achieving the corporate objectives established by the corporations shareholders." (p60) Because corporations are owned by their shareholders, absolutely, in her view, it is those shareholders they should serve, not stakeholders. Therefore, "...in business corporations, directors are properly accountable to shareholders for maximizing shareholder value." (p61) Directors are not on

the board of the company to serve other interests, however worthy they may be. She goes on to argue that, though there are faults in the traditional Anglo-Saxon model of corporate governance, most of the recent criticisms are misdirected. Critics are often attacking the operations of business itself rather than the governance structures. Many critics she claims make false assumptions about what constitutes ethical conduct by corporations, and confuse issues about short-termism, redundancies and high executive remuneration with corporate governance matters. What they really dislike, she claims, is the use of corporate assets to maximize owner value. In her analysis she makes the point that many critics of corporate governance are conflating the notion of governance with the political philosophy of government in society. It is not for companies to aim at achieving public policy objectives, or to give their stakeholders the rights and privileges commonly associated with citizenship. The German and Japanese approaches to corporate governance have few lessons for those in the UK and USA, because they are "... both theoretically and practically inferior to the traditional Anglo-Saxon system." (p74) This is because these systems are incapable of achieving the definitive purpose of corporate governance: the delivery of shareholder value. Nor do they protect sufficiently, in her view, shareholder property rights.

Sternberg's critique of stakeholder theory of recent years is that it is "fundamentally misguided" and that it "...undermines both private property and accountability." (p93) In her view, it is, unworkable because it involves multiple accountability and the impossible task of balancing stakeholder benefits which are unclear, differently weighted and difficult to reconcile. Regulation that attempts to limit shareholder rights and property interests will be counter productive and encourage investors to move elsewhere. Some criticisms of the traditional Anglo-Saxon model of governance are justified in her view, however. Sternberg proposes several ways in which the corporate governance system of the Anglo-Saxon type can be improved. The essence of the plan is to improve the accountability of the corporation to their shareholders by having companies compete for investment funds, and to differentiate themselves more by specifying their company objectives with precision.

A second line of argument against CSR is that these policies are more about public relations and marketing than about serious intentions to do good. A report by IPPR in 2003, using data from a survey of 500 leading firms, claimed that many of the firms' claims about CSR were tokenistic. (Joseph,

2003) The report highlighted that although 75% of directors said their firm promoted equal opportunities only 50% collected information on how many women work for them, and only 40% did so for ethnic minority employees. And although 60% of directors said that environmental impact was important, fewer than 30% collected information on their greenhouse gas emissions. The IPPR noted generally that there was a real gap between the rhetoric and reality of CSR reports, and that there were limits to what voluntary action on CSR could achieve.

Another study of 200 European chief executives views on CSR published by Business in the Community noted the commitment to CSR policies was driven primarily by the views and expectations firms had of their customers. (FT, 2002) And whilst the majority of firms had statements or CSR policies less than a third had assessed the risks and opportunities of these policies and less than half had set targets for their performance in these policies. There was also a difference in views about who in the company should take charge of CSR. Many UK firms thought that all departments should be involved, while only a minority of chief executives in Europe agreed, with the majority thinking it should reside in the marketing department. CSR policies were also a kind of insurance policy. Companies with well-known brands, healthy profits, and old sites in the developed world and significant activities in the developing world have significant value at risk. A commitment to CSR was being used to reduce these risks and act as an insurance against reputation damage if something goes wrong.

Reasons why we need a theory of CSR

For the reasons given above CSR is regarded as a danger to clarity and accountability derived from the theory of shareholder value maximisation in business. This simple theory of shareholder value maximisation provides clear direction to company management and accountability criteria for the shareholders. In neo-liberal terms the corporation's purpose is, within the rules of the business game (lawful, and according to custom), to produce maximum shareholder value. The measures of this are profits, dividends and share price. If we are to go against this theory we need good reasons to do so, and a better theory of business purpose to provide guidance on policies and practice.

First we need to acknowledge that there is a lot more to business than return to shareholders on the capital invested. We now know that other forms of capital are at least as important for business to prosper. Besides financial capital we need human capital

in the form of education and training; but in recent years we have also come to recognise the essential requirements for social and natural capital as well.

Social capital is the building of trust and corporations can accumulate this in two ways by adhering to rules of moral conduct, which build trust, and are not aimed at another purpose; and by building or maintaining social capital upon which all transactions between the corporation and its stakeholder depends. Social capital can be measured and its increase or decrease accounted for in balance sheet terms.

Natural capital refers to the natural resources and ecosystem services that make possible all economic activity, indeed all life. These services are of immense economic value; some are literally priceless, since they have no known substitutes. Yet current business practices typically fail to take into account the value of these assets, which is rising with their scarcity. As a result, natural capital is being degraded and liquidated by the wasteful use of such resources as energy, materials, water, and topsoil.

Let's briefly look at the vital importance of social and then natural capital in modern business practice.

CSR develops trust and builds social capital

The trajectory of global capitalism will be different from its past, and that the nature and form of the company is likely to change under pressure from the market, and as the result of changes in knowledge and technology. However, these are not fully determining processes, besides the economic and the informational dimensions of society, there are the political and social dimensions that will also play a part in shaping the company of the future. It is contended that the role of social capital in furthering the development of the information age could prove to be decisive.

Social capital is a term that has been coined by many commentators to describe the norms of trust and social reciprocity that are essential to maintain a civil society. The work of Francis Fukuyama has brought it to a much wider audience but he, in turn, acknowledges that the concept is derived from the sociological theory of James S. Coleman, the writer on architecture and urban affairs, Jane Jacobs, and more recently the political scientist Robert Putnam. If capital is understood to be property and money, human capital is the investment in human knowledge and skills, social capital is the term now used to describe the relationships of trust which bind people together. Social capital is intangible and relational but nonetheless important for social welfare than property capital. Fukuyama's definition of social capital is

“the existence of a certain set of informal values or norms shared among members of a group that permit co-operation among them.” (Fukuyama, 1995) He points out that the sharing of values and norms do not necessarily produce social capital because the values may be perverse and the co-operation used for malign purposes, as for example in the case of the Mafia. The bonds that produce social capital must be more virtuous (such as truth-telling, promise keeping, and reciprocation), and must be directed towards worthy ends. Social capital is not a pervasive feature of all societies it tends to reside in affiliation groups and is distributed in various amounts in different societies. The family is a very important source of social capital generation, and this is so in many other types of centres of affiliation, clubs, churches, trade unions, political parties, and importantly, companies.

Robert Putnam's interesting study of civil engagement in different regions of Italy showed that the quality of governance was determined by the longstanding traditions of civil engagement, or its absence. (Putnam, 1993) He measured voter turnout newspaper readership, membership in choral societies and football clubs as the proxy indicators of a successful region. He concluded, “In fact, historical analysis suggested that these networks of organised reciprocity and civic solidarity, far from being an epiphenomenon of socioeconomic modernisation, were a precondition for it.” When he returned home he set about trying to measure the degree of civil engagement that existed in contemporary America. His now famous book, *Bowling Alone*, announced that the quality of collective life in the USA was in decline because the post-war generations were weaned on television and were forsaking the traditional forms of organised activity (bowling clubs etc.) on which their parents and grandparents had spent their free time. (Putnam 2000) Whether television is the simple cause of this decline is debatable, but his general thesis, even if partly correct, has serious implications for society because membership of networks comprising formal associations or informal patterns of sociability are vital components of social connectedness. A connected community can alleviate many social problems and facilitate the implementation of various kinds of public policy, for instance by using trade unions to administer social welfare schemes. If social capital is depleted then society loses a valuable resource that can help to ameliorate the social disruption and disconnection that capitalism tends to cause in its wake. The current problem in Britain of the social exclusion of some sectors of the population is difficult to deal with because this social and moral infrastructure is

lacking in many inner cities and poor rural areas. Many years ago, Jane Jacobs noted of the failure of urban regeneration programmes in the USA, the philosophy of ‘salvation by bricks’ through re-building projects was ineffective without attention being paid to the cultural and moral depravation of the inner cities inhabitants. (Jacobs, 1992) Low levels of social capital tend to go hand in glove with low levels of political involvement and high levels of social cynicism. If families and other affiliation groups are allowed to erode generally, and the margins of society become completely disconnected as Castells has indicated, capitalism as a whole will eventually suffer. (Castells, 1998) The task of maintaining and generating social capital is an important challenge that faces all social institutions, and particularly business institutions, for they are the main engines of creation and destruction in the global market.

Schumpeter's contribution to the development of the notion of social capital should be noted here, although he did not invent this term, it is a recognisable concept in his work. (Schumpeter, 1987) Schumpeter derived an important insight from Marx in this respect, in that the economic process tends, over time, tends to become more socially dependent and this is reflected in peoples' characters. What he meant by this is that modern societies have succeeded only because they have been able to live of several centuries of accumulated social capital. If capitalism cannot regenerate this stock of social capital then the technological and organisational aspects of economic activity are likely to become more socially controlled over time, and this in turn will change the psychology of people in business organisations. He anticipated that industrial property and organisation would become depersonalised, and that ownership would degenerate to stock and bond holding, with the executives of the firm acquiring the mind set of administrators. Over the course of time, the capitalist order would tend to destroy itself because of the operation certain destructive processes. The most corrosive of which was the erosion of the scheme of values that underpins family life and social civilisation. This then leads to a loss of motivation and identity with capitalist values amongst the general population and amongst the business class itself. This change he felt would give rise to the general tendency in capitalist society for even greater demands for equality, security and regulation. Schumpeter's insight remains that the legitimacy of business firms is always under scrutiny, there is likely to be a growing critical public regarding the distribution of risks and rewards from business enterprise, and increasing pressure on governments to regulate and provide for the problems and insecurities

generated by capitalist society. Legitimation crises are possible focal points for the forward march of socialising tendencies upon the fortress of private property in the form of the company. The challenge that constantly faces businessmen is to justify and build the foundations of legitimate companies.

Moral values that guide CSR help build legitimate companies

The restoration of social capital and the legitimisation a contract between business companies and society depends upon the maintenance of trust relationships. Trust is a risky investment and selfish behaviour has to be guarded against. One of the best ways to build trust and gain protection from deception is to make a commitment to abide by moral rules and restraints. In this way the feared war of all against all can be avoided and a co-operative improvement in conditions can be secured. Whilst we have not solved the free-rider problem implied by the individual's question, why should I be moral? There are then good reasons why we, collectively, should be moral, based upon game theory and 'tit for tat' player strategies. If the reasons for a collective morality are compelling, then as members of affiliation groups the question of individual conformity is less likely to arise. This may build into a general social demand that all the citizens abide by a moral code, this demand can also be made of society's corporate citizens too. Companies may be increasingly be required to be socially responsible, and actively engage in building trust relationships in society. To be allowed to become public institutions they will have to show concern for and contribute to the public good as well as private gain.

The example of Norman Bowie's book on *Business Ethics* is a good indicator of the nature of this important new social demand. (Bowie, 1999) The question the book seeks to address is 'how would a business firm in a capitalist economy be structured and managed according to the principles of Kantian ethics?' Bowie uses the three formulations of Kant's categorical imperative to address this question and argues for the following conclusions. First, that market interactions are morally permissible as long as they are consistent with the universalizability criteria and do not violate any other moral principles. Business is a morally acceptable method of creating and distributing wealth in society. Second, that the principle of respect for persons provides a set of moral obligations for those engaged in business such that they cannot treat employees as a commodity like they do other assets of the business. This means that employees are worthy of respect and should not be coerced or

deceived in any way: they should not be 'lied to', or 'cheated', or have 'their trust' undermined. He also argues that firms have to respect imperfect obligations towards employees to provide them with meaningful work. By this he means that work is to be freely chosen and will provide opportunities for the employee to exercise autonomy on the job; that a level of remuneration for the job is sufficient to help support the independence and well-being of the employee; that the work will help the employee develop their rational capacities and does not hinder moral development; and that the governance of the firm is not paternalistic but one that is democratic and open to deliberation. The third formulation of the categorical imperative is that business should be a contributor to the kingdom of ends; that is it should be viewed as a collective effort and as a moral community as well as an instrumental association. This conception requires that stakeholder interests are considered prior and during decision-making. As Bowie formulates it, the company should comply with the following principles:

1. The firm should consider the interests of all the affected stakeholders in any decision it makes.
2. The firm should have those affected by the firm's rules and policies participate in the determination of those rules and policies before they are implemented.
3. It should not be the case that for all decisions, the interests of one stakeholder take priority.
4. When a situation arises where it appears that the humanity of one set of stakeholders must be sacrificed for the humanity of another set of stakeholders, that decision cannot be made on the grounds that there are a greater number of stakeholders in the one group than in another.
5. No principle can be adopted which is inconsistent with the need to universalise principles or can it violate the humanity in the person of any stakeholder.
6. Every profit-making firm has an imperfect duty of beneficence.
7. Each business firm must establish procedures designed to insure that relations among stakeholders are governed by rules of justice. These rules are to be developed in accordance with principles 1-6 and must receive the endorsement of all stakeholders. They must be principles that can be publicly accepted and thus be objective in a Kantian sense.

If these principles are to be taken seriously then the organisational implications are that authoritarian hierarchical structures and the extreme division of labour are no longer morally permissible. The inclusion of other stakeholders' interests and their representation in a more collegiate type of organisation

are strongly implied by these moral arguments if the company is to be regarded as legitimate in society.

The importance of natural capital

To build natural capital companies need to radically increase resource productivity. Implementing just this responsibility can significantly improve a firm's bottom line, and can also help finance the other natural capital deposits such as eliminating waste and reducing the use of non-renewable energy sources. (Porritt, 2005)

There are a variety of different systems of environmental reporting in European companies at the moment. Gray, Owen and Adams group them into three categories for analysis: descriptive and performance reporting; quantitative environmental accounts; and financial environmental reporting. (Gray et al, 1996) Companies in the UK tended to have the mainly descriptive environmental reports setting out policies, and activities, and some statistics on emissions control and energy savings. This kind of report was also prominent in other European countries. The main weaknesses of these reports are that they do not enable the reader to assess the extent of the firm's impact on the environment and the degree of progress to be made. In terms of quantitative environmental reporting, which attempts to provide a more comprehensive picture of the company's environmental impact, the more innovative reports are German, Swedish, Danish and Austrian. Reports produced by some companies in these countries not only describe the firm's environmental policy and its production of eco-friendly products but also tried to show the resources used and the efficiency with which they were employed. In other words, some kind of input-output analysis; showing all the inputs of energy and raw materials and then the outputs of products and emissions to the environment. In the final category, financial environmental accounts, some pioneering companies had attempted to account for its environmental impacts by putting a financial cost on them and then subtracting this from the financial gain arising from its activities.

Another factor putting pressure on companies to increase their levels of environmental reporting is the growth of ethical and environmental investment funds in the USA and Europe. Fund managers have declared to investors that they will adhere to certain investment criteria in addition to rate of return for the investment of these funds; typically performance factors considered are heavily weighted in terms of environmental issues. Fund managers have to conduct or rely upon expert research to guide them on their investment choices, consequently, the more companies

that are prepared to disclose and can provide verification about their environmental claims, the more attractive these firms will be to the fund managers. As the size of these investment funds grows more and more companies will probably want to be the recipients of this kind of investment, creating a self fulfilling cycle of environmental and sustainability reporting. Whilst the impact of these funds could be exaggerated in relation to the market for investment funds available world wide, it may be that a snowball effect can be created as pension funds and national and local government funds are increasingly more sensitive to the social impact of their investments. In 1999, pension funds in the UK reversed their opposition to rules requiring the disclosure of their ethical and environmental stance to pension fund trustees. Friends of the Earth immediately announced a campaign to encourage members of company pension schemes to write to their trustees and withdraw the investment made in some companies with poor environmental records. Collectively, this pool of financial pressure will act as another driver for the improvement of accounting information on the companies' environmental impact.

A theory of CSR

What might a theory of CSR look like? It needs to be a normative theory of business as its purpose is to provide guidance on corporate conduct. This is different from positivist theory, which formulates a law to cover what businesses do in practice. A normative theory has a moral component to provide a direction in matters of values and conduct, and helps in the making of judgements about what is valid in terms of CSR policies.

Let me be so bold, or rather foolish enough to suggest a candidate theory of CSR. ***This communitarian theory of corporate purpose is to, within and upholding the rules of ethical business, produce maximum sustainable value for stakeholders.*** The measure of this is profits for shareholders and deposits of social and natural capital for other stakeholders. This might be more appropriately entitled a theory of corporate sustainability and responsibility (CS&R) to reflect the need to contribute to both social and natural capital building and maintenance.

Corporate Sustainability and Responsibility in the future

Social and natural capital recovery and moral arguments may not be persuasive enough however. Political and ideological considerations based upon property interests are probably the more powerful forces that will shape the future of the company. Some of the impetus towards a greater concern with

business ethics, and the demand that companies learn to become more socially and sustainable responsible will be countered by calls for business to become more innovative, risk-taking and ultimately, wealth generating. Supporters of the capitalist ethos and interests will argue strongly for the restoration of shareholder power over their property rights in the company, and that management accountability to shareholders, regarding how this property is used, are still essential prerequisites for the generation of wealth in society and ultimately for the preservation of political freedoms. This position can also be defended in democratic terms because it is claimed we are all, in some form or another, shareholders now. Widespread vicarious shareholding in the form of pensions, insurance policies and savings give most people a stake in the efficient management of the capitalist system, and, it is argued, the best way to serve the interest of everyone with such a stake is to ensure that more attention is paid by the company's management to delivering shareholder value.

The new joint-stock politics regarding CS&R may well in its essentials revolve around the debate about property rights versus the need to rebuild and maintain social and natural capital. (Warren, 2000) If we put these together as two dimensions and divide each dimension into two positions, there are four possible scenarios that will indicate what the possible trajectories of CS&R policies may be. These can be mapped out in a two by two matrix below:

Table

The four possible future trajectories of institutionalised CS&R

	Liberal	Communitarian
Low contribution to social & natural capital	Limited CS&R Shareholder value	CS&R Stakeholder value
High contribution to social & natural capital	Selective acts of philanthropy	CS&R The common good

The first dimension is the degree to which property rights are considered to be held under social conditionality. At one end of the dimension there is the liberal view that property is to be the exclusive and unalienable possession of the individual. That this right is absolute because it was acquired either by a contractual exchange under the law in the market place, or the property has been brought into being by an act or effort of the owner and therefore has become his property. Or that the entitlement is long standing and of proven provenance, so that a challenge to such ownership would be doubtful and ultimately fruitless. In other words, the hold-

ing of property by the owner is exclusive and final. It follows from this that the holding of such property shall be also unconditional: that the property is to be undivided and the owner's right of use or appropriation of the property is only to be challenged if it interferes with the property or personal rights of other people. Owners shall be at liberty to destroy, change, and increase their property at will, and be under no restraint from the public or other citizens. In the case of property in the company in the form of shares, that they can buy and sell this shareholding at any time, and without prior consultation with others. Shareholders may then create or windup companies at will under company law without reference to employees, customers, communities or other parties. And that the principle relationship between the owner of company shares and the management of the company is a fiduciary one of the agent principle sort. The form of the company is best understood in the liberal view as a nexus of contracts.

At the other end of this dimension is the view of a more communitarian political philosophy that maintains that property is to be owned and appropriated under various degrees of social and environmental conditionality. Personal property, cars, stereos, wrist watches, etc., are to be held in an unconditional and exclusive sense. But then other types of property which have a bigger impact upon social and environmental life are to be held under various conditions of restraint and forbearance. These will restrict the degree of ownership and the rights of the owner to appropriate and do what they wish with this property. For example owners of large tracts of land will be able to sell the land under certain conditions but will be restricted in whom they can sell it to, what uses it can be put to, who can or cannot be allowed access to the land. When it comes to the company form, this could mean that whilst shareholders are entitled to dividends and nominal ownership of the company the sale of shares is a conditional process that will involve consultation with various stakeholders, rights of veto and delay to the sale and perhaps even the denial of sales in certain circumstances. Indeed it might involve the separation of shareholders property rights and ownership and the collective ownership of the company form which is constituted as a trust with overriding powers over the shareholders.

The other dimension is the degree of social and natural capital maintenance that the company is expected to contribute towards and help recover: a low contribution or a high contribution. Low social and natural capital contributions on the part of the company will involve moderate changes to the form of the

company which will modify its present constitution under the law, but not substantially change its function in society. Low levels of social and natural capital maintenance might moderate social discontent to some extent and help to re-legitimise the company in society in the short term, but will not necessarily undermine its destructive tendencies over the longer term. High aspirations for business organisations in the rebuilding of social and natural capital based upon them taking a greater role in supporting the social communities of society and in reducing environmental impact, will be more difficult to achieve, but would in the long run change the institutionalisation of capitalism more fundamentally. Which view comes to prevail, will to a large extent, depend upon which political processes and structural drivers gain dominance during periodic legitimisation crises, where the powers of the state are often invoked to appease democratic discontent and the force of property interests in society are at their weakest.

References

1. Alborn, T. L., (1998), *Conceiving Companies: Joint-Stock Politics in Victorian England*, London: Routledge.
2. Bakan J (2004) *The Corporation* New York Free Press.
3. Berle, A. A. & Means, G. C., (1968), *The Modern Corporation and Private Property*, New York: Harcourt Brace.
4. Bowen, R. H., (1953), *Social Responsibilities of the Businessman*, New York: Harper.
5. Bowie, N. E., (1999), *Business Ethics: A Kantian Perspective*, Oxford: Blackwell.
6. Carroll A. B. (1999) 'Corporate Social Responsibility' *Business & Society* 38:3 pp268-295.
7. Carson, R., (1962), *Silent Spring*, Boston: Houghton Mifflin.
8. Castells, M., (1998), *The Information Age: Economy, Society and Culture*, (3 Volumes: *The Rise of The Network Society; The Power of Identity; End of Millennium*), Oxford: Blackwell.
9. Chua A (2004) *World On Fire* London: Arrow Books.
10. Coleman, J. S., (1990), *Foundations of Social Theory*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
11. Dahl, R.A., (1985), *A Preface to Economic Democracy*, Berkeley: University of California Press.
12. Drucker, P. (1946), *The Concept of the Corporation*, New York: Mentor.
13. *Financial Times*, (1995), 'Greenpeace admits Brent Spar blunder', 6th September.
14. *Financial Times* (2002) 'The hearts are won but not the minds' 18TH June.
15. Freidman, M., (1970), 'The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits', *New York Times Magazine*, pp 32-33, 122, 124, 126.
16. Friedman, M., (1962), *Capitalism and Freedom*, Chicago: Chicago University Press.
17. Fukuyama, F. (1995), *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*, London: Hamish Hamilton.
18. Fukuyama, F., (1999), *The Great Disruption*, London: Profile Books.
19. Gray, R., Owen, D. & Adams, C., (1996), *Accounting and Accountability*, London: Prentice Hall.
20. Habermas, J. (1973), *Legitimation Crisis*, London: Hutchinson.
21. Hayek, F. A. (1969) 'The Corporation in a Democratic Society: in whose interest ought it and will it be run?' in Ansoff, H. I. (ed.), *Business Strategy*, Harmondsworth: Penguin.
22. Henderson D (2001) *Misguided Virtue* London IEA.
23. Hendry J (2004) *Between Enterprise and Ethics* Oxford Oxford University Press.
24. Hoffman, A.J., (1997), *From Heresy to Dogma: An Institutional History of Corporate Environmentalism*, San Francisco: The New Lexington Press.
25. Hutton, W., (1995), *The State We're In*, London: Jonathan Cape.
26. Jacobs, J., (1992), *The Death and Life of Great American Cities*, New York: Vintage.
27. Joseph E (2003) *A New Business Agenda for Government* London IPPR.
28. Kempner, T., Macmillan, K., & Hawkins, K. (1974), *Business and Society*, Harmondsworth: Penguin.
29. Kline, J., (2005) *Ethics for International Business* London: Routledge.
30. Kuznetsov A., Kuznetsova O. & Warren R., (2009) CSR and the Legitimacy of Business in Transition Economies: The Case of Russia *Scandinavian Journal of Management*, Vol 25, No1, pp 37-45.
31. Lindblom, C.E., (1977), *Politics and Markets*, New York: Basic Books.
32. Porritt, J., (2005), *Capitalism: as if the world matters*, London: Earthscan.
33. Putnam, R., (1993), *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton: Princeton University Press.
34. Putnam, R., (2000), *Bowling Alone: the collapse and revival of American community*, New York: Simon and Schuster.
35. Ruskin, J., (1860), *Unto this Last*, London: Dent.
36. Sandel, M. J. (1996), *Democracy's Discontent*, Cambridge MS: Harvard University Press.
37. Schumpeter, J., (1987), *Capitalism, Socialism and Democracy*, London: Counterpoint.
38. Selznick, P., (1992), *The Moral Commonwealth*, Berkeley: University of California Press.
39. Shell Report, (1999), *People, Planet and Profits: an act of commitment*, London.
40. Silberhorn D. & Warren R., (2007), Defining Corporate Social Responsibility: A View from Big Companies in Germany and the UK *European Business Review*, Vol 19, No 5, pp 352-372.
41. Sternberg, E., (1994), *Just Business: Business Ethics in Action*, London: Little Brown, p 32.
42. Sternberg, E., (1998), *Corporate Governance: Accountability in the Marketplace*, London: Institute of Economic Affairs.
43. Vogel D (2005) *The Market for Virtue* Washington Brookings Institute.
44. Warren R (2000) *Corporate Governance and Accountability* Wirral Liverpool Academic Press.
45. Weber, M. (1968), *Economy and Society* Vol 3, London: Routledge.
46. Wheeler, D. & Sillanpaa, M., (1997), *The Stakeholder Corporation*, London: Pitman.
47. Zadek S (2001) *The Civil Corporation*, London, Earthscan.

U.D.C. 334.012.23:330.1

keywords: corporate social responsibility, social and natural capital, business ethics

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ¹

М. Дате

В статье анализируется процесс социально-экономической трансформации восточногерманских земель после воссоединения Германии в 1990 г. Дается определение термина «трансформация». Исследуются исторические детерминанты и социально-экономические составляющие трансформационного процесса в Германии. Анализируются итоги уже пройденного Восточной Германией пути трансформации.

Прошедшие с момента воссоединения Германии 20 лет представляются временным отрезком, позволяющим подвести некоторый итог процесса восточногерманской трансформации. Данная статья посвящена трансформации системы Восточной Германии из системы, представленной ее политическим руководством как «единственно прогрессивная», в систему, обозначенную идеологами ГДР как консервативная («исторически изжившая себя»).

Процесс трансформации регулярно анализируется группами немецких экспертов, а также в рамках опросов общественного мнения, при которых в особое внимание уделяется политическим, народнохозяйственным, или психологическим аспектам.

Автором предпринята попытка осветить процесс и результаты восточногерманской трансформации с современной системно-междисциплинарной точки зрения. При этом автор опирается на свою, узкую область исследования — межкультурную коммуникацию. Это позволяет сделать видимыми многофакторные взаимосвязи исторических, экономических, этических и других компонентов.

В центре анализа восточногерманского трансформационного процесса должны стоять следующие аспекты:

- 1) определение термина «трансформация» (с точки зрения плановой и рыночной экономик);
- 2) исторические детерминанты трансформационного процесса в Восточной Германии;

3) прочие (экономические и социально-политические) составляющие восточногерманского трансформационного процесса;

4) уроки уже пройденного Восточной Германией пути.

Итак, ниже представлено подробное рассмотрение данных аспектов.

1. Определение понятия трансформации с точки зрения плановой и рыночной экономик.

В первую очередь, следует истолковать понятие трансформации. Герхард Шлюссельбауер, используя теорию экономических стимулов, предпринял в 1999 г. попытку дать определения социализму, капитализму и трансформации, то есть переходу от первой из этих систем ко второй. Он предлагает следующее сопоставление систем [13, с. 334-342]:

а) «Социализм — это система с низким уровнем стимулирования и высокой стабильностью индивидуума при вездесущей социальной защите и опеке. Непосредственные последствия — это минимизация рисков и антипатия к риску при недостатке ориентации на извлечение прибыли, чрезмерной эксплуатации рабочей силы, равно как и низком национальном доходе вследствие нехватки рыночных стимулов и активности в сфере рыночной экономики.

б) Капитализм, или рыночная экономика, — это система с более высоким уровнем стимулирования и меньшей стабильностью; следствия — более высокий рыночный риск, но также и потенциально более высокий доход, благодаря более сильным экономическим стимулам и экономической активности. Но вследствие более высокого национального дохода растет и вариативность его распределения.

в) Трансформация, или переход, — это особо критическая стадия, так как в ходе нее возрастают нестабильность и риски в плане извлекаемых на рынке доходов. Эти доходы потенциально могут в период длительного, чреватого кризисом, перехода ... не возрастать, а даже понижаться».

Равным образом экономические критерии стоят в центре и при толковании термина «трансформация» в Интернет-энциклопедии «Wikipedia»:

«Переходной экономикой обозначают народное хозяйства стран, которые находятся в

¹ Статья подготовлена при поддержке интеграционной программы с учеными ДВО РАН № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции».

переходе от централизованной экономики к рыночной системе (кроме прочего, государства восточной части Центральной Европы, а также Восточной и Юго-Восточной Европы)...

Уровень индустриализации многих этих государств соответствовал к началу трансформации таковому у западных индустриальных стран, частично даже превосходил его...

Трансформация начиналась драматическим экономическим, и, как следствие, также социальным «трансформационным шоком»... После экономического краха некоторые государства испытали дальнейшие спады экономической активности, так что их макроэкономические показатели соответствовали показателям развивающихся стран. Неоднократно это было связано также с политически обусловленным неприятием реформ (в Белоруссии; до 2005 г. также в Украине)» [14].

Однако нельзя не учитывать, что трансформация оказывает влияние не только на экономику, но и на все прочие сферы жизни в Центральной и Восточной Европе, то есть также на «этически-национальные, военно-политические и экологические измерения» [3, s. 72-103].

Это становится очевидно при рассмотрении проблем, которые обусловлены процессами перехода:

— политические проблемы: например, нечеткие политические программы партий и правительств, недостаток квалифицированных политиков, возрождение националистических сил;

— общественные проблемы: например, потеря ценностей и ориентиров, конфликты поколений, засилье анархии, преступность;

— макроэкономические проблемы: инфляция, падение производства, безработица, вторжение импорта на внутренние рынки стран;

— микроэкономические проблемы: недостаток законов, юридическая незащищенность предприятий;

— специфические проблемы стран: преодоление национального прошлого, потеря рабочих мест, потеря общественных ценностей [8].

Часто при анализе восточноевропейских трансформационных процессов не учитываются исторические предпосылки для развития существовавшей в Восточной Европе социалистической системы. Однако, кажется, именно эти предпосылки играют при переходе «назад к рынку» очень значимую роль. На примере Восточной Германии в связи с этим можно продемонстрировать, что трансформационные

процессы — несмотря на многие параллели — всегда обуславливаются также исторически и должны протекать согласно специфике конкретной культуры.

2. Исторические детерминанты трансформационного процесса в Восточной Германии.

В первую очередь, требуется разъяснение основного теоретического положения — а именно, наличия «коллективной памяти».

Согласно А. и Й. Ассманам, когда говорят о коллективной памяти, имеется в виду своеобразный архив, в котором на протяжении тысячелетий сохраняется опыт (например, в форме рассказов, песен, предметов, искусства и строительных сооружений). Часть этой памяти образует так называемую коммуникативную память, при которой речь идет об устной передаче информации из поколения в поколение (передача впечатлений, семейных историй, юмора и так далее), которая может осуществляться максимум в пределах четырех поколений.

В специальной литературе подчеркивается, что в сравнении с другими переходными экономиками, в Германии переход к рыночной экономике был особенно быстрым. «В то время как восточноевропейские страны переживали переходную и экспериментальную фазы в форме теневой экономики, в Германии господствовала политическая целевая установка, которая прозрачно форсировала равенство на западногерманские стандарты и всеобъемлющую приватизацию бывших госпредприятий без оглядки на старую экономическую элиту» [10, s. 93].

Как это можно объяснить с помощью немецкой коллективной или коммуникативной памяти? Об этом будет сказано ниже.

2.1. Немецкая экономическая и индустриальная история. Формирование движущих социальных сил и их ценностей.

Мерилом для развития капиталистической экономики в Германии была промышленная революция. Ее начало обозначила гражданская революция 1848—1849 гг. Примерно с этого времени производство общественного продукта на душу населения выросло, по сравнению с доиндустриальным периодом, в 10 раз [9, s. 58-61].

Признаком промышленного развития в Германии выступало неравномерное развитие ее регионов (этот признак до сих пор можно отследить по уровню развития «старых» и «новых» федеральных земель). Причины были различны. Среди факторов можно назвать наличие железнодорожной сети, доступ к сырью, рабочей силе или капиталу.

Во время индустриализации старые зоны концентрации ремесленников адаптировались к промышленному развитию. Так, в Билефельде (и вообще в старых федеральных землях) из совокупности ремесленных производителей льняных изделий образовались крупные текстильные фабрики.

С начала XIX века государство также начало реагировать на усиливающуюся индустриализацию и прилагало усилия по поддержке промышленности и профессионального образования.

После первой мировой войны, в 1927 г. промышленное производство Германии достигло уровня 1913 г. Страна импортировала в основном сырье и продовольствие, а экспортировала готовые товары и продукцию машиностроения.

В Европе было даже признано, что от продукции немецкой промышленности исходит угрожающая конкуренция. Поэтому британцы, например, стали воздерживаться от ввоза многих товаров с маркировкой «Made in Germany». Но так как качество немецких товаров, как правило, всегда было высокое — часто даже лучше, чем у продукции других европейских стран — эта маркировка все больше становилась печатью качества [6]. Эта историческая традиция актуальна, в том числе и в отношении Восточной Германии. На таких позитивных традициях, как высокое качество товаров, и основывается самосознание немцев. К традиционным качествам немцев и характеристикам Германии может быть причислено следующее: богатое воображение, пристрастие к творчеству и абстрактное мышление; заслуги в науке и экономике, искусстве и культуре, которые в отечестве и за рубежом ассоциируются с лозунгами, такими как «Сделано в Германии» или «Германия — страна писателей и мыслителей». Также бережное отношение к ограниченным природным ресурсам и преодоление физических границ выступают важной частью культурной памяти Европы и, в частности, Германии, и являются центральным стимулом к поиску инноваций и улучшению уровня жизни [11]. Эти и многие другие детали коллективной памяти оказывают существенное влияние на восточногерманский трансформационный процесс.

2.2. Специфические признаки плано-экономической системы, которые обуславливают трансформацию восточногерманского менталитета.

Настаивать на существовании «особого менталитета восточных немцев», объясняющем все еще существующие различия между старыми и

новыми федеральными землями, было бы некорректно. Но имеют место «глубоко проникающие различия в категориях восприятия, которые возникли в ходе длительного привыкания (восточных немцев — Прим. авт.) к диктаторским и авторитарным условиям жизни между 1933 и 1989 гг.» [12, s. 230].

Очень велик здесь вклад 40-летнего развития бывшей ГДР в русле плановой экономики. Целью экономической политики ГДР было, в первую очередь, «форсированное развитие тяжелой промышленности» как основы экономической жизни. Недовольство восточногерманского населения объясняется степенью неудовлетворенности в Восточной Германии человеческих потребностей, а именно, худшими, нежели в Западной Германии, условиями жизни. Правда, такие сравнения были лишь ограниченно возможными, что привело к формированию сильных стереотипов и идеализации Запада.

2.3. Переносимые признаки восточногерманской плано-экономической системы, которые характеризуют также восточногерманскую трансформацию.

В различных социалистических странах причины кризиса были схожими. Сопоставление причин кризиса социалистической плано-экономической системы СССР, проанализированных в 1992 г. Российской академией наук и упомянутых В. Логуновым в статье «Причины кризиса СССР» [1, с. 4–14], с феноменом из истории ГДР, дает много параллелей. Обобщенно они могут быть представлены в виде двух характеристик:

— подчинение всех экономических вопросов политике;

— мотивация труда нематериальными стимулами (лозунги; общественное признание, в том числе через трудовые награды), но не экономически.

3. Прочие (экономические и социально-политические) составляющие восточногерманского трансформационного процесса.

Достаточно сильное недовольство населения проводимым восточногерманским процессом трансформации, в первую очередь, в первое десятилетие, делает необходимым рассмотрение и остальных составляющих этого процесса. О необходимости такого анализа говорит следующее высказывание: «Осталось непонятным, почему «наученные тяжелой жизнью бывшие граждане бывшей ГДР» неохотно адаптируются к западному стилю жизни. Было бы наивно полагать, что стили поведения и образ мышления можно

легко приспособить к своей стране, подобно как объемы продаж автомобилей» [12, s. 226].

Итак, можно выделить следующие составляющие трансформации:

3.1. Важно, что в 1990 г. на переговоры между ФРГ и ГДР, как с политической, так и с экономической точки зрения, оставалось недостаточно времени: уже в декабре 1989 г. было ясно, что граждане ГДР в своем большинстве желали германского единства. Важную роль сыграли указанные ниже аспекты.

— В центре внимания стоял вопрос о создании единого германского валютного пространства, единого экономического порядка на основе рыночной экономики и социального союза. Вместе с тем, осуществленный обмен восточногерманских марок на западногерманские по курсу 1:1 в отношении зарплат, гонораров, стипендий, пенсий и рент имел политические, но не экономические предпосылки.

— Переговоры о воссоединении концентрировались существенным образом на изменениях конституции ФРГ, бюджетной и прочей финансовой помощи, вопросах переподчинения федерального права. Делегация ГДР в значительной степени присоединилась к позиции ФРГ, так как хотела, прежде всего, подчеркнуть идею единства [5, s. 21].

— Наконец, «доминирование Запада» в процессе объединения представляется неоспоримым, однако не столько в смысле опеки над Востоком, сколько с точки зрения навязывания последнему своих позиций в решении экономических проблем [7, s. 41].

3.2. Кризис в Восточной Германии был, как и в других переходных экономиках (наглядным будет сравнение, например, с Венгрией и Чехией, в которых между 1989 и 1992 гг. наблюдалось снижение ВВП на 16,6 и 21,4% соответственно), особенно сильным также потому, что система внешней торговли в рамках бывшего Совета экономической взаимопомощи (СЭВ; через СЭВ координировалась клиринговая, то есть бартерная торговля между странами-участницами, проводились согласование и взаимная привязка народнохозяйственных планов) [2] распалась. Это произошло во многом из-за того, что эта система функционировала, как и сами социалистические экономики, не по экономическим законам.

3.3. «ФРГ до воссоединения была социально и культурно ориентирована на средний класс, а ГДР представляла пролетарское общество («государство рабочих и крестьян»). Поэтому

федеральное правительство было вынуждено создавать в новых землях новую экономическую структуру — на прочной базе средних предприятий. Для этого было необходимо объемное субсидирование.

3.4. Реструктуризация в Восточной Германии совпала с наднациональной тенденцией спада промышленного производства во всех традиционных индустриальных экономиках. А именно, в Восточной Германии к удвоенной нагрузке привела приватизация всего общественного богатства. Это, в свою очередь, привело к переменам, которые, с точки зрения их остроты, не знают исторических параллелей [12, s. 212]. Приватизация в новых землях проводилась Учреждением опеки — «крупнейшим концерном мира» [12, s. 212]. До его упразднения в 1994 г. была приватизирована большая часть из имевшихся в Восточной Германии к моменту воссоединения 14 тыс. предприятий. Результатом стал, однако, также дефицит в 200 млрд марок и потеря 2,5 млн рабочих мест в сфере промышленности [7, s. 51].

4. Уроки уже пройденного Восточной Германией трансформационного пути.

В зависимости от точки зрения интервьюируемых и от различных параметров статистической выборки, опросы общественного мнения могут показать различные варианты интерпретации трансформационного процесса. При этом невозможно понять сущность трансформации, не поняв спираль «ожидания — исполнение ожиданий — новые ожидания — и т. д.». Важно также при подведении опроса учитывать стереотипы. К примеру, «восточные немцы недооценивают уровень жизни в новых землях» [4, s. 136].

В целом мнения восточных немцев о рыночной экономике и демократии изменились за первые 7 лет после воссоединения Германии, скорее, в негативную сторону [4, s. 222].

Результаты общегерманского опроса, проведенного в октябре-ноябре 2009 г. журналом «Daheim» с выборкой 1291 человек, о выравнивании уровня жизни в старых и новых землях, показывают, что это выравнивание для многих немцев лежит пока что еще «в необозримом будущем».

Прежде всего, на Востоке опрошиваемые в 2009 г. исходили из того, что должно пройти еще более 15 лет до того, как они начнут жить в равноценных с Западом условиях. При этом особенно скептически возрастная группа 30–49 лет. Опрос вместе с тем показал, что преимущества

воссоединения во всей ФРГ оцениваются выше, нежели еще в 2004 г.

Так, на Востоке доля граждан, которые верят в то, что без воссоединения жизнь была бы лучше, снизилась с 28 до 18%. Сильнее всего в позитивную сторону мнение изменилось у группы 14–29 лет. В то время как в 2004 г. еще 36% респондентов этого возраста придерживались мнения, что без германского единства их жизнь была бы хуже, сейчас уже 48% утверждает, что благодаря воссоединению они снова видят перспективу на будущее.

Таким образом, общую тенденцию можно охарактеризовать как обнадеживающую и склоняющуюся к положительной оценке. А это очень важно, так как трансформационный процесс определялся и определяется не только исторически обусловленными данными обеих объединяющихся сторон, которые в реальности содержали как позитивные, так и негативные компоненты. Он также детерминируется, позитивным восприятием его результатов, мотивацией к его дальнейшему проведению. Обе стороны должны при этом в дальнейшем с терпением, сочувствием и большим запасом альтруизма двигаться, во-первых, вперед, а во-вторых, навстречу друг другу.

Список источников

1. В. Логунов. Причины кризиса советской экономики. Воспроизводительный аспект // Вопросы экономики. 1992. № 4-6.
2. Совет экономической взаимопомощи // Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 26.09.2010).
3. Dauerstädt M., Domitra M., Ehrke M. Solidarität mit Osteuropa. Kooperation statt Katastrophe. Sonderheft, 1992. S. 72-103.

4. Geißler R. Neue Strukturen der sozialen Ungleichheit im vereinten Deutschland // Hettlage, R., Lenz, K. (Hg.) Deutschland nach der Wende. München, 1995. p. 136, 222.

5. Küsters H.-J. Das Jahr der Wiedervereinigung. Veen, Schlichting, 1990. S. 21.

6. Made in Germany // Wikipedia. Elektronische Enzyklopädie. [Elektronische Quelle]. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Made_in_Germany. 24.09.2010.

7. Paqué K.-H. Von der Staatswirtschaft der DDR zur sozialen Marktwirtschaft. Veen, Schlichting. S. 41, 51.

8. Pfohl H.-Chr., Large R., Ardelea D., Gaál Z. Internationale Geschäftsbeziehungen und Überwindung der Transformationskrise in Mittel- und Osteuropa. Ergebnisse einer Expertenbefragung in Deutschland, Rumänien und Ungarn. Darmstadt, 1994.

9. Pierenkemper T. Industrie und Gewerbe im 19. und 20. Jahrhundert, Oldenbourg: München, 2007.

10. Pohlmann M. Ökonomische Eliten in Ostdeutschland // Hans-Joachim Veen (Hrsg.): Alte Eliten in jungen Demokratien? Wechsel, Wandel und Kontinuität in Mittel- und Osteuropa. Böhlau, Köln, 2004.

11. Radkau J. Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt. München: C.H. Beck, 2000.

12. Rehberg K.-S. Ost-West // Lessenich S., Nullmeier F. Deutschland. Eine gesplittene Gesellschaft. bpb, Bonn, 2006. S. 226, 212, 230.

13. Schlüsselbauer G. Stand und Verlauf der wirtschaftlichen Systemtransformation in Ungarn — Probleme und Chancen des EU-Beitritts // Südosteuropa Mitteilungen. 1999. №4.

14. Transformationsökonomie // Wikipedia / Elektronische Enzyklopädie [Elektronische Quelle]. URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Transformations%C3%B6konomie>. 23.9.2010.

УДК 332.021.8

ключевые слова: социально-экономическая трансформация, Восточная Германия, исторические детерминанты, плановая и рыночная экономика, межкультурная коммуникация, реструктуризация экономики

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Б. Х. Умурзаков

В статье рассматриваются вопросы теоретического осмысления категории «система пенсионного обеспечения», ее функций и характерных черт. Кроме того, анализируются особенности пенсионного обеспечения Республики Узбекистан и рассматриваются перспективы его развития в условиях совершенствования рыночной экономики.

Человек как главный фактор процесса производства имеет существенные особенности, которые отличают его от других факторов производства. Его после полной выработки его трудового ресурса нельзя отбросить или списать. Он продолжает жить как человек, имея те же самые материальные и духовные потребности.

воссоединения во всей ФРГ оцениваются выше, нежели еще в 2004 г.

Так, на Востоке доля граждан, которые верят в то, что без воссоединения жизнь была бы лучше, снизилась с 28 до 18%. Сильнее всего в позитивную сторону мнение изменилось у группы 14–29 лет. В то время как в 2004 г. еще 36% респондентов этого возраста придерживались мнения, что без германского единства их жизнь была бы хуже, сейчас уже 48% утверждает, что благодаря воссоединению они снова видят перспективу на будущее.

Таким образом, общую тенденцию можно охарактеризовать как обнадеживающую и склоняющуюся к положительной оценке. А это очень важно, так как трансформационный процесс определялся и определяется не только исторически обусловленными данными обеих объединяющихся сторон, которые в реальности содержали как позитивные, так и негативные компоненты. Он также детерминируется, позитивным восприятием его результатов, мотивацией к его дальнейшему проведению. Обе стороны должны при этом в дальнейшем с терпением, сочувствием и большим запасом альтруизма двигаться, во-первых, вперед, а во-вторых, навстречу друг другу.

Список источников

1. В. Логунов. Причины кризиса советской экономики. Воспроизводительный аспект // Вопросы экономики. 1992. № 4-6.
2. Совет экономической взаимопомощи // Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 26.09.2010).
3. Dauerstädt M., Domitra M., Ehrke M. Solidarität mit Osteuropa. Kooperation statt Katastrophe. Sonderheft, 1992. S. 72-103.

4. Geißler R. Neue Strukturen der sozialen Ungleichheit im vereinten Deutschland // Hettlage, R., Lenz, K. (Hg.) Deutschland nach der Wende. München, 1995. p. 136, 222.

5. Küsters H.-J. Das Jahr der Wiedervereinigung. Veen, Schlichting, 1990. S. 21.

6. Made in Germany // Wikipedia. Elektronische Enzyklopädie. [Elektronische Quelle]. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Made_in_Germany. 24.09.2010.

7. Paqué K.-H. Von der Staatswirtschaft der DDR zur sozialen Marktwirtschaft. Veen, Schlichting. S. 41, 51.

8. Pfohl H.-Chr., Large R., Ardelea D., Gaál Z. Internationale Geschäftsbeziehungen und Überwindung der Transformationskrise in Mittel- und Osteuropa. Ergebnisse einer Expertenbefragung in Deutschland, Rumänien und Ungarn. Darmstadt, 1994.

9. Pierenkemper T. Industrie und Gewerbe im 19. und 20. Jahrhundert, Oldenbourg: München, 2007.

10. Pohlmann M. Ökonomische Eliten in Ostdeutschland // Hans-Joachim Veen (Hrsg.): Alte Eliten in jungen Demokratien? Wechsel, Wandel und Kontinuität in Mittel- und Osteuropa. Böhlau, Köln, 2004.

11. Radkau J. Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt. München: C.H. Beck, 2000.

12. Rehberg K.-S. Ost-West // Lessenich S., Nullmeier F. Deutschland. Eine gesplittene Gesellschaft. bpb, Bonn, 2006. S. 226, 212, 230.

13. Schlüsselbauer G. Stand und Verlauf der wirtschaftlichen Systemtransformation in Ungarn — Probleme und Chancen des EU-Beitritts // Südosteuropa Mitteilungen. 1999. №4.

14. Transformationsökonomie // Wikipedia / Elektronische Enzyklopädie [Elektronische Quelle]. URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Transformations%C3%B6konomie>. 23.9.2010.

УДК 332.021.8

ключевые слова: социально-экономическая трансформация, Восточная Германия, исторические детерминанты, плановая и рыночная экономика, межкультурная коммуникация, реструктуризация экономики

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Б. Х. Умурзаков

В статье рассматриваются вопросы теоретического осмысления категории «система пенсионного обеспечения», ее функций и характерных черт. Кроме того, анализируются особенности пенсионного обеспечения Республики Узбекистан и рассматриваются перспективы его развития в условиях совершенствования рыночной экономики.

Человек как главный фактор процесса производства имеет существенные особенности, которые отличают его от других факторов производства. Его после полной выработки его трудового ресурса нельзя отбросить или списать. Он продолжает жить как человек, имея те же самые материальные и духовные потребности.

Он продолжает участвовать, хоть уже и не на равных условиях, в процессе распределения и перераспределения доходов в обществе. Он продолжает сохранять свое место в общей системе экономических, социально-трудовых отношений, потому что ему как члену общества надо достойно прожить оставшуюся часть жизни. А для этого необходимо чтобы общество предусматривало определенные издержки на его содержание. Эти издержки должны быть адекватны уровню и качеству тех затрат, которые пенсионер в трудоспособном возрасте вкладывал в процесс производства и в подготовку его надежной замены. Естественно, что эти затраты необходимо компенсировать за счет труда последующих поколений. Именно на этом участке социальных отношений встречаются пенсионер и молодой работник и на основе их взаимоотношений зарождается противоречие между неработающим пожилым поколением и работающим молодым поколением. Механизмом разрешения такого противоречия становится система пенсионного обеспечения, которая является формой разрешения противоречий между нетрудоспособными по различным причинам категориями населения и активными трудоспособными членами общества, посредством которой согласовываются их экономические интересы.

В этом аспекте интересно прослеживается соотношение уровня доходов и затрат человека в зависимости от его возрастных и трудоспособных показателей. Человек трудоспособного возраста достигает пика своей доходности и трудовой деятельности примерно в 50–55 лет и резко его теряет после выхода на пенсию. Задачей общества и государства в этой связи становится создание специальных законодательных и финансовых гарантий для того, чтобы это не отразилось отрицательно на уровне его жизни [5]. В этих целях функционирующая система социальной поддержки государства в течение всей его жизни оказывает такую помощь начиная с момента до его рождения (декретный отпуск матери) до самой смерти (затраты на погребение).

Сегодня, когда вместе с рыночной экономикой пришли новые экономические отношения, происходит переоценка многих сложившихся взаимоотношений между людьми, разными поколениями, которые всегда были и остаются сложными. Устойчивая тенденция старения населения, наблюдаемая в мире, по своей проблематичности настолько серьезна, что не учитывать ее в скором будущем станет невозможно.

Пенсионное обеспечение — базовая и одна из самых важных социальных гарантий стабильного развития общества, поскольку она непосредственно затрагивает интересы нетрудоспособного населения любой страны, а косвенно — практически все трудоспособное население. Особо важное значение оно приобретает в период экономических реформ, структурных изменений и кризисов.

Гарантия прав отдельных категорий граждан на пенсионное обеспечение по достижении соответствующего пенсионного возраста обеспечивается их конституционными правами. Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, на воспитание детей и в иных случаях, установленных законом. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом. В условиях рыночных отношений все чаще поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность.

В силу масштабности государственной программы пенсионного обеспечения в современных условиях, а также ее сложности, обусловленной особенностями накопленных пенсионных обязательств, современная пенсионная система государства играет огромную роль не только в социальной и общественно-политической жизни государства, но и в финансово-бюджетной системе страны, оказывая самое серьезное влияние на формирование и перераспределение денежных ресурсов в региональном и отраслевом аспектах.

Не менее серьезное влияние современная пенсионная система оказывает на стабильность всей финансовой системы государства, а также на сбалансированность государственного бюджета, на бюджеты местных органов управления и др. [4]

С первых дней независимости главной целью в реформировании экономики и общества Республики Узбекистан было создание рыночной экономики, ориентированной на социальные нужды людей при проведении сильной социальной политики.

В целях более эффективного использования государственных средств, направленных на социальную защиту и пенсионное обеспечение постановлением правительства Республики Узбекистан 4 августа 1993 года на базе Узбекского отделения Пенсионного фонда СССР был образован Фонд социального стра-

хования при Кабинете министров Республики Узбекистан. А 3 сентября 1993 года был принят первый Национальный Закон «О пенсионном обеспечении граждан». Так были заложены первые организационные, законодательные и финансовые кирпичики системы пенсионного обеспечения Республики Узбекистан. Это позволило государству, несмотря на катастрофическую нехватку средств, стабилизировать финансовое положение Пенсионного фонда и добиться слаженной работы системы пенсионного обеспечения в первые годы независимости. Более 3,0 миллиона пенсионеров, около 600 тысяч инвалидов и нуждающихся граждан, проживающих в тот период в стране, получали стабильно ежемесячно пенсию и пособия. Принятые меры способствовали осуществлению экономических реформ и предупреждению социальных катаклизмов в обществе в условиях стабильной социальной ситуации.

Вместе с этим именно первые годы независимости, характеризовавшиеся падением производства, уменьшением реальных доходов населения, ростом инфляции и отсутствием рыночных форм распределения и перераспределения доходов в обществе, стали решающими в переоценке принципов организации и управления пенсионным обеспечением населения, потому что рыночные отношения обнажили пороки централизованной государственной системы социального и пенсионного страхования обусловленные, прежде всего:

- отсутствием научно обоснованной оценки финансовой нагрузки на плательщиков;
- отстранением страхователей от участия в управлении фондами;
- отсутствием оценок и взаимоувязки профессионального и социального рисков и размеров страховых взносов;
- разрывом механизма формирования размеров пенсий и итогов трудовой деятельности работника;
- наличием необоснованно широких льгот и надбавок отдельным категориям пенсионеров.

Место пенсионного обеспечения в современных экономических отношениях

Как показывает мировая практика, рыночные отношения по мере своего развития порождают свою противоположность — гарантированную социальную защиту нетрудоспособных категорий населения. Нестабильность рыночных отношений вызывает требование

стабильности; дифференциация доходов — более справедливое перераспределение доходов; инфляция — регулирование цен; безработица — социальные гарантии и т. д. Поэтому пенсионная система является необходимым механизмом рыночных отношений, гарантирующим постоянное поддержание социального баланса в обществе, способствующим стабильному экономическому развитию государства.

В научной литературе неоднозначно трактуются понятия, определяющие сущность пенсии, пенсионного обеспечения, пенсионной системы. Во многих случаях они рассматриваются как идентичные по содержанию. Например, С. Г. Ерошенков пишет, что «пенсионное обеспечение — это, как правило, денежная форма материального обеспечения для людей, которые становятся нетрудоспособными в силу различных причин» [3, с. 11], Р. Далимов подтверждает: «Пенсия — это сумма денежных выплат, получаемая индивидуумом после прекращения им трудовой деятельности» [1]. Описывая пенсионную систему, он квалифицирует ее как «механизм, обеспечивающий сбор, учет взносов и выплат пенсий бенефициарам».

Разумеется, с этим нельзя согласиться, потому что материальная поддержка в денежной форме может быть оказана любому лицу, потерявшему трудоспособность, другим любым лицом, желающим это сделать. Но это уже не пенсионное обеспечение, а разовая, гуманитарная или спонсорская материальная поддержка. Пенсионное обеспечение — это непосредственно связанный с трудовой деятельностью индивида процесс материальной поддержки, размеры, сроки и условия которого являются производными от размера заработной платы, условий труда, стажа работы и др. Более того, пенсионное обеспечение базируется на экономических интересах разных поколений с разными уровнями доходов и экономического развития.

В «Новом энциклопедическом словаре» дается следующее определение: «Пенсия — денежное обеспечение, получаемое гражданином из пенсионных и иных фондов по окончании работы при достижении пенсионного возраста или иных случаях, предусмотренных законом» (Новый энциклопедический словарь. М., 2002, с. 893.).

Это понятие не связано с трудовым началом содержания и происхождением пенсии. Оно сформулировано или (что еще хуже) механически переписано с советских источников, которые отождествляют пенсию с некой подачкой

государства после выхода работника по возрасту или другим причинам на пенсию. По нашему мнению, пенсия (от латинского слова *pensio* — выплата) — это определенная часть заработной платы работника, которая в период его трудовой деятельности в обязательном (или добровольном) порядке отчислялась в виде страховых взносов в Пенсионный фонд для резервирования будущих пенсионных выплат при наступлении нетрудоспособности по старости или другим причинам, предусмотренным законом.

Исходя из этого понятия, можно определить сущность понятий «пенсионная система» и «пенсионное обеспечение», которые не являются тождественными по значению.

Фактически когда речь идет о пенсионной системе, имеется в виду система, которая функционирует в том или ином государстве. Поэтому при определении понятия «пенсионная система» необходимо добавлять — «государство, где функционирует такая система».

Итак, пенсионная система государства — это экономический механизм страхования гарантированного и стабильного уровня жизни людей пожилого возраста и лиц, потерявших трудоспособность.

Основа функционирования этой системы базируется на государственном механизме регулирования. Поэтому было бы целесообразно, по нашему мнению, констатировать исходя из этого более правильное определение понятия «пенсионное обеспечение», которое не идентично понятию «пенсионная система».

«Пенсионное обеспечение — это государственная система правовых, экономических и организационно-административных мер по защите лиц от материальной необеспеченности вследствие наступления старости, инвалидности или потери кормильца. Посредством этой государственной системы обеспечиваются размеры пенсий (а не устанавливаются выплаты), условия их исчисления в зависимости от полученных в период трудовой деятельности отчислений обязательных или добровольных пенсионных взносов. А в накопительных пенсионных системах могут учитываться еще и условия продолжительности страхового стажа, т. е. продолжительность периода накоплений страховых взносов, которые также существенно влияют на размер пенсий.

Средства пенсионного обеспечения государства, в отличие от других государственных расходов, накапливаются за счет создаваемых специальных внебюджетных фондов, которые

организуют сбор и финансирование выплат пенсий. Если пенсионные фонды в зависимости от своих финансовых возможностей обеспечивают стабильное финансирование пенсионных выплат, то тогда можно говорить о внутреннем финансовом обеспечении пенсионного фонда. Если же для выплат пенсий привлекаются дополнительные средства госбюджета, то речь идет о внешнем или как иногда квалифицируют, о «смешанном финансировании» пенсионных выплат.

Основная проблема пенсионного обеспечения Узбекистана в условиях рынка, как и во всех других странах, — это обеспечение стабильной финансовой прочности и повышение эффективности его использования. Пенсионная система Узбекистана постоянно испытывала финансовые трудности в своевременной выплате пенсий. Объективным фактором, обуславливающим сложность решения этой проблемы, является большая продолжительность пенсионного цикла, который охватывает значительный период и равна средней продолжительности жизни человека.

Этот период пенсионного цикла состоит из двух взаимосвязанных частей — периода уплаты взносов и периода получения пенсионных выплат.

Эти два периода имеют разную продолжительность, а также задачи и финансовые функции. Если первая часть во времени составляет 25–30 лет (для мужчин) и 20–25 лет (для женщин), то вторая часть составляет 8–12 лет для мужчин и 15–20 лет для женщин. Исходя из этих данных можно сделать вывод о том, что мужское население работает дольше, зарабатывает больше, больше вносит пенсионных взносов, а период его пенсионной жизни почти в 2 раза короче, чем у женщин. Женщины, соответственно, работая в течение меньшего времени, получая в среднем меньше пенсии, но в пенсионный период своей жизни живут значительно дольше, чем мужчины. Эта одна из главных особенностей необходимости разрешения противоречий между женщинами и мужчинами, которая входит в экономическую функцию пенсионного обеспечения.

При оценке пенсионной системы конкретного государства особое значение имеет степень зрелости системы. В условиях преобладания численности молодых плательщиков взносов над получателями пенсии пенсионную систему именуют «молодой системой». При постепенном изменении пропорций этого соотношения

в пользу получателей пенсии систему называют «зрелой системой». Количественным показателем, определяющим качество или уровень зрелости пенсионной системы, является коэффициент зависимости (КЗ), который отражает число пенсионеров, приходящихся на одного плательщика в процентах. По коэффициенту зависимости пенсионная система Узбекистана имеет положительную перспективу, однако при исчислении этого показателя исходя из количества реально вносящих пенсионный взнос оказывается, что показатель коэффициента зависимости находится в угрожающей ситуации.

Структурная и функциональная характеристика пенсионного обеспечения государства принципиально отличаются друг от друга только источниками финансирования. В этом аспекте солидарная система, являющаяся государственной, в сущности, имеет три основных источника: отчисления работников, обязательное отчисление от фонда заработной платы и государственные дотации.

В накопительной системе два источника: обязательные или добровольные взносы работников и проценты от инвестиции накоплений.

В частных накопительных пенсионных фондах — отчисления в виде взносов работников, проценты от капитализации взносов; переброска дополнительных средств из других социальных фондов по просьбе работников.

Принципиален вопрос организации выплат пенсий. В солидарной системе государство формирует и контролирует условия, размеры и сроки выплат пенсий. В других системах выплаты пенсий, их размеры, сроки и условия определяются в конкретном договоре между работниками и страховым агентством.

Поэтому процесс организации и управления системой пенсионного обеспечения является важнейшей частью социальной функции государства. Эта функция, выражающаяся в сборе пенсионных взносов и аккумуляции денежных средств в руках государства или компаний и своевременном их распределении пенсионерам, является основной функцией государства при перераспределении национального дохода государства, следовательно, является объектом экономических отношений. В экономической литературе функции пенсионного обеспечения практически не затрагиваются, хотя, по нашему мнению, это важный элемент теоретического анализа данной категории экономических отношений.

В науке под функцией понимается назначение данной категории и ее роль в системе эко-

номических отношений. В этом смысле пенсионное обеспечение государства выполняет две основные функции: распределительную и воспроизводительную. Эти две функции характеризуют общие черты пенсионного обеспечения. Но пенсионное обеспечение имеет еще и внутренние, скрытые функции, которые не всегда адекватно раскрываются специалистами и правильно оцениваются. Например, функция учета продолжительности трудового стажа (которая тесно переплетается с трудовым законодательством), функция учета и распределения накопительных пенсионных взносов, оформления и выплат пенсий, доставки и хранения денежных средств и др. Все эти функции являются специфическими и присущими только пенсионному обеспечению.

Однако существует главная функция пенсионного обеспечения, которая еще недостаточно полно раскрыта в экономической литературе. Это функция пенсионного регулирования в обществе как формы разрешения противоречий между работающими и неработающими членами общества, с одной стороны, и молодыми и пожилыми поколениями, с другой.

Исходя из этого понимания функций пенсионного обеспечения, государство должно строить политику и принимать законодательные акты, справедливо регулирующие организационно-экономический механизм пенсионного обеспечения, реализовывать эффективную социальную политику в целях сохранения экономической стабильности государства.

Рассматривая сущность пенсионного обеспечения как экономической категории, можно квалифицировать его как обособленную часть национального дохода, которая имеет свою специфику, обусловленную необходимостью создания нормальных жизненных условий для нетрудоспособных членов общества.

Субъектами экономических отношений в этом процессе являются: государство, пенсионеры, работающие члены общества, предприятия, отчисляющие пенсионные взносы.

Объектом отношений между ними является часть созданного продукта, которая выделяется из общей структуры национального дохода и направляется на покрытие нужд нетрудоспособных. На эту часть национального дохода, именуемого финансовым активом Пенсионного фонда, претендуют различные категории нетрудоспособных, которых по их трудовому вкладу можно разделить на три группы:

1. Лица, которые производительно отработали требуемый трудовой стаж и благополучно дожили до пенсионного возраста.

2. Лица, которые потеряли свою трудоспособность в процессе трудовой деятельности.

3. Лица, не работавшие по различным причинам (инвалиды с детства, дети, потерявшие кормильцев).

Их объединяет то, что все они нуждаются в пенсионном обеспечении и являются субъектами этого вида экономических отношений. Различия между ними проявляются в следующем: представители каждой группы имеют разные доли в общем объеме пенсионного обеспечения, которое предопределяется долей их участия в создании национального продукта. Это противоречие между различными группами субъектов разрешается путем дифференциации пенсионных выплат, распределение которых осуществляется при пенсионном обеспечении. Причем каждая группа субъектов пенсионного обеспечения получает от общества то, что предопределяется в общем объеме средств.

Первая группа. Это работники, которые плодотворно работали на протяжении всей трудовой деятельности в материальной (или другой) сфере и благополучно дожили до пенсионного возраста. В материальном и духовном плане эти лица сохраняют практически все возможности полноценно жить, удовлетворяя необходимые потребности. Более того, субъекты этой группы при необходимости могут продолжить работу по прежней специальности, одновременно получая и пенсионные выплаты.

Вторая группа. Представителям этой группы субъектов пенсионного обеспечения, как и субъектам первой группы, также необходимо удовлетворение своих жизненных потребностей с учетом доли их участия в трудовой деятельности. Другая характерная черта представителей этой группы состоит в том, что существуют виновники, из-за которых они стали инвалидами. Это предприятия и организации, которые от имени общества должны компенсировать определенную долю пенсии, чтобы инвалиды труда могли получить за счет этих средств лекарства, санаторное лечение, протезирование и др.

Третья группа. Это спорная группа лиц — инвалидов с детства. Субъекты этой группы пенсионного обеспечения никакого отношения к пенсионному обеспечению, как лица, не занимавшиеся трудовой деятельностью, не имеют. Размеры их пенсионных выплат определены на уровне минимальных пособий, которые регу-

лярно меняются в зависимости от уровня изменений заработной платы и пенсии. Поэтому эти лица должны быть материально поддержаны не по системе пенсионного обеспечения, которое формируется отчислениями пенсионных взносов работающих, а по системе социального обеспечения, источником которого являются средства государственного бюджета. Только в этом случае будет справедливо разрешено противоречие между потребностями субъектов, не имеющих отношения к трудовой пенсии, но получающих пенсию из пенсионных источников, и работниками, формирующими пенсионный фонд.

В условиях плановой и административной экономики такая организация материальной поддержки этих категорий населения имела прямой смысл, т. к. сама система пенсионного обеспечения полностью поддерживалась за счет дотаций государственного бюджета. Дифференциация нуждающихся лиц по видам материальной помощи, исходя из доли их трудового участия, считалась неэтичной. Однако развитие рыночных отношений требует более четкого порядка организации и осуществления мер по пенсионному и социальному обеспечению нуждающихся субъектов. Рынок обязывает по-новому оценить социальный статус нуждающихся и искать новые, более совершенные формы разрешения противоречий между этими категориями населения в зависимости от экономических возможностей государства.

При рассмотрении теоретических аспектов пенсионного обеспечения важное место занимает вопрос о том, как распределяется пенсионное обеспечение. Здесь главенствуют два направления.

Первое направление — пенсионное обеспечение осуществляется на трудовой основе, т. е. условия пенсий полностью являются производными от заработной платы будущего пенсионера.

Второе направление — пенсионное обеспечение строится на потребностях нетрудоспособных лиц. В этом проявляется двойственность характера пенсионного обеспечения, которая состоит в том, что наряду со свойствами продукта, распределяемого в соответствии с количеством и качеством прошлого труда, оно обладает и свойствами продукта, распределенного в соответствии с потребностями трудоспособных лиц. Поэтому пенсионное обеспечение, базируясь на законе о труде, несет в себе характер распределения по затратам за прошлый труд.

Пенсии по инвалидности, скорее всего, носят характер страхования возможных потерь и должны исходить из того, сколько мог бы получать работник, если бы он не потерял трудоспособность. И эту часть страховой возможности должно платить не общество, а конкретный виновный (предприятие или лицо).

Пенсии для лиц, не имеющих трудового стажа, являются той частью общественного продукта, который имеет характер обеспечения минимальных потребностей нетрудоспособных, и поэтому они должны расти по мере роста экономических возможностей государства.

Таким образом, исходя из двойственного характера пенсионного обеспечения, можно сделать вывод об особенностях пенсий, которые существенно отличают их от других выплат социального характера.

Во-первых, пенсии предусматриваются исключительно для нетрудоспособных лиц и устанавливаются строго при наступлении условий, дающих право им получать пенсию.

Во-вторых, пенсия базируется на трудовом вкладе будущего пенсионера и строго регламентируется, исходя из объема и качества этого вклада.

В-третьих, пенсии назначаются только в денежной форме, что еще раз подтверждает мнение о том, что пенсия это часть отложенной заработной платы.

В-четвертых, пенсии выплачиваются для индивидуальных целей конкретному пенсионеру.

В-пятых, пенсия выплачивается пожизненно и носит постоянный характер. Она может пересматриваться только в тех случаях, когда появляется основание или дополнительные сведения об участии или неучастии в трудовой деятельности пенсионера.

В заключение по данному разделу можно сделать вывод, **что пенсионное обеспечение как экономическая категория — это совокупность экономических отношений по поводу производства и распределения в денежной форме части вновь созданного продукта, необходимого для удовлетворения потребностей нетрудоспособных категорий населения.**

Основные направления реформирования пенсионной системы в условиях углубления рыночных отношений

Опыт развитых стран, а также практика некоторых стран с переходной экономикой (Венгрия, Польша, Чехия) показывают, что оптимальным в функционировании и жизнеде-

ятельности является поэтапное формирование трехступенчатой пенсионной системы на базе поэтапной ликвидации распределительного пенсионного фонда и расширения накопительных фондов разных форм собственности [2]. Это позволяет с учетом экономических, законодательных и демографических особенностей нашей страны в условиях углубления экономических реформ и дифференциации доходов населения безболезненно осуществить реформу всей системы пенсионного обеспечения Узбекистана.

Преимущества выбора трехступенчатой системы пенсионного обеспечения в том, что она имеет следующие характерные особенности, которые делают пенсионную систему наиболее приемлемой:

1. **Первая ступень** имеет социальную значимость в функционировании системы пенсионного обеспечения. Это уровень, когда размер пенсии обеспечивает гарантию существующего в стране жизненного уровня для нетрудоспособных категорий населения. Эта ступень обеспечивается устанавливаемым государством размером минимальной пенсии, независимо от стажа работы, страхового стажа и объема накоплений на страховых счетах пенсионера. Эта ступень носит чисто расчетный и социальный характер обеспечения для граждан пожилого возраста.

2. **Вторая ступень** непосредственно связана с объемом страховых отчислений и трудовой деятельностью пенсионера. Главная цель этой ступени — сохранение потребностей пенсионера на прежнем, привычном ему уровне, таком же, как и во время, когда он был трудоспособным. Эта ступень рассчитана на активно работающего гражданина, стимулирует и обязывает его к производительному и высокооплачиваемому труду, к накоплению части своих доходов в трудоспособном периоде своей жизни для последующего потребления в пенсионном возрасте. По функциям и задачам эта ступень является основной и определяет гарантии государства на поддержание высокого уровня жизни пенсионера по труду при достижении пенсионного возраста.

3. **Третья ступень** имеет функцию индивидуального и дополнительного фактора увеличения размера пенсии, в зависимости от желания и возможности работника в период достижения пенсионного возраста. Эта ступень пенсионной системы реализуется при непосредственном участии государственных и негосударственных страховых компаний, банков,

пенсионных фондов и других общественных фондов.

Здесь отметим две характерные особенности, связанные с ролью государства в функционировании такой пенсионной системы. Первая особенность (государство принимает непосредственное участие при формировании первых двух ступеней) формировании условий и объемов пенсионного обеспечения, в третьей ступени государство непосредственного участия не принимает, однако осуществляет функции надзора за выполнением договорных и правовых обязательств. Вторая особенность заключается в том, что формирование первых двух уровней будет базироваться на обязательном отчислении пенсионных взносов, а третий уровень — на добровольной основе.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В сущности общий принцип перераспределения пенсионных накоплений существенно не будет меняться, только будет шире применяться принцип привязанности объема отчислений пенсионных взносов и размеров пенсий работников, которые будут особо контролироваться исходя из экономической ситу-

ации формирования законодательных требований государства.

Список источников

1. Далимов Р. Мировой опыт реформирования пенсионных систем и его использования в условиях переходной экономики : дисс. ... канд. экон. наук. Ташкент, 2003.
2. Демографическая политика в регионе. Проблемы и перспективы: сб. статей / Под ред. д. с. н. А. И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.
3. Ерошников С. Г. Анализ закономерностей пенсионного обеспечения за рубежом и определение фактического состояния пенсионной системы России. М.: Юрист, 2007.
4. Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем / Под ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцева. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. 239 с.
5. Проблемы функционирования системы обязательного социального страхования. Российский и зарубежный опыт / Шеломенцев А. Г., Андреева Е. Л., Кузьмин А. И., Козлова О. А., Дрошнев В. В., Дрошнева М. Д., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф.; отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 202 с.

УДК:331.25

ключевые слова: пенсионное обеспечение, рыночная экономика, государственное регулирование, нетрудоспособное население

ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г. Батхурэл

Современные проблемы глобализации требуют от стран мира обновления концепций их менеджмента, правильного познания новых парадигм относительно основных элементов менеджмента и их реализации на практике. В данной работе предлагается методология сравнительного исследования содержания и сущности философии менеджмента стран, на основе которого выдвигается гипотеза относительно концепции и модели менеджмента Монголии XXI в.

Особенности XXI века, глобализация и глобальные проблемы

Глобализация — это процесс, имеющий всемирный характер. Ученые и исследователи выдвигают гипотезу о том, что эпоха, в которой мы живем, — это эпоха развития информационных технологий, информационно глобали-

зированной общества, развития науки, развития технологий, технологических революций, основанных на инновациях, эпоха глобализации, энергии, развития разума, эпоха бизнеса.

XXI в. называют новой вехой развития человечества. Эпоха глобализации выдвигает перед странами мира следующие глобальные вопросы:

- озоновая дыра, охватившая Антарктиду, Австралию и Южную Африку;
- глобальное потепление климата;
- опасные заболевания, влияющие на открытую внешнюю среду бизнеса. В частности, распространение вирусного гриппа SARS, СПИДа, туберкулеза и холеры, раненые и изувеченные в войнах, наркомания, региональные катаклизмы и другое;
- влияние научного и технического прогресс и развитие производства на экологию

пенсионных фондов и других общественных фондов.

Здесь отметим две характерные особенности, связанные с ролью государства в функционировании такой пенсионной системы. Первая особенность (государство принимает непосредственное участие при формировании первых двух ступеней) формировании условий и объемов пенсионного обеспечения, в третьей ступени государство непосредственного участия не принимает, однако осуществляет функции надзора за выполнением договорных и правовых обязательств. Вторая особенность заключается в том, что формирование первых двух уровней будет базироваться на обязательном отчислении пенсионных взносов, а третий уровень — на добровольной основе.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. В сущности общий принцип перераспределения пенсионных накоплений существенно не будет меняться, только будет шире применяться принцип привязанности объема отчислений пенсионных взносов и размеров пенсий работников, которые будут особо контролироваться исходя из экономической ситу-

ации формирования законодательных требований государства.

Список источников

1. Далимов Р. Мировой опыт реформирования пенсионных систем и его использования в условиях переходной экономики : дисс. ... канд. экон. наук. Ташкент, 2003.
2. Демографическая политика в регионе. Проблемы и перспективы: сб. статей / Под ред. д. с. н. А. И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.
3. Ерошников С. Г. Анализ закономерностей пенсионного обеспечения за рубежом и определение фактического состояния пенсионной системы России. М.: Юрист, 2007.
4. Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем / Под ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцева. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. 239 с.
5. Проблемы функционирования системы обязательного социального страхования. Российский и зарубежный опыт / Шеломенцев А. Г., Андреева Е. Л., Кузьмин А. И., Козлова О. А., Дрошнев В. В., Дрошнева М. Д., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф.; отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 202 с.

УДК:331.25

ключевые слова: пенсионное обеспечение, рыночная экономика, государственное регулирование, нетрудоспособное население

ПОИСК НОВОЙ ПАРАДИГМЫ МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г. Батхурэл

Современные проблемы глобализации требуют от стран мира обновления концепций их менеджмента, правильного познания новых парадигм относительно основных элементов менеджмента и их реализации на практике. В данной работе предлагается методология сравнительного исследования содержания и сущности философии менеджмента стран, на основе которого выдвигается гипотеза относительно концепции и модели менеджмента Монголии XXI в.

Особенности XXI века, глобализация и глобальные проблемы

Глобализация — это процесс, имеющий всемирный характер. Ученые и исследователи выдвигают гипотезу о том, что эпоха, в которой мы живем, — это эпоха развития информационных технологий, информационно глобали-

зированной общества, развития науки, развития технологий, технологических революций, основанных на инновациях, эпоха глобализации, энергии, развития разума, эпоха бизнеса.

XXI в. называют новой вехой развития человечества. Эпоха глобализации выдвигает перед странами мира следующие глобальные вопросы:

- озоновая дыра, охватившая Антарктиду, Австралию и Южную Африку;
- глобальное потепление климата;
- опасные заболевания, влияющие на открытую внешнюю среду бизнеса. В частности, распространение вирусного гриппа SARS, СПИДа, туберкулеза и холеры, раненые и изувеченные в войнах, наркомания, региональные катаклизмы и другое;
- влияние научного и технического прогресс и развитие производства на экологию

(загрязнение воздуха, воды и почвы, аварии на атомных электростанциях (Чернобыль) и т. д.).

Совместная борьба с глобальными опасностями относится и к бизнес-организациям всех стран, которые внедряются на мировой и международный рынок.

Глобальные проблемы мирового характера XXI в. требуют от человечества объединения совместных усилий и невиданного ранее совместного сотрудничества в исследовании возможностей разума, человека и его труда и предотвращении возможных катаклизмов.

Национальные языки, культура, мировоззрение, исторические традиции и наследие, религия, общественные ценности данной страны — элементы, не охваченные глобализацией.

Необходимо предварительное исследование особенностей XXI в. и процесса глобализации, и развитие под их влиянием национальной конкурентоспособности, конкурентоспособности организаций и людей в условиях ускоренных преобразований в общественной жизни человечества.

Общая тенденция всемирного менеджмента эпохи глобализации требует совместного сотрудничества, взаимной поддержки, уважения и принятия мнения других, вынесения решений на основе консенсуса, умения преодолевать трудности.

Становится невозможно объяснить экономические и бизнес-явления и процессы при помощи теорий и моделей классического менеджмента. Возникла необходимость определе-

ния парадигм менеджмента XXI в. Определение путей решения многих важнейших проблем менеджмента нового столетия, разработка концепции развития менеджмента, философии менеджмента и модели нового столетия являются насущными проблемами.

Новая парадигма менеджмента и модель менеджмента

Деятельность в области менеджмента расширяется и становится безграничной. Мы будем жить и трудиться во времена, когда действия в менеджменте будут диктоваться не политическими интересами, а экономическими интересами организации. Это также является следствием глобализации и важным качеством парадигмы менеджмента нового столетия.

На новую парадигму менеджмента будут влиять следующие факторы:

- вопросы нового восприятия, интерпретации и измерения менеджмента;
- тенденция отрицания прошлого и обязательной опоры на новое;
- проблема неповторимости, уникальности и отличия любых систем организаций;
- постоянное столкновение резко отличающихся проблем;
- тенденция избегания стереотипов, стандартных моделей системы;
- решение проблем с точки зрения теории и методологии менеджмента знаний;
- менеджмент как метод взаимной деятельности человека и средств труда;

Таблица

Основные возможности парадигм менеджмента

Традиционная парадигма (Ф. Тейлор, А. Файоль, Э. Мэйо, А. Маслоу)	Новая парадигма (П. Друкер, И. Ансофф, Р. Уотерман, Т. Питерс, П. Сенге, Э. Шо)
Предприятие в сущности является закрытой системой, поэтому его цели, задачи и условия деятельности стабильны	Организация является открытой системой, находящейся под влиянием внешних и внутренних факторов
Рост объемов производства продукции и услуг является главным фактором успеха и конкуренции	Необходимо ориентироваться на качество продукции и услуг и спрос потребителей
Основной целью менеджмента является оптимальная организация производства, повышение производительности за счет оптимального использования всех видов ресурсов	Необходимо зорко чувствовать изменения во внешней и внутренней среде, меняться и развиваться, оказывая им ответное действие
Источниками доходов и прибыли являются работники предприятий и их производительность	Источниками доходов и прибыли являются знания и умения человека; необходимо создать условия для их открытия и полноценного использования
Система управления опирается на распределение, нормы, стандарты, правила и распорядок труда и полномочий. Данная система должна контролировать все	Система управления направлена на культуру организации, инновацию, мотивации работников, совершенствование методов управления. В организации главную роль играют знания, взаимное доверие, системное мышление, общие ценности, групповое сотрудничество, интеллектуальные модели

— опора на баланс доверия при управлении человеком и группой;

— ведение бизнеса и производства, основанное на развитии человека и его интеллектуальных способностей;

— опора на особенности национальной культуры в многокультурной среде при развитии менеджмента.

Сравним концепции новой парадигмы менеджмента XXI в. П. Друкера, И. Ансоффа, О. Уотермана, Т. Питерса, П. Сенге и Э. Шо с идеями парадигмы менеджмента XX в. (табл.).

Философия менеджмента

Для социального строительства и проведения рыночных преобразований необходимо определить философию управления, которая будет лежать в основе моделей развития.

Развитие любой системы является проявлением оптимального сочетания мнений о преобразовании, убеждений и интересов людей, групп людей и общества в целом.

Различия и особенности концепций философии менеджмента в различных странах связаны с тем, что они напрямую зависят от соответствия интересов и потребностей нации, организации и личности, от оптимальности их определения, путей и механизма реализации их взаимозависимости.

Для решения насущных проблем управления организации путем регулирования интересов и потребностей национальных организаций и личности принципиально выделение одного из них как приоритетного, рассмотрение их во взаимной зависимости, правильное обеспечение. На теоретическом уровне философию менеджмента организации рассматривают на следующих уровнях:

- системы организации;
- менеджмента организации;
- руководителя.

Выбор концепции философии менеджмента любой организации или системы должен быть таким вариантом, чтобы его принимала общественность, поддерживало государство могло бы реализовать правительство. Иначе говоря, основы философии политики государства в отношении организации должны соответствовать образу мысли народа.

4 варианта философии менеджмента

Вариант «А». При решении любых вопросов менеджмента организации западных развитых

стран во главу угла ставят права и интересы личности и основываются на принципе увязывания и координации личных и групповых, а затем уже групповых, государственных и национальных прав и интересов. Концепция этой философии соответствует правовым документам, утверждаемым государством данной страны. Главным представителем этого варианта философии менеджмента является США, где в основе философии менеджмента — уважение к правам личности.

Вариант «В». Философия менеджмента организации азиатских стран при интересах и потребностях организации учитывает прежде всего права и интересы личности, а затем уже государственные и общественные, а эти два интереса потом уже сочетаются с правами и интересами организации, и этого принципа придерживаются при решении насущных вопросов менеджмента организации. Классическим представителем философии менеджмента варианта «В» является Япония, философия менеджмента этой страны базируется на уважении прав группы.

Вариант «С» является философией менеджмента, опирающейся на уважение прав и интересов общества. При этом варианте путем увязывания и сочетания общественных прав и интересов с групповыми, групповых прав и интересов с личными, личных прав и интересов с общественными решаются насущные вопросы менеджмента. Классическими представителями варианта «С» являются страны с планово-централизованной экономикой, в частности КНР. Философия менеджмента Китая опирается на уважении общественных прав и интересов.

Вариант «D» является своеобразным вариантом философии менеджмента, основанной на принципе уважения общественных прав и интересов. Этот вариант путем увязывания и сочетания общественных прав и интересов с национальными и групповыми правами и интересами, групповых — с личными, личных — с групповыми правами и интересами решает насущные вопросы менеджмента. Главными представителями этого варианта являются североскандинавские страны, придерживающиеся «демократического социализма». Шведская философия менеджмента также входит в этот вариант и является смешанной моделью, основывающейся на уважении общественных прав (рис. 1.)

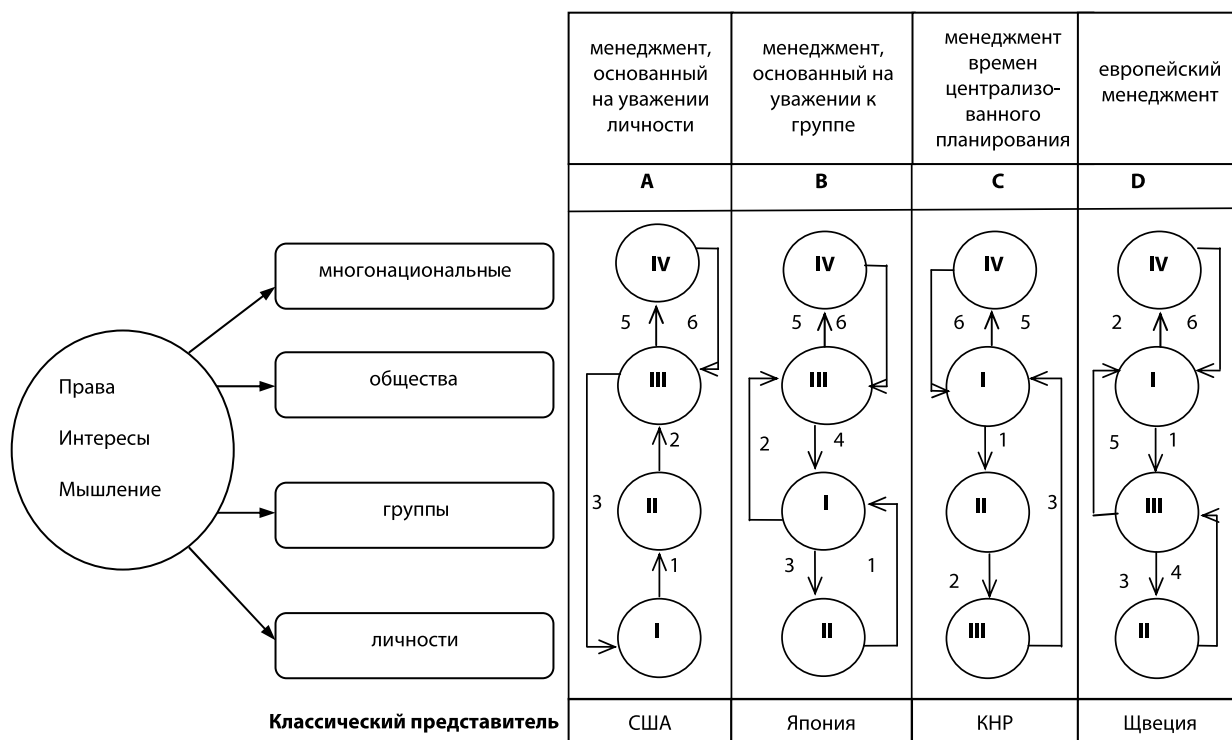

Рис. 1. Модель философии менеджмента нового столетия

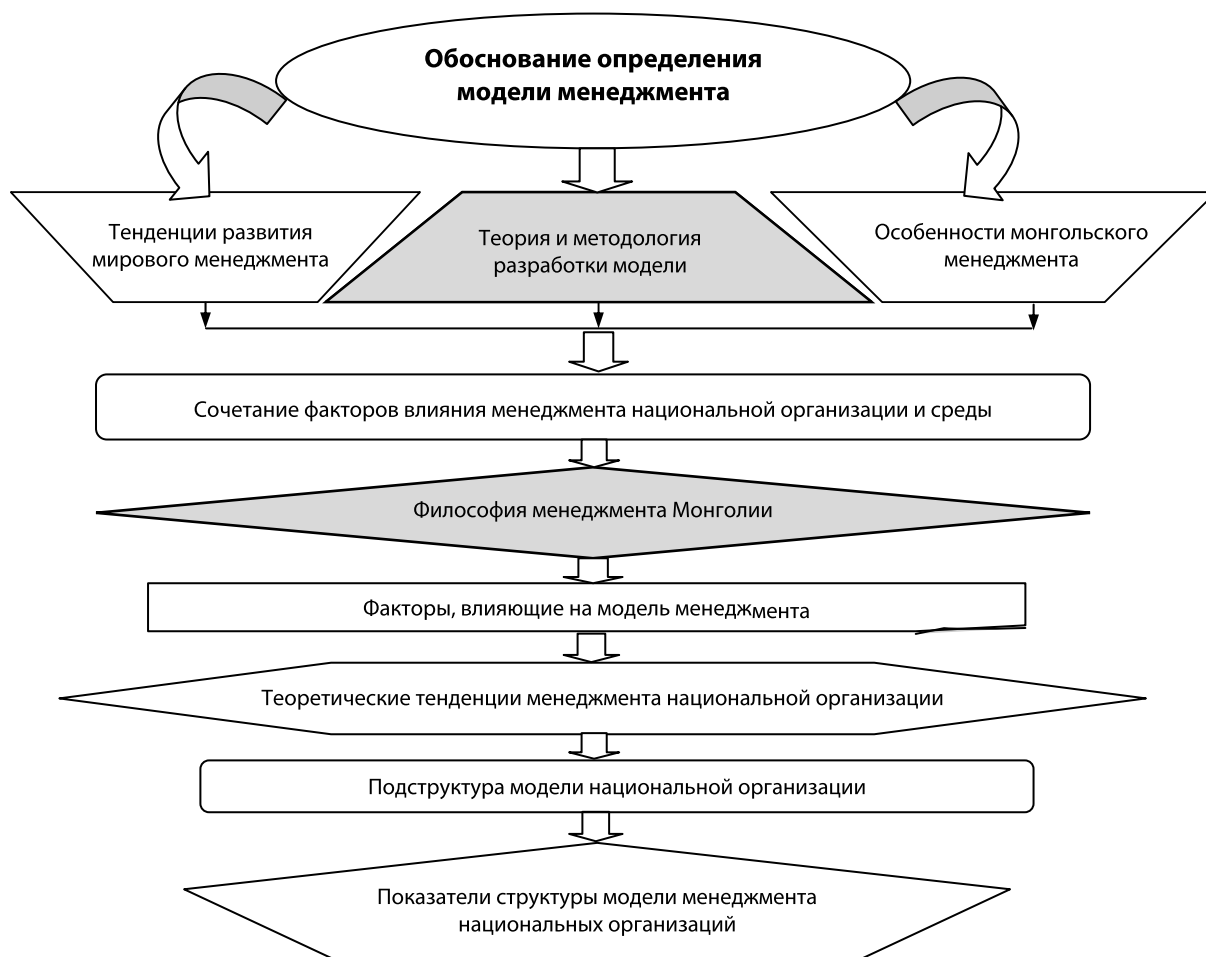

Рис. 2. Концепция и модель менеджмента Монголии XXI в.

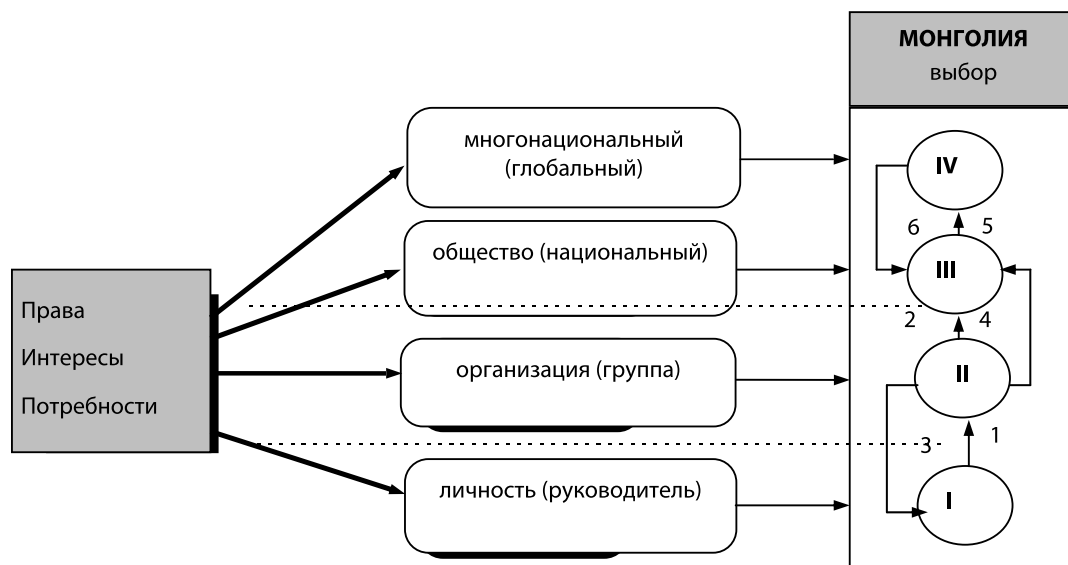

Рис. 3. Философия менеджмента Монголии XXI в.

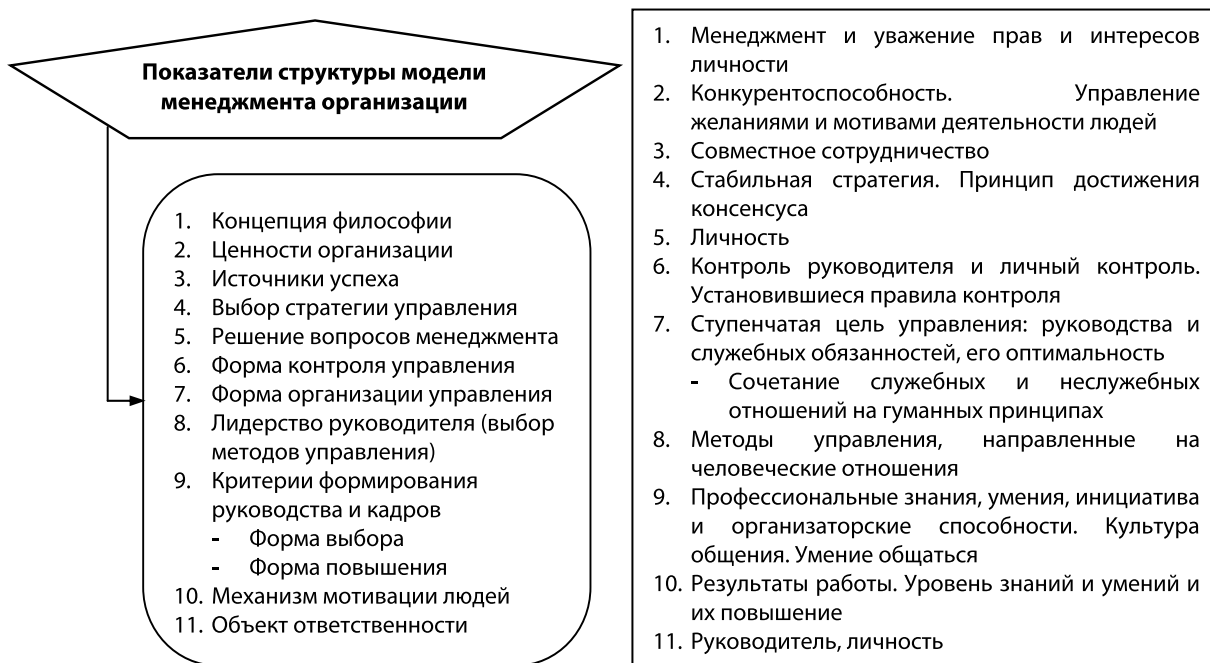

Рис. 4. Модель менеджмента организаций Монголии XXI в.

Представление о философии и модели менеджмента нового столетия

К рубежу XXI в. Монголия подошла с глубоким кризисом в экономике и на всех уровнях системы управления. В начале века возникла необходимость решения вопросов развития страны новой армией руководителей, с новым мышлением и новыми методами. В нынешних условиях, когда в Монголии менеджмент как наука утратил ведущую роль, разработка концепции и модели менеджмента нового столетия является одной из насущных проблем.

Предлагаем следующую методологию разработки концепции и модели менеджмента нового столетия (рис. 2.)

Философия менеджмента Монголии

Философия менеджмента Монголии входит в вариант «А» и основывается на модели с приоритетом прав личности. Особенностью монгольской философии менеджмента является концепция сочетания прав и интересов личности с групповыми, групповых — с обще-

ственными, общественных прав и интересов — с многонациональными (рис. 3.)

Основываясь на вышеназванной концепции философии менеджмента, предлагаем разработать модель менеджмента организации и систему его показателей (рис. 4.)

Заключение

1. В эпоху глобализации основой создания системы менеджмента для вывода любой страны из кризиса и развития является исследование новых мировых концепций, тенденций и парадигм.

2. Несмотря на то что в разных странах приняты разные философские концепции менеджмента (связанные с различиями сочетаний прав и интересов личности, группы и общества), способы реализации менеджмента (в зависимости от того, чьим правам и интересам отдается приоритет) подразделяются на 4 основные модели. Сюда входят философии менеджмента варианта «А» с приоритетом прав личности, «В» с приоритетом прав группы, «С» — с приоритетом прав общества и вариант «D».

3. В условиях нового столетия и глобализации для Монголии для развития в ногу с мировой общественностью при разработке концепции развития менеджмента успеха можно достигнуть только при условии учета 25-векового исторического наследия и традиций и разработки философии и модели менеджмента, основанных на особенностях монгольского мышления.

Список источников

1. Моримото М. Менеджмент японского типа и адаптация в среде // Менеджмент производственных монголо-японских предприятий на пороге XXI века. Улан-Батор, 2001. С. 83-92.
2. Сенге П. М. Искусство и практика самообучающейся организации : пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2001.
3. Шуурав Я. Новая парадигма обучения менеджменту // Менеджмент. 2004. №1(03). С. 4-12.

УДК 338.24

ключевые слова: глобализация, глобальные проблемы, модель, парадигма, философия менеджмента, методология менеджмента

МНЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ¹

О. А. Шахова, Л. Н. Воронина, А. А. Евтюгина

В статье анализируются основные тенденции развития агропромышленного комплекса России. Проведена оценка уровня самообеспеченности продовольственными ресурсами регионов России. Определены основные ориентиры государственной политики в данной сфере.

Одной из актуальных задач, стоящих перед Правительством РФ, является обеспечение населения качественными продуктами питания, так как от качества потребляемых продуктов питания зависит 75–80% здоровья населения.

Однако в современных условиях не каждый гражданин России может позволить себе полноценное и правильное питание.

Процесс расслоения населения по уровню доходов оказывает исключительно сильное влияние на структуру потребления. Так, сложившийся в 2008 году уровень потребления продуктов питания в России значительно отстает от рекомендуемых рациональных норм. Обеспеченность основными продуктами питания относительно рекомендуемых рациональных норм потребления по основным видам продуктов составила: овощи — 59,5%, картофель — 67,3%, фрукты и ягоды — 88,1%, молоко и молочные продукты — 80%, рыба и рыбопродукты — 90%. Но не только ограниченность спроса населения сдерживает потребление продовольственных товаров, но и ограниченность предложения со стороны отечественного производителя. Несмотря на то что в последние несколько лет неуклонно растут объемы производства различных продовольственных това-

ров, современное отечественное производство еще не достигло уровня постсоветских времен. Производство мяса, цельномолочной продукции, хлеба и хлебобулочных изделий снизилось более чем в 2 раза. Вместе с тем динамика объемов производства сахара и растительного масла имела обратную тенденцию, и за анализируемый период показатели увеличились почти в 1,5 раза.

На современном этапе развития внутренний агропродовольственный рынок России характеризуется высоким уровнем зависимости от импорта, за счет которого формируется до 30% продовольственных ресурсов страны. По мясу доля импорта оценивается в 41%, по молоку — 26%. Тенденция увеличения ввоза продовольствия сохраняется, а по животноводческой продукции даже усиливается. Особенно опасная ситуация складывается с обеспечением крупных индустриальных городов и отдельных регионов, снабжение которых на 50–70% зависит от импортных поставок продовольствия.

К сожалению, темпы роста объема отечественного производства сельхозпродукции и продовольствия остаются ниже, чем импорта продовольствия, который уже сейчас на 10% превышает пороговое значение продовольственной безопасности страны. Известно, что если импорт превышает 20% продовольственных ресурсов страны, то прекращается эффект кумуляции, т. е. отрасль перестает воздействовать на экономику в целом в сторону поддержания ее роста [4, с. 14]. Говоря о самообеспеченности страны продовольствием, необходимо учитывать социально-экономическое развитие регионов [5].

Самообеспеченность продовольственными ресурсами региона, отражающая соотношение местного производства и совокупного спроса на него, характеризует степень продовольственной безопасности субъектов. [7, с. 17] (рис. 1).

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта молодых ученых и аспирантов УрО РАН ОУС по экономическим наукам 2011 г. и при поддержке интеграционной программы с учеными ДВО РАН № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции».

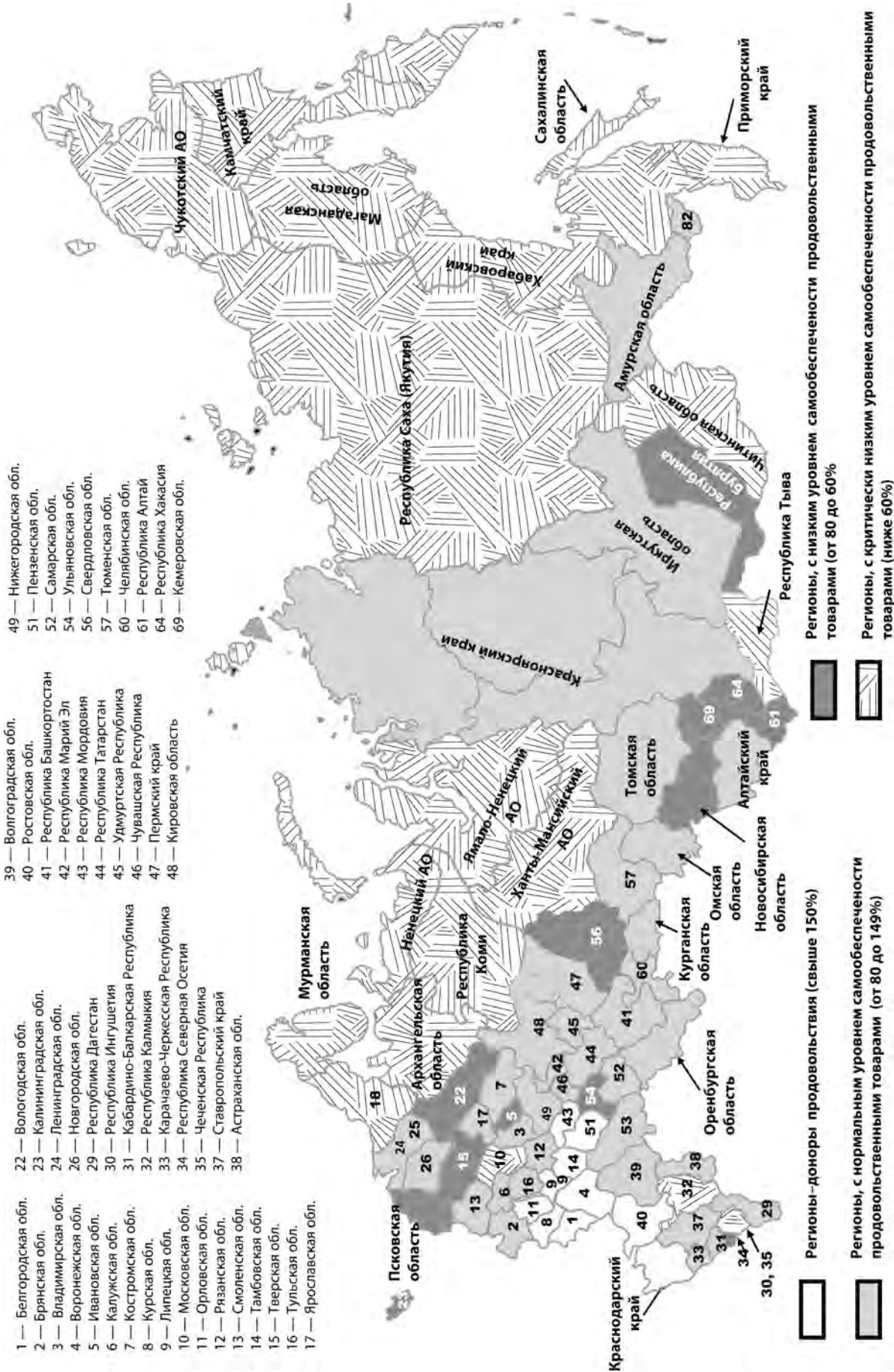

Рис. 1. Общий уровень самообеспеченности продовольственными товарами (отношение производства к потреблению) [5, с. 204-210, с. 479-485, с. 562-570]

По уровню самообеспеченности субъектов РФ продовольствием их можно разделить на несколько групп: регионы-доноры, производящие продукты питания сверх их собственного потребления в регионе (свыше 150%); регионы с нормальным уровнем самообеспеченности продовольственными товарами (от 80 до 149%); регионы с низким уровнем самообеспеченности продуктами питания (от 60 до 80%); регионы с критическим уровнем самообеспеченности продовольственными ресурсами по основным продуктовым группам (ниже 60%).

К регионам-донорам, полностью обеспечивающим себя и другие субъекты РФ продовольственными ресурсами по продуктовым группам «мясо и мясопродукты», «молоко и молочные продукты», «яйца», «сахар», «масло растительное», «картофель», «хлебные продукты», «овощи» и «ягоды» относятся пятнадцать субъектов РФ, находящиеся в черноземной части России.

Регионы, обладающие нормальным общим уровнем самообеспеченности продуктами питания, включают 38 субъектов РФ. Если рассматривать продовольственные ресурсы по основным продуктовым группам, то самообеспеченность мясными продуктами имеют 27 регионов, молочными продуктами — 51, яйцами — 45, сахаром — 3, маслом растительным — 2, овощами — 39, фруктами и ягодами — 2.

За пределами критериев продовольственной безопасности находятся 32 субъекта РФ, из них 18 регионов имеют крайне низкие показатели общего уровня самообеспеченности (ниже 60%). В основном это районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности.

Это обуславливает продовольственную зависимость индустриальных и северных регионов от импортных поставок, ослабляющих позиции отечественных производителей продуктов питания.

Таким образом, говоря о роли обеспечения продовольственной независимости страны, необходимо учесть аспекты продовольственной безопасности на региональном уровне, так как для многих регионов в силу природно-климатических и иных особенностей это не только затруднительно, но и экономически невыгодно. Для таких регионов, которые испытывают постоянную потребность во внешних поставках продовольствия из-за низкой обеспеченности собственными ресурсами, ввоз продовольствия из других близко расположенных регионов в рамках единого экономического пространства страны — основное

средство обеспечения продовольственной безопасности. В связи с этим принципиальное значение имеет недопущение каких-либо межрегиональных барьеров в торговле, локального монополизма [3, с. 17].

Решение проблем обеспечения продовольственной безопасности невозможно без создания государственной политики в этой области и механизмов ее внедрения [4]. Одним из основополагающих нормативных документов является «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года», являющаяся базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности РФ. В Стратегии одним из направлений обеспечения национальной безопасности является повышение качества жизни населения за счет сокращения бедности, роста доходов и увеличения экономической доступности продовольствия для всех категорий граждан, а также обеспечение качества и безопасности продуктов питания за счет наращивания отечественного производства [1, ст. 3 п. 44, 52]. На основе поставленных в стратегии целей была разработана и утверждена 30 января 2010 г. «Доктрина продовольственной безопасности РФ», в которой сформулированы основные направления продовольственной безопасности, в том числе в сфере экономической и физической доступности пищевых продуктов для всех групп населения и меры их реализации [2].

На региональном уровне органы исполнительной власти всех субъектов РФ реализуют с учетом территориальных особенностей единую государственную аграрную политику. Разработаны стратегии долгосрочного социально-экономического развития регионов, в которых определены основные ориентиры развития АПК, а также разработаны специальные целевые среднесрочные программы в этой области (рис. 2).

В рамках среднесрочных планов развития сельского хозяйства и продовольствия в субъектах РФ были разработаны региональные целевые программы до 2012 г., в которых были выделены пять основных направлений развития агропромышленного комплекса:

1. Устойчивое развитие сельских территорий. Целью данного направления является повышение занятости и уровня жизни сельского населения с помощью создания социальной инфраструктуры в сельской местности, стимулирования создания личного подсобного и фермерского хозяйства, повышения доходов граждан, проживающих в сельской местности,

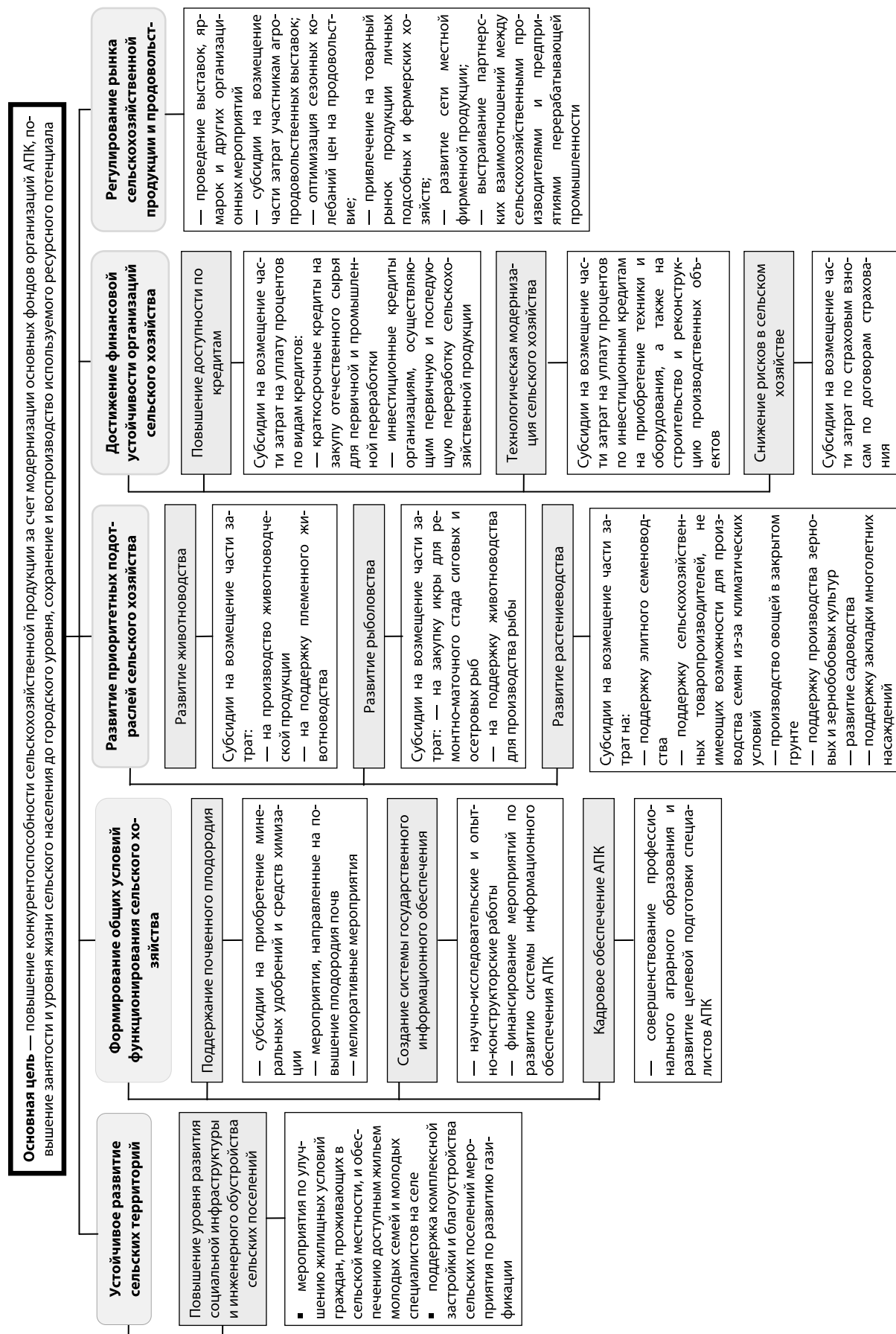

Рис. 2. Основные меры по поддержке АПК, разработанные региональными органами власти субъектов РФ на среднесрочную перспективу

и обеспечения доступным жильем молодых семей и молодых специалистов на селе.

2. Формирование общих условий функционирования агропромышленного комплекса. Целью данного направления является сохранение и воспроизводство используемых в сельскохозяйственном производстве земельных и других природных ресурсов, повышение эффективности хозяйственной деятельности организаций АПК.

3. Развитие приоритетных подотраслей сельского хозяйства. Задачей этого направления является повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции, производимой на территории регионов, на основе модернизации сельского хозяйства, ускоренного развития подотраслей сельского хозяйства.

4. Обеспечение финансовой устойчивости организаций агропромышленного комплекса за счет расширения доступа к кредитным ресурсам и увеличения удельного веса застрахованных площадей, поголовья крупного скота.

5. Регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия осуществляется с целью повышения их конкурентоспособности и поддержания доходности отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Разработанные федеральной и региональной властью программы и стратегии дадут импульс к развитию производства конкурентоспособной, качественной отечественной продукции, которая обеспечит здоровье населения, популяризацию здорового питания и образа жизни с

помощью создания специальных образовательных программ и активного привлечения средств массовой информации, повышению уровня жизни населения в селах до уровня города.

Рост аграрного производства обеспечит расширение объемов потребления и изменение структуры питания населения, позволит снизить степень зависимости отечественного рынка от мирового рынка продовольствия.

Список источников

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
2. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. №120. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
3. Горбунов Г. А. Региональные аспекты обеспечения продовольственной безопасности России // Пищевая промышленность. 2008. №12
4. Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы : сб. ст. / Под ред. д. с. н. А. И. Кузьмина. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.
5. Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем / Под ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцева. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 239 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. P32 : стат. сб. / Росстат. М., 2009. 990 с.
7. Ушаев И. Г. Обеспечение продовольственной безопасности России. Проблемы и пути решения // Пищевая промышленность. 2008. №12.

УДК 332.122

ключевые слова: потребление, уровень жизни, государственная политика, продовольственная безопасность

РОЛЬ СТРОИТЕЛЬНО-СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС НА РЫНКЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЯ¹

Э. Г. Пилавова

В статье на основе изучения мирового опыта моделей ипотечного жилищного кредитования обоснована необходимость становления ссудо-сберегательных институтов — строительных сберегательных касс как института удовлетворения массового спроса широких слоев населения России в улучшении жилищных условий.

Становление современного рынка жилья — одна из ключевых задач государства, без решения которой невозможно ни подлинное повышение уровня благосостояния населения, ни эффективное развитие экономики в целом. В нашей стране были предприняты многочисленные попытки создания институтов жилищного кредитования, однако результаты нельзя признать удовлетворительными. Главная причина такого положения — отсутствие продуманной стратегии, стихийное стремление к внедрению наиболее передовых их форм, минуя необходимую начальную стадию строительных обществ (СО) [6].

Следует отметить, что во многих европейских странах наряду с традиционной ипотекой широко представлены различные ссудо-сберегательные институты. Именно они исторически явились начальной формой финансового обеспечения потребности широких слоев населения в жилье [3].

Первые ссудо-сберегательные программы строительства жилья возникли в глубокой древности в Китае и Индии. Подобные кооперативы широко распространены в развивающихся странах и до сих пор имеют определенное значение в передовых экономиках, однако наиболее важную роль ссудо-сберегательные кооперативы сыграли в конце XVIII — начале XIX вв. [4, с. 72].

Родоначальницей ликвидируемых строительных обществ в Европе считается Англия. Строительные общества в Англии служили массовым институтом 70 лет, пока в 1845 г. не преобразовались в розничные банки, специализирующиеся на жилищном кредите. В даль-

нейшем этот институт был заимствован другими странами. В США он появился в 1831 г., и уже через 20 лет в Америке вслед за Англией на основе строительных обществ возникли ссудо-сберегательные ассоциации, однако они вытеснили строительные общества лишь через 60 лет — в 1980-е гг. В Германии первые стройсберкооперативы появились в 1885 г. и достигли своего расцвета к началу 1980-х гг. Спустя 39 лет, в 1924 г., там возникли стройсберкассы, играющие в этой стране важную роль и по сей день. В 1925 г. немецкий опыт был перенесен в Австрию, а в 1965 г. — во Францию [4, с. 73].

На протяжении 30 лет стройсберкассы оказались особенно востребованы в послевоенных Германии и Австрии, в период экономических трудностей, упадка государственных институтов и кризиса доверия. Именно после войны в 1952 г. германское правительство ввело государственную премию по стройсбережениям. Изначально была установлена весьма высокая премия — в 25–35% от ежегодных накоплений, которая начиная с 1975 г. постепенно снижалась: в 1975 — 23%, в 1976 г. — 18%, в 1982 г. — 14% и в 1989 г. — 10%. В Германии значение стройсберкасс было максимальным к началу 1980-х годов, а затем по мере развития рынка капитала оно стало снижаться [6].

К началу 90-х годов обязательства немецкого населения перед стройсберкассами составляли около 15% всех ипотечных обязательств, перед сберегательными и ипотечными банками 30 и 20% соответственно. В Австрии данное соотношение было иным: на стройсберкассы приходилось 45%, на сберегательные банки — 22%, на ипотечные — 13%. Большая доля ипотечных обязательств перед стройсберкассами в Австрии объясняется тем, что здесь разрешались внешние займы на рынке капитала для выдачи кредитов, что сокращало время между получением права на кредит и выдачей самого кредита. Однако подавляющее большинство членов ССК использовали право выхода из них без потери премии на сбережения и не брали займов. Таким образом, австрийское правительство поддерживало более высокую норму сбережений и стимулировало приоритетное формирование длинных денег для строительства: те, кто

¹ Статья подготовлена при поддержке интеграционной программы с учеными ДВО РАН № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции».

накапливал (обычно в течение 6 лет) и отказывался от займов, фактически финансировали нуждавшихся в жилье [7].

Если рассматривать историю становления рынка ипотечного кредитования в странах Восточной Европы, то большинство из них последовало примеру развитых стран, введя институт строительных обществ. Не пошли этим путем Россия и Польша.

На рынке ипотечных институтов стран Восточной Европы с начала широкомасштабных реформ 1990-х годов активно действовали представители американских и европейских фондов и ипотечных организаций. Американские эксперты продвигали внедрение рынка ипотечных ценных бумаг, а немецкие и австрийские специалисты предлагали помощь в создании стройсберкасс. Первые одержали победу в Польше и России, а вторые — в Чехии, Венгрии и Словакии. Таким образом, мы имеем возможность сравнить две стратегии создания ипотеки.

В Словакии, Чехии, Венгрии стройсберкассы создавались при поддержке немецких и австрийских ССК, однако главными акционерами строительных обществ являются крупные национальные коммерческие банки. Стройсберкассы в этих 3 странах характеризуются схожей организацией. Для получения кредита по льготной ставке (6% годовых) необходимо накопить 50% стоимости квартиры. Ставка по депозитам равна 3%, ежегодно государство на накопленную сумму выплачивает премию в размере 20–40% (объем премии не может превышать 50–70% средней месячной зарплаты). В Чехии и Венгрии размер премии установлен законодательно, а в Словакии он ежегодно пересматривается при составлении бюджета. Затем премия уменьшалась, а начальное завышение было необходимо для преодоления недоверия населения к новому институту. Проценты на сбережения и премии не облагаются налогом. Сбережения ССК включены в систему страхования вкладов. При выполнении определенных условий клиент может снять свой вклад вместе с процентами и премией, не используя своего права на кредит. Именно этим и объясняется громадный успех стройсберкасс в странах Восточной Европы [7].

В отличие от Словакии, Чехии и Венгрии Польша применила иную стратегию реформирования жилищных финансов. Основная ставка была сделана на развитие коммерческих банков и институтов секьюритизации ипотечных кре-

дитов по американскому образцу. В результате, как показывают данные табл. 1, достижения Польши в жилищном кредитовании оказались намного меньшими, чем у стран-соседей.

Казалось бы, несмотря на медленный рост жилищного кредитования, Польша сумела избежать серьезных бюджетных затрат. Но это не так. Сделав ставку на спонтанное развитие ипотечного кредитования, правительство было вынуждено поддерживать старые формы кредитования строительного сектора. Благодаря подобной политике, а также росту в первые годы реформ покупок жилья имущим классом за свой счет спад в жилищном строительстве в Польше был менее глубоким, чем в Словакии и Чехии. Однако в процессе восстановления жилищное строительство столкнулось с отсутствием кредитных институтов, доступных широким слоям населения. Уже с 2000 г. в Польше стало сокращаться число одобренных заявок на новое строительство, что в снова привело к спаду объемов завершеного строительства с 68% в 2002 г. до 63% в 1989 г.

Следуя примеру более успешных соседей, стройсберкассы начали создавать в Хорватии в 1998 г., в Словении — в 1999 г., в Румынии — в 2004 г., в Китае — в 2004 г. Планы запуска ССК разрабатываются в Болгарии, Латвии и Литве.

В России пытались создать кредитный институт по образцу успешных рыночных экономик стран Запада. Основным поставщиком ипотечных институтов, предложившим в 1992 г. правительству России проекты и техническую помощь в проведении реформ, стало Агентство США по международному развитию (*USAID — Agency for International Development*). Суть его рецептов сводилась к радикальному отказу от государственной поддержки некоммерческих форм кредита. Упор был сделан на скорейший переход к самым эффективным зарубежным моделям рыночного кредитования: универсальным коммерческим банкам и вторичному рынку закладных [4, с. 80].

За счет внедрения комплекса институтов секьюритизации предполагалось создать стимулы для банков и достигнуть массовости жилищного кредита. Но, как и в других переходных экономиках, попытки внедрения передовых институтов без прохождения необходимых стадий развития не привели к успеху. В результате проекты организации современного двухуровневого рынка закладных не были востребованы коммерческими банками, значительные средства были потрачены впустую.

Таблица
Доля объемов жилищных кредитов в ВВП переходных
и развитых стран (%)

Страна	Объем действующих жилищных кредитов к ВВП, %		Страна	Объем действующих жилищных кредитов к ВВП, %
	«Старые займы» 1989–1996 гг.	1996–2002 гг.		
Чехия	1,3	20,0	Англия	62
Словакия	1,9	12,7	США	58
Польша	1,1	2,6	Германия	54
Россия	0,28 (к 1990 г.)	0,16 (к 2004 г.)	Франция	23

В результате Польша и Россия в жилищном кредитовании и строительстве намного отстали от стран-соседей.

Согласно данным таблицы, после 12 лет реформ в Чехии объем действующих жилищных кредитов в ВВП достиг 20%, в Словакии — 12,7%, тогда как в Польше он составил менее 3%, а в России — менее 0,2%. Отметим, что даже Чехия очень сильно отставала от развитых стран. Примечательно, что среди последних Франция, где ССИ были введены с опозданием и не могли проявить себя в полной мере, явно отстает; обеспеченность населения жильем во Франции также существенно меньше, чем в США, Англии или Германии.

Итак, в Польше ошибочная стратегия замедлила становление более массовых институтов жилищного кредитования. Для их дальнейшего развития могут потребоваться новые бюджетные расходы, сопоставимые с расходами соседних стран [4, с. 76].

Опыт и развитых, и развивающихся стран показывает, что для того чтобы создать институт массовой ипотеки, необходимо постепенное развитие институтов ипотечного кредитования, а спонтанное создание передовых рыночных институтов не делает ее массовой. Именно строительные общества являются необходимым и первоначальным этапом в формировании механизмов жилищного кредитования, поскольку именно строительно-сберегательные институты являются источником длинных денег, в которых так нуждаются страны с переходной экономикой, в том числе и Россия. Также строительно-сберегательные институты являются эффективным инструментом отбора надежных заемщиков, и именно они способствуют развитию массовой экономической культуры, а также формированию кредитной истории у заемщика.

В результате создаются условия для развития банковской ипотеки и деятельности агентств вторичного рынка.

Если обратиться к эволюции ипотечных институтов в странах с развитой экономикой, то следует отметить, что именно строительное общество явилось исходной точкой быстрой эволюции жилищных финансов. Последовательными ее этапами явились: английское строительное общество, немецкая стройсберкаска (ССК), американская ссудо-сберегательная ассоциация.

Ни одной стране не удалось создать современную массовую ипотеку, минуя стадию строительных обществ. Это и Германия, и Англия и Франция, а также другие страны Центральной и Восточной Европы, где формирование рынка массовой ипотеки началось с развития строительно-сберегательных кооперативов и строительно-сберегательных касс.

Строительно-сберегательный институт является необходимым звеном в процессе создания ипотеки в силу следующих условий:

1. Благодаря узкой специализации и предварительным планам накопления ССК снижают кредитные риски и преодолевают проблему недоверия, позволяя вовлечь в систему ипотечного кредитования основную массу населения. В отличие от банков, стройсберкассы назначают проценты по депозитам, которые существенно ниже рыночных и не зависят от инфляции. Поскольку не предполагается, что менеджеры общества имеют высокую квалификацию, ему нередко запрещается делать внешние заимствования, что также способствует ограничению риска.

2. Немалое значение имеет ССИ как источник длинных денег, столь необходимых развивающимся и переходным экономикам. Стройсберкассы способны привлечь значительную часть сбережений, находящихся на руках у населения. Клиентами стройсберкасс являются граждане с низкими и средними доходами, которые часто не пользуются услугами банковской системы и потому их накопления не работают в рамках официальной экономики.

3. Строительно-сберегательные кооперативы являются эффективным инструментом отбора надежных заемщиков для банковского сектора, поскольку нередко организуются группой людей, тесно связанных друг с другом, например, живущих на одной территории или работающих в одной отрасли [5]. Благодаря этому кооператив располагает достаточно полной

информацией о своих членах и может отбирать тех, кто заслуживает доверия. В дальнейшем это облегчает их клиентам получение дополнительных кредитов по рыночным ставкам.

4. Важная роль ССК заключается в их влиянии на массовую экономическую культуру. В процессе длительного накопления сбережений выявляются материальные возможности будущего должника, его добросовестность, способность к самодисциплине. Тем самым ССИ обходит непреодолимую для ипотечного банка проблему, связанную с отсутствием кредитных историй и необходимой текущей информации о потенциальных заемщиках, подготавливая почву для развития более совершенных форм ипотеки [2, с. 222].

По мере совершенствования системы экономических институтов в стране и, прежде всего, рынка капитала, разрыв между предоставлением кредита и сбережениями становится препятствием для роста эффективности ССИ. С повышением благосостояния, уменьшением дифференциации доходов, укреплением законности, снижением ставки ссудного процента и банковской маржи все большая часть населения начинает отдавать предпочтение другим формам ипотеки. Строительные общества естественно трансформируются в ссудо-сберегательные ассоциации, растет доля ипотечных банков в общем объеме кредитования. Впрочем, СО по-прежнему выступают эффективным инструментом социальной политики для обес-

печения жильем низкодоходных слоев населения. Поэтому в некоторых развитых странах (Австрия, Германия) их роль остается значительной [7].

Список источников

1. Методология оценки влияния социальной ответственности бизнеса на экономику регионов России: сб. науч. тр. / Под ред. д.э.н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 195 с.
2. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 446 с.
3. Проблемы функционирования системы обязательного социального страхования: российский и зарубежный опыт / Шеломенцев А. Г., Андреева Е. Л., Кузьмин А. И., Козлова О. А., Дрошнев В. В., Дрошнева М. Д., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф. / Отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 202 с.
4. Старков О., Черных Е., Полтерович В. Строительное общество. Ипотечный институт для России // Вопросы экономики. 2005. №1.
5. Besley T., Coate S., Lounry G. The Economics of Rotating Saving and Credit Associations. [Electronic resource]. URL: www.jstore.org.
6. Boleat M. National Housing Finance Systems. A Comparative Study. Croom Helm, 1985. P. 198.
7. Deutsch E., Tomann H. Home Ownership Finance in Austria and Germany // Real Estate Economics. 1995. V. 23. P. 470.

УДК 336.77

ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, строительные сберегательные кассы, ссудо-сберегательная ассоциация, строительное общество, двухуровневая модель ипотечного кредитования, институт массовой ипотеки

ТРАНСФОРМАЦИЯ УСЛОВИЙ ЗАНЯТОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

А. В. Козлов, М. Н. Макарова

Анализируются особенности влияния информационно-сетевой экономики на характер занятости населения. Рассмотрены основные проблемы, возникающие в сфере социально-трудовых отношений и требующие трансформации институ-

тутов их формирования и регулирования в условиях развития информационных сетей.

Современная цивилизация вошла в качественно новый этап своего развития — использование информационно-сетевых технологий во всех сферах человеческой деятельности. Главный отличительный признак перехода от общества индустриального типа к информационному — превращение фундаментальной на-

¹ Публикация выполнена в рамках Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН. Интеграционный проект № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции»

информацией о своих членах и может отбирать тех, кто заслуживает доверия. В дальнейшем это облегчает их клиентам получение дополнительных кредитов по рыночным ставкам.

4. Важная роль ССК заключается в их влиянии на массовую экономическую культуру. В процессе длительного накопления сбережений выявляются материальные возможности будущего должника, его добросовестность, способность к самодисциплине. Тем самым ССИ обходит непреодолимую для ипотечного банка проблему, связанную с отсутствием кредитных историй и необходимой текущей информации о потенциальных заемщиках, подготавливая почву для развития более совершенных форм ипотеки [2, с. 222].

По мере совершенствования системы экономических институтов в стране и, прежде всего, рынка капитала, разрыв между предоставлением кредита и сбережениями становится препятствием для роста эффективности ССИ. С повышением благосостояния, уменьшением дифференциации доходов, укреплением законности, снижением ставки ссудного процента и банковской маржи все большая часть населения начинает отдавать предпочтение другим формам ипотеки. Строительные общества естественно трансформируются в ссудо-сберегательные ассоциации, растет доля ипотечных банков в общем объеме кредитования. Впрочем, СО по-прежнему выступают эффективным инструментом социальной политики для обес-

печения жильем низкодоходных слоев населения. Поэтому в некоторых развитых странах (Австрия, Германия) их роль остается значительной [7].

Список источников

1. Методология оценки влияния социальной ответственности бизнеса на экономику регионов России: сб. науч. тр. / Под ред. д.э.н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 195 с.
2. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. М.: Экономика, 2007. 446 с.
3. Проблемы функционирования системы обязательного социального страхования: российский и зарубежный опыт / Шеломенцев А. Г., Андреева Е. Л., Кузьмин А. И., Козлова О. А., Дрошнев В. В., Дрошнев М. Д., Нифантова Р. В., Полкова Т. В., Косьмин И. Ф. / Отв. ред. акад. РАН А. И. Татаркин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 202 с.
4. Старков О., Черных Е., Полтерович В. Строительное общество. Ипотечный институт для России // Вопросы экономики. 2005. №1.
5. Besley T., Coate S., Lounry G. The Economics of Rotating Saving and Credit Associations. [Electronic resource]. URL: www.jstore.org.
6. Boleat M. National Housing Finance Systems. A Comparative Study. Croom Helm, 1985. P. 198.
7. Deutsch E., Tomann H. Home Ownership Finance in Austria and Germany // Real Estate Economics. 1995. V. 23. P. 470.

УДК 336.77

ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, строительные сберегательные кассы, ссудо-сберегательная ассоциация, строительное общество, двухуровневая модель ипотечного кредитования, институт массовой ипотеки

ТРАНСФОРМАЦИЯ УСЛОВИЙ ЗАНЯТОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ¹

А. В. Козлов, М. Н. Макарова

Анализируются особенности влияния информационно-сетевой экономики на характер занятости населения. Рассмотрены основные проблемы, возникающие в сфере социально-трудовых отношений и требующие трансформации институ-

тутов их формирования и регулирования в условиях развития информационных сетей.

Современная цивилизация вошла в качественно новый этап своего развития — использование информационно-сетевых технологий во всех сферах человеческой деятельности. Главный отличительный признак перехода от общества индустриального типа к информационному — превращение фундаментальной на-

¹ Публикация выполнена в рамках Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН. Интеграционный проект № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции»

уки и инновационных технологий в решающий фактор экономического роста.

Первые упоминания об информационной революции, информационном обществе и информационной экономике появились в 1970-х гг. (например, Э. Тофлер и Р. Друкер). В информационном обществе уровень жизни населения, структура его занятости в рабочее и свободное время, система образования, рынки труда, товаров и финансов, система управления и принятия решений существенным образом зависят от теоретических знаний, информации, технологических инноваций, развития глобальных информационных и коммуникационных технологий (Р. Друкер, У. Мартин, И. Масуда, Э. Тофлер, и др.).

Американский экономист Томас Стюарт определил 1991 год как начало «информационного века», так как в этом году впервые расходы американских компаний на приобретение информационных технологий (112 млрд долл.) превысили расходы на приобретение промышленного оборудования (107 млрд долл.) [3].

Важнейшим условием становления информационно-сетевой экономики явилось вытеснение с 80-х гг. XX в. четвертого технологического уклада пятым, в котором господствующие позиции занимают новейшие компьютерные и информационные технологии, средства космической связи, волоконная оптика, биотехнологии. В тоже время, по мнению российских экспертов, в ближайшие 10–15 лет в экономике России еще будет иметь место четвертый технологический уклад в сферах, имеющих потенциал для развития и совершенствования на уровне данного уклада (традиционные отрасли машиностроения — энергетическое и электротехническое машиностроение, станкостроение, приборостроение, химическое и нефтяное машиностроение). Одновременно с этим будут формироваться и распространяться наиболее эффективные направления пятого и шестого технологических укладов [8].

Появление глобальных сетей связи, и в первую очередь — Интернет, привело к глобальным изменениям в области организации и ведения коммерческой деятельности.

Преобразования коснулись как внешних отношений между компаниями и их партнерами или клиентами, так и внутренней структуры самих компаний. Не только появились новые направления ведения бизнеса, но и произошло принципиальное изменение уже существующих.

По мнению Дж. Подольны и К. Пайдж, термин «сетевые формы организации» следует понимать как «любую группу действующих лиц (не менее двух человек), которая имеет повторяющиеся длительные обменные связи между собой и в то же самое время в этой группе отсутствует властный орган, уполномоченный разрешать возникающие в течение обмена спорные вопросы» [4].

В современных реалиях бизнес развивается на основе двух парадигм — традиционной и информационной, включающей в себя создание новых информационных технологий и программных продуктов, телекоммуникационные и провайдерские услуги, электронный бизнес, электронные биржи и платежные системы, телезанятость и др. В последние годы эти тенденции становятся все более явными.

Согласно структуризации к отрасли информационных технологий относятся компьютерное и офисное аппаратное обеспечение, программное обеспечение и ИТ-услуги.

По данным Минэкономразвития РФ, за 2009 г. структура затрат в отрасли выглядела следующим образом: рынок аппаратных средств — 51,4%; рынок программных продуктов — 20%; ИТ-услуги — 28,6%.

По данным Ассоциации АКСИТ, общее количество ИТ-компаний УрФО составляет более 500 компаний. Примерный оборот ИТ-компаний региона составляет более 0,8–1 млрд долл. Наибольшие доходы на ИТ-рынке приносят дистрибуция программного обеспечения (32%) и обслуживание корпоративного сектора (28%). Кроме того, активно развивается сектор розничных продаж и внедрения информационных систем (10%) (рис.). Происходит быстрый рост сегмента ИТ-услуг — интеллектуальной составляющей. [2]

Из приведенных данных можно сделать вывод, что отличительная особенность информационной экономики состоит в достаточно высоких темпах развития. Примерно за сорок

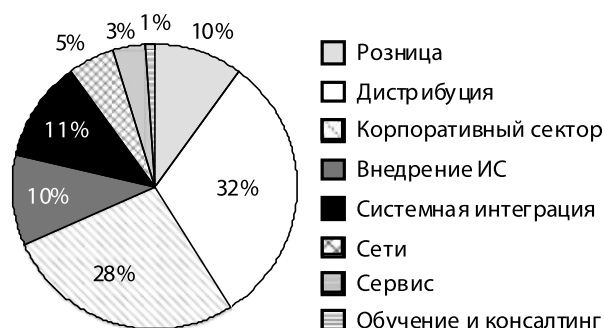

Рис. Структура выручки ИТ-рынка УрФО

лет четырежды менялась элементная база всей электроники. Это привело к значительным изменениям стоимости вычислительных устройств. Немаловажно, что рост качества и эксплуатационных характеристик вычислительной техники сопровождается непрерывным понижением цен на компоненты компьютерных систем и компьютеры в целом, что делает их более доступными для потребителей и определяет рост спроса на информационную технику и информационные продукты для личного потребления. Если в первой половине 90-х гг. развитие потребительского рынка ИТ и ИП значительно ограничивалось низкой покупательной способностью населения, то в настоящее время в России увеличился объем продаж ИТ населению, чему способствуют как рост доходов населения, так и большое разнообразие техники по уровню цен.

Информационные ресурсы, взаимодействующие с техническими средствами, используются для производства информации фирмами для собственных нужд (нетоварное производство) и в информационном секторе экономики (товарное производство информации). Технические средства информатизации поступают также в личное пользование граждан, обеспечивая им доступ к информационным ресурсам через посредство специализированных фирм, располагающих собственными базами данных или являющихся информационными дилерами других фирм. Между фирмами неинформационных отраслей и информационным бизнесом также наблюдается тесное взаимодействие. Таким образом, процесс информатизации охватывает все сферы деятельности человека — от производства до быта и досуга, что влечет за собой существенное изменение удельного веса отраслей экономики в формировании ВВП [3]. При этом производство вычислительной техники и средств связи служит материально-технической базой информатизации. В условиях информатизации изменяется не только производство, но и организационная структура экономики и, как следствие, структура занятости населения [9].

В условиях развития пятого технологического уклада механическое перемещение рабочей силы из одной отрасли в другую становится невозможным. Этому препятствуют широкая перестройка профессиональной структуры занятости, исчезновение многих профессий и появление новых, для которых требуется специальная образовательная подготовка при этом

усиливается риск деквалификации, которая может произойти в результате отсутствия возможностей (в том числе и материальных) непрерывного образования в условиях постоянного обновления знаний и внедрения новых технологий. В современной экономике, как свидетельствует практика, специалистам требуется обновление профессиональных знаний в среднем каждые 3–5 лет.

По идее создателей теории постиндустриального общества (Дж. Гэлбрейт, Д. Белл и др.), в нем складывается принципиально новая социальная структура, основанная не на собственности, а на знаниях и квалификации. В анализе социальной структуры они исходят из теории социальной стратификации, в которой в качестве основных критериев принадлежности к той или иной страте, т.е. социальному слою, берутся произвольно выбираемые признаки: социальный статус, размер и характер дохода, профессия, уровень квалификации, образ жизни, интересы, психология. При этом классовая структура общества утрачивает свою объективную основу, и общество становится социально однородным. Между тем деление общества на страты или социальные группы определяется условиями материальной жизни населения, различным положением тех или иных групп людей в системе социально-экономических отношений.

Образование, даже в наиболее передовых в этом отношении странах, отстает от объективных требований научно-технического прогресса. Это связано с тем, что рост численности обучающейся молодежи не сопровождается действительной и полной демократизацией системы образования. Как отмечает Н. Д. Гаузнер, во многих странах система социального отбора и социальной дифференциации продолжает действовать в учебных заведениях, которые выполняют функцию воспроизводства существующей социально-классовой иерархии на более высоком образовательном уровне [1, с. 46].

Идет рост доли занятых преимущественно умственным трудом и снижение доли лиц, занятых физическим трудом, к которым относят рабочих всех уровней квалификации. Сокращение производственной занятости, отчасти связанной и с ростом производительности труда, компенсируется ее ростом в непроизводственных «компьютерных» профессиях (среди обслуживающего компьютеры административно-вспомогательного персонала, создателей периферийного оборудования и программистов, операторов локальных сетей и т. д.).

Распространение телекоммуникационного оборудования и в первую очередь Интернета оказывает заметное влияние и на принципы организации труда. Новые информационные технологии позволяют расширять гибкие формы занятости населения, не требующие стационарных рабочих мест. Прежняя привязанность к рабочему месту во многих случаях становится необязательной, так же как и жесткий режим трудового дня. На смену приходят работа на дому, гибкие графики организации рабочего времени.

Новые режимы труда создают немало преимуществ для работников: возможность гибко планировать рабочее и личное время, уделять больше внимание образованию, а также семье и воспитанию детей, избегать часов пик на транспорте. Подобная перспектива занятости, связанная с возможностью самостоятельно определять рабочий режим, весьма привлекательна для многих работников, особенно женщин. В Германии в конце XX века насчитывалось примерно 5 тыс. таких рабочих мест.

В то же время незнание и, что еще хуже, отсутствие потребности знать своих коллег — весьма опасное социальное явление. Следствием распространения гибких форм занятости, как показывает практика западных стран, становится тенденция ослабления профессиональных союзов наемных работников, что ведет к росту социальной незащищенности персонала, его профессиональной изоляции.

Как правило, в современной экономике личность реализуется как элемент определенной системы корпоративных связей. Согласно некоторым исследованиям, в информационном обществе возникает особый тип автономии личности: человек может менять свои корпоративные связи, поскольку он жестко к ним не привязан, он может и способен очень гибко строить свои отношения с людьми, погружаться в разные социальные общности, в разные культурные традиции [7].

Работа на дому характеризуется низким уровнем рисков в связи с меньшими капитальными вложениями, позволяет иметь приемлемый заработок для домашних работников при одновременном снижении издержек на рабочую силу для работодателей. Работа на дому особенно удобна для студентов, людей с ограниченными физическими возможностями и для людей, желающих уделять больше времени своей семье, экономя значительную часть своего времени и средств, затрачиваемых на ежедневные поез-

дки к месту работы и обратно. Все возрастающий интерес к выполнению работы на дому со стороны наемных работников и работодателей обосновывается многими привлекательными особенностями такой деятельности.

Вместе с тем организационная и временная гибкость открывает путь к усилению эксплуатации работников, пренебрежению их законными интересами, поскольку позволяет, пользуясь их изолированностью и отрывом от коллег, увеличивать сверхурочное время, ограничивать в информации, в том числе и о возможностях служебного роста и повышения заработной платы. Новые возможности в области занятости меняют само представление о возникающих рисках. Высокая готовность откликнуться на предложение работы, изоляция в трудовом процессе, трудности в обмене опытом с коллегами, отсутствие (или ограничение) контакта с коллективными защитниками профессиональных интересов, а зачастую и не соответствующие требованиям эргономики рабочие места показывают, что развитие новых форм труда нуждается в регулировании со стороны государства.

Для развития новых форм организации трудовой деятельности и снижения связанных с ними рисками необходима разработка адекватного современным экономическим реалиям законодательства в сфере социально-трудовых отношений. Требуется определение понятия наемного домашнего работника. Новые формы занятости нуждаются в разработке общественно-договорных норм, определяющих индивидуальные права наемных работников.

Имеются аргументы, ставящие под сомнение широкое внедрение новых форм труда. Это связано с тем, что перемещение рабочего места в домашние условия затрудняет разработку ноу-хау, во многом, являющихся продуктом взаимного общения работников в условиях коллективной трудовой деятельности [5].

В то же время имеющийся опыт других стран, например США, по применению информационных и коммуникационных технологий свидетельствует о возможности постепенной трансформации домашнего индивидуального труда в многостороннюю коллективную деятельность, охватывающую множество квалифицированных специалистов, находящихся вдали друг от друга. Это происходит благодаря обеспечению информационного взаимодействия многих домашних работников, объединенных общностью целей, что в немалой степени определяется взвешенной государственной политикой, спо-

собствующей совершенствованию правовой базы, создающей благоприятные условия для развития «телезанятости» (*Teleemployment*) [7].

Таким образом, в процессе становления информационной экономики можно выделить ряд проблем в сфере занятости, связанных с размыванием традиционных социально-трудовых отношений, ослаблением правовой защиты занятых в информационном бизнесе, требующих адекватной реакции общества и государства.

Список источников

1. Гаузнер Н. Д. Теория постиндустриального общества и современный капитализм. М. Ж Знание, 1979.
2. ИТ-рынок УрФО. Доклад на V Уральском ИТ-Форуме. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.acsit.ru/analitika.shtml>
3. Николаева Т. П. Инновационный характер экономической структуры в постиндустриальном обществе // Инновации. 2001. № 9-10. С. 38.
4. Опалева О. И. О некоторых современных изменениях на рынке труда // Финансы. Дайджест. 2004. № 1. С. 41-45.
5. Методология оценки влияния социальной ответственности бизнеса на экономику регионов России : сб. науч. тр. / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 195 с.
6. Опыт США в развитии домашней занятости и в трудоустройстве инвалидов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.giac.ru/content/document_r_2665547E-325E-4032-A7A9-CE2AA1F1686C.html (дата обращения 10.01.11).
7. Стрелец И. А. Новая экономика и информационные технологии. М.: Издательство «Экзамен», 2003, С. 774.
8. Транспортная стратегия Российской Федерации. Основные гипотезы развития отраслевых систем. Машиностроение // Сайт Министерства транспорта РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mintrans.ru/pressa/TransStrat_Trans_Econom_Balance_3_5_1.htm
9. Russia and Slovakia: modern tendencies of demographic and socioeconomic processes / General Editor: Academician Tatarkin A. I. Ekaterinburg: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. Yekaterinburg: Institute of Economics Ural Branch Academy of Sciences, 2009. 218 p.

УДК: 331.1

ключевые слова: сетевая экономика, ИТ-рынки, Интернет, телезанятость, индивидуализация трудовых отношений

РАЗДЕЛЕНИЕ РОССИИ НА 20 АГЛОМЕРАЦИЙ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УТОПИЯ?¹

А. В. Патрушев

В статье дан анализ проекта концепции территориального переустройства России посредством ее разделения на 20 агломераций, предложенной Правительством РФ и Администрацией Президента РФ. Определены проблемы в реализации данной концепции и предложены направления их решения.

Не так давно Правительство РФ и Администрация Президента РФ обнародовали концепцию территориального переустройства России посредством разделения ее на 20 агломераций. Суть концепции заключается в том, чтобы полностью поменять административное деление страны — вместо 83 субъектов Федерации создать 20 крупных агломераций с населением более 1 млн чел. Необходимость данной реформы объясняется тем, что нынеш-

няя территориальная организация Российского государства несовершенна — территориальные органы федеральных органов власти находятся не там, где нужно, а существующие лимиты на предельную численность сотрудников, оптимизация сети школ, поликлиник, больниц, почты, отделений Сбербанка объективно снижают качество жизни на сельских территориях и в малых городах. [2]

Сейчас 90% городов России — это небольшие города с населением до 100000 человек. Хуже всего то, что половина из них монопрофильные — их производство адаптировано к одному сегменту рынка [7]. Все это негативно влияет на мобильность трудовых ресурсов: население большей части моногородов привязано к своим местам проживания, не имеет стимулов для саморазвития и активности, вследствие чего возможности для восстановления его потенциала нет. Из-за малой экономической привлекательности число жителей моногородов не растет, институты социализации городского

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса».

собствующей совершенствованию правовой базы, создающей благоприятные условия для развития «телезанятости» (*Teleemployment*) [7].

Таким образом, в процессе становления информационной экономики можно выделить ряд проблем в сфере занятости, связанных с размыванием традиционных социально-трудовых отношений, ослаблением правовой защиты занятых в информационном бизнесе, требующих адекватной реакции общества и государства.

Список источников

1. Гаузнер Н. Д. Теория постиндустриального общества и современный капитализм. М. Ж Знание, 1979.

2. ИТ-рынок УрФО. Доклад на V Уральском ИТ-Форуме. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.acsit.ru/analitika.shtml>

3. Николаева Т. П. Инновационный характер экономической структуры в постиндустриальном обществе // Инновации. 2001. № 9-10. С. 38.

4. Опалева О. И. О некоторых современных изменениях на рынке труда // Финансы. Дайджест. 2004. № 1. С. 41-45.

5. Методология оценки влияния социальной ответственности бизнеса на экономику регионов России : сб. науч. тр. / Под ред. д. э. н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 195 с.

6. Опыт США в развитии домашней занятости и в трудоустройстве инвалидов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.giac.ru/content/document_r_2665547E-325E-4032-A7A9-CE2AA1F1686C.html (дата обращения 10.01.11).

7. Стрелец И. А. Новая экономика и информационные технологии. М.: Издательство «Экзамен», 2003, С. 774.

8. Транспортная стратегия Российской Федерации. Основные гипотезы развития отраслевых систем. Машиностроение // Сайт Министерства транспорта РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mintrans.ru/pressa/TransStrat_Trans_Econom_Balance_3_5_1.htm

9. Russia and Slovakia: modern tendencies of demographic and socioeconomic processes / General Editor: Academician Tatarkin A. I. Ekaterinburg: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Ural Branch. Yekaterinburg: Institute of Economics Ural Branch Academy of Sciences, 2009. 218 p.

УДК: 331.1

ключевые слова: сетевая экономика, ИТ-рынки, Интернет, телезанятость, индивидуализация трудовых отношений

РАЗДЕЛЕНИЕ РОССИИ НА 20 АГЛОМЕРАЦИЙ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ УТОПИЯ?¹

А. В. Патрушев

В статье дан анализ проекта концепции территориального переустройства России посредством ее разделения на 20 агломераций, предложенной Правительством РФ и Администрацией Президента РФ. Определены проблемы в реализации данной концепции и предложены направления их решения.

Не так давно Правительство РФ и Администрация Президента РФ обнародовали концепцию территориального переустройства России посредством разделения ее на 20 агломераций. Суть концепции заключается в том, чтобы полностью поменять административное деление страны — вместо 83 субъектов Федерации создать 20 крупных агломераций с населением более 1 млн чел. Необходимость данной реформы объясняется тем, что нынеш-

няя территориальная организация Российского государства несовершенна — территориальные органы федеральных органов власти находятся не там, где нужно, а существующие лимиты на предельную численность сотрудников, оптимизация сети школ, поликлиник, больниц, почты, отделений Сбербанка объективно снижают качество жизни на сельских территориях и в малых городах. [2]

Сейчас 90% городов России — это небольшие города с населением до 100000 человек. Хуже всего то, что половина из них монопрофильные — их производство адаптировано к одному сегменту рынка [7]. Все это негативно влияет на мобильность трудовых ресурсов: население большей части моногородов привязано к своим местам проживания, не имеет стимулов для саморазвития и активности, вследствие чего возможности для восстановления его потенциала нет. Из-за малой экономической привлекательности число жителей моногородов не растет, институты социализации городского

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса».

типа (школы, институты, театры, музеи) почти отсутствуют, либо находятся в состоянии глубокого упадка [2]. За последние годы количество малых городов сократилось на 20000. Поэтому, как сказано в документе, бесперспективно развивать малые города. Надо идти другим путем: создать общие условия для ускоренной миграции населения из монопрофильных городов в большие, и таким образом обеспечить перевод процесса урбанизации на качественно иную основу [5].

В настоящее время, как подчеркивается в Концепции, агломерации формируются стихийно, что приводит к различным диспропорциям, границы агломераций не соответствуют существующему административному делению [6]. Горожане уже давно сами расселяются по экономическим законам, но этот процесс необходимо институализировать.

В проекте предлагается координировать планы территориального и инфраструктурного развития, упростить миграционный режим, создать единую скоростную систему общественного транспорта, вынести производства за пределы городских центров, переселить часть людей в пригороды, сформировать общее торговое пространство. [3]

Попробуем разобраться, насколько эффективна и вообще реальна данная концепция.

Агломерация — компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенных в динамичную систему многообразными связями. Фундаментальные свойства таких группировок — сближенность составляющих ее поселений и их функциональная взаимодополняемость. Агломерации являются ключевыми формами современного расселения в большинстве стран мира. Их формирование знаменует урбанистический переход, произошедший в XX в. [4].

Речь идет о взаимовыгодном союзе крупного города с малыми и средними. Города и поселки-спутники дают возможность крупному городу-центру сосредоточиться на выполнении его исторической миссии — служить очагом нового, двигателем общественного прогресса. Спутники, в свою очередь, опираются на города-центры в своем развитии и функционировании. [8]

Данный подход, заложенный в проекте, представляется весьма эффективным в отношении густонаселенных территорий, таких как центральная Россия, Юг Российской Федерации, средний и южный Урал. И в то же

время если проект предусматривает заменить существующие субъекты Федерации на 20 больших агломераций, невольно возникает вопрос: каким образом будут существовать остальные территории нашего огромного государства. Речь идет, прежде всего, о северных территориях (ХМАО, ЯНАО), а так же восточной части страны (Республика Якутия (Саха), Камчатка и т. д.).

Для примера рассмотрим Ханты-Мансийский автономный округ — Югру. На территории данного субъекта проживает всего около 1,5 млн чел., а среднее расстояние между городами примерно 300 км. Между городами округа существует довольно хорошая сеть автомобильных дорог, и все равно дорога до ближайшего города занимает не менее 2-3 часов. Железнодорожное сообщение между городами есть, но далеко не во всех населенных пунктах. Устранить такой недостаток не представляется возможным в силу природно-климатических условий. Авиаперевозки не являются дешевым способом передвижения населения. Таким образом, образование агломерации на данной территории не представляется возможным. Возникает еще один вопрос — как будет осуществляться управление данными территориями?

Мэр Москвы Сергей Семенович Собянин, в прошлом губернатор Тюменской области, когда-то высказывал точку зрения о том, что на Севере надо работать только вахтой. Тогда строить города, развивать промышленность, сельское хозяйство неэффективно и дорого, как говорил Собянин [9].

Данный метод тоже не является решением, т. к. на обсуждаемых территориях все равно должны оставаться объекты, обеспечивающие жизнедеятельность рабочих и хоть какую-то инфраструктуру (аэропорты, вокзалы, больницы, почта, телекоммуникации и т. д.). Кто будет работать на эту инфраструктуру?

Практика уже показала, что работа вахтовым методом неблагоприятно влияет на здоровье человека. Долгие постоянные переезды, акклиматизация, высокий процент пьянства среди рабочих вахтовым методом — все это приводит к ранней смертности. Нельзя забывать еще тот фактор, что работник, уезжая на вахту, оставляет свою семью на длительный срок, что зачастую приводит к конфликтам в семье, стрессам и, как следствие, к разводам. Это, в свою очередь, приводит к негативной демографической ситуации. Следовательно, переселение жителей се-

верных территорий в районы с более благоприятным климатом и работа вахтовым методом не решают вопрос, как быть с территориями с низкой плотностью населения при разделении страны на 20 крупных агломераций.

Воплощение проекта по замене 83 регионов на 20 агломераций может повлечь за собой волнения населения, которое необходимо будет переселить в города-спутники больших агломераций. Так уж повелось, русский человек по своей природе консервативен и не готов к переменам. Многие захотят остаться в том месте, где провели большую часть своей жизни, независимо от условий проживания, только потому, что они привыкли.

Статья 1 Конституции РФ гласит «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [1]. Разделение страны на 20 агломераций означает смену формы государственного устройства с федеративной на унитарную. Готова ли Россия стать унитарным государством? Для этого необходимо изменить Конституцию РФ — главный закон, для чего, в свою очередь, необходимо провести референдум. А это значит, что если большое количество граждан будет неудовлетворенно проектом, то он обречен на неудачу.

Помимо Конституции, для реализации проекта необходимо будет провести огромный ряд других изменений: разработка нового законодательства, сокращение большого числа чиновников, определение границ агломераций, назначение новых должностей и компетенций и т. д. Все эти процессы потребуют огромных материальных затрат. Так как мы живем при дефиците государственного бюджета, возникает вопрос о том, где изыскать средства на воплощение в жизнь данного проекта.

Учитывая все вышесказанное, необходимо все-таки отметить, что потребность России в развитии агломераций остается весьма актуальной, но не на всей территории. Крупные города сохраняют и усиливают роль локомотивов социально-экономического развития. Эффективной формой их функционирования и модернизации предстают агломерации. Они помогут всестороннему обновлению городов-центров, усилят их значение как баз регионального развития и узлов межрайонного взаимодействия. Напомним, что около 70% наукоградов, обладающих уникальным интеллектуальным потенциалом, составляют спутники центров-лидеров. В агломерациях наукограды

находят наилучшие условия для успешной деятельности. [4]

В условиях России с ее гигантскими пространствами и расстояниями агломерации особенно востребованы. Благодаря им осуществляется эффективное экономическое сжатие территории там, где это территориально возможно. В них концентрируются важнейшие объекты промышленности, науки, образования, культуры, рекреации. Благодаря сближенности в агломерациях этих взаимодействующих объектов повышается доля ближних связей, замыкающихся в территориально небольших агломерационных ареалах. Это дает значительный социальный и экономический эффект. [4]

Таким образом, создание агломераций действительно может быть эффективным инструментом в повышении уровня социально-экономического развития страны, но не в виде смены государственного устройства и административного деления, а в виде программы развития городов-центров и территорий, непосредственно прилегающих к ним. Агломерации необходимо наделить большими полномочиями и компетенцией, чем на данный момент имеют города-«локомотивы». Субъекты Федерации необходимо оставить без изменений. Возможно некоторое изменение границ субъектов, в соответствии с разрастающимися агломерациями, и принадлежностью городов-спутников к конкретным агломерациям.

Предложенный вариант развития поможет сэкономить огромные средства, которые можно будет направить на обеспечение той самой инфраструктуры, необходимой в созданных агломерациях (система скоростных дорог, больниц, образования, вынос производства за пределы города и т. д.). Такие вложения в любом случае себя оправдают: строительство инфраструктуры потребует создания новых рабочих мест, соответственно, снизится уровень безработицы, улучшится коммуникация между населенными пунктами (в т. ч. между монопрофильными городами и городами-центрами), расширится рынок труда, рынок товаров и услуг. Этот процесс значительно ускорит создание агломераций. А отдаленные территории с низкой плотностью населения, как и прежде, будут эффективно управляться федеральными органами субъектов Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. [Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года] // Российская газета. 1993. 25 декабря. С. 1.

2. Бирюков С. Проект «20 агломераций». Шанс для провинциальной России? // Агентство политических новостей. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article23519.htm> (дата обращения: 15.12.2010).

3. Гликин М. Цифра недели. 20 агломераций // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/249752/20_aglomeracij (дата обращения: 23.12.2010).

4. Лаппо Г. Городские агломерации СССР-России. Особенности динамики в XX в // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4-5(22).

5. Медведев придумал предвыборный проект — перекрасить карту России: в стране вместо 83 регионов будет 20 агломераций с центрами-трехмиллионниками. Суть идеи и схема // Российское информационное агентство URA.ru. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/content/svrd/16-11-2010/news/1052122042.html> (дата обращения 06.01.2011).

6. Медведеву предложили заменить 83 региона на 20 агломераций // Lenta.ru. 2010. [Электронный ресурс] URL:

<http://lenta.ru/news/2010/11/16/territory/> (дата обращения 01.12.2010).

7. Полунин А. Путь России. Модернизация закончится агломерацией // Свободная пресса. [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/33929/> (дата обращения 10.12.2010).

8. Пространственная организации социально-трудовых систем. Генезис и проблемы развития / Отв. ред. Козлова О. А., Шаймарданов Н. З., Шеломенцев А. Г., Бедрина Е. Б. и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.

9. Ярославова С. Собянин смеется последним // Вечерняя Тюмень. 2004. №19.

УДК 332.12

ключевые слова: агломерация, административное деление, инфраструктура, города-центры, города-спутники, эффективность, социально-экономическое развитие

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ТРАНСПОРТА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА¹

Л. В. Роцин, Ю. Н. Гольская

В статье рассматриваются отраслевой и социально-экономический подходы к формированию и развитию транспортного комплекса. Представлены особенности социально-экономического подхода, позволяющие выявить социальные параметры транспортного комплекса и факторы, определяющие влияние транспорта на социально-экономическое развитие региона. Указанные факторы характеризуются показателями. На основе анализа показателей влияния транспортного комплекса на социально-экономическое развитие региона определяется роль транспорта в экономике территории.

Одной из важнейших составляющих экономики любого региона является инфраструктура, в которой особую роль играет транспортный комплекс. Он оказывает активное воздействие на формирование территориальных пропорций социально-экономического развития региона. Такие показатели, как грузооборот и пассажирооборот транспорта и плотность путей сооб-

щения, являются одними из основных в оценке общего социально-экономического положения различных регионов.

В настоящее время можно выделить два основных подхода к формированию и развитию транспортного комплекса:

— *отраслевой подход*, при котором развитие транспорта считается средством повышения эффективности функционирования экономики. Такого мнения придерживаются В. Н. Лившиц, А. А. Митаишвили и др. Вопросам формирования и развития региональных транспортных систем посвящены работы Р. Г. Леонтьева, А. П. Батурина, М. А. Гасанова, Б. М. Шафиркина, в которых комплексно исследуются взаимосвязи различных отраслей народного хозяйства с развитием транспорта [2, с. 6];

— *социально-экономический подход*, при котором создание и развитие транспортной сети рассматриваются как важные составляющие обеспечения устойчивого развития регионов и страны в целом.

Авторы статьи подходят к исследованию роли влияния транспорта на развитие региона с точки зрения социально-экономического подхода. Это позволяет диагностировать и прогнозировать развитие транспортных коммуни-

¹ Публикация выполнена в рамках Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН. Интеграционный проект № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции»

2. Бирюков С. Проект «20 агломераций». Шанс для провинциальной России? // Агентство политических новостей. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article23519.htm> (дата обращения: 15.12.2010).

3. Гликин М. Цифра недели. 20 агломераций // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/249752/20_aglomeracij (дата обращения: 23.12.2010).

4. Лаппо Г. Городские агломерации СССР-России. Особенности динамики в XX в // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4-5(22).

5. Медведев придумал предвыборный проект — перекрасить карту России: в стране вместо 83 регионов будет 20 агломераций с центрами-трехмиллионниками. Суть идеи и схема // Российское информационное агентство URA.ru. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://ura.ru/content/svrd/16-11-2010/news/1052122042.html> (дата обращения 06.01.2011).

6. Медведеву предложили заменить 83 региона на 20 агломераций // Lenta.ru. 2010. [Электронный ресурс] URL:

<http://lenta.ru/news/2010/11/16/territory/> (дата обращения 01.12.2010).

7. Полунин А. Путь России. Модернизация закончится агломерацией // Свободная пресса. [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/33929/> (дата обращения 10.12.2010).

8. Пространственная организации социально-трудовых систем. Генезис и проблемы развития / Отв. ред. Козлова О. А., Шаймарданов Н. З., Шеломенцев А. Г., Бедрина Е. Б. и др. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010.

9. Ярославова С. Собянин смеется последним // Вечерняя Тюмень. 2004. №19.

УДК 332.12

ключевые слова: агломерация, административное деление, инфраструктура, города-центры, города-спутники, эффективность, социально-экономическое развитие

СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ТРАНСПОРТА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА¹

Л. В. Роцин, Ю. Н. Гольская

В статье рассматриваются отраслевой и социально-экономический подходы к формированию и развитию транспортного комплекса. Представлены особенности социально-экономического подхода, позволяющие выявить социальные параметры транспортного комплекса и факторы, определяющие влияние транспорта на социально-экономическое развитие региона. Указанные факторы характеризуются показателями. На основе анализа показателей влияния транспортного комплекса на социально-экономическое развитие региона определяется роль транспорта в экономике территории.

Одной из важнейших составляющих экономики любого региона является инфраструктура, в которой особую роль играет транспортный комплекс. Он оказывает активное воздействие на формирование территориальных пропорций социально-экономического развития региона. Такие показатели, как грузооборот и пассажирооборот транспорта и плотность путей сооб-

щения, являются одними из основных в оценке общего социально-экономического положения различных регионов.

В настоящее время можно выделить два основных подхода к формированию и развитию транспортного комплекса:

— *отраслевой подход*, при котором развитие транспорта считается средством повышения эффективности функционирования экономики. Такого мнения придерживаются В. Н. Лившиц, А. А. Митаишвили и др. Вопросам формирования и развития региональных транспортных систем посвящены работы Р. Г. Леонтьева, А. П. Батурина, М. А. Гасанова, Б. М. Шафиркина, в которых комплексно исследуются взаимосвязи различных отраслей народного хозяйства с развитием транспорта [2, с. 6];

— *социально-экономический подход*, при котором создание и развитие транспортной сети рассматриваются как важные составляющие обеспечения устойчивого развития регионов и страны в целом.

Авторы статьи подходят к исследованию роли влияния транспорта на развитие региона с точки зрения социально-экономического подхода. Это позволяет диагностировать и прогнозировать развитие транспортных коммуни-

¹ Публикация выполнена в рамках Целевой программы УрО РАН поддержки междисциплинарных проектов, выполняемых в содружестве с учеными СО и ДВО РАН. Интеграционный проект № 09-С-6-1004 «Региональная социально-экономическая политика как инструмент устойчивого экономического роста в условиях экономической интеграции»

каций регионов и их социальных подсистем, учитывая влияние на них последствий формирования транспорта.

Особенности социально-экономического подхода заключаются в следующем:

- в максимальном качественно-количественном учете социальных последствий формирования и развития транспортного комплекса, определяемых социально-экономической категорией «качество жизни»;

- социально-экономический аспект создания транспортной сети включает необходимость системного рассмотрения трех взаимосвязанных элементов: возможностей использования трудовых ресурсов, обеспечения нормальных условий труда и создания нормальных социально-бытовых условий жизни за счет развития инфраструктуры.

Выявленные социальные параметры транспортного комплекса основываются на приоритетности качества жизни людей, а не производственной специализации. К ним относятся:

- устойчивое и доступное для большинства населения пассажирское сообщение;
- мобильность населения;
- создание условий для развития системы расселения;
- создание дополнительных рабочих мест;
- доступность для населения транспортных услуг.

В ходе исследования выделены факторы, влияющие на уровень социально-экономического развития регионов.

Факторы, определяющие влияние транспорта на социально-экономическое развитие регионов (предпринимательский, инвестиционный, институциональный, финансовый, экономический, социально-трудовой). Эти факторы позволяют обеспечить повышение качества жизни населения, увеличение уровня национальной безопасности, обеспечение высоких темпов устойчивого экономического роста и создание потенциала для будущего развития, что отражается на основных параметрах жизнедеятельности региона, включая экономический рост, доходы населения, правопорядок и общественную безопасность, здоровье населения, образование, культуру, физическую культуру и спорт, жилищно-коммунальное хозяйство, доступность и качество жилья, государственное и муниципальное управление.

Социально-экономическое развитие регионов характеризуется степенью достижения стратегических целей государственной политики и

приоритетов регионального развития. Поэтому оценка влияния факторов, определяющих влияние транспорта на социально-экономическое развитие регионов может производиться на основе анализа показателей, отражающих достижение стратегических целей. Приоритеты регионального развития Российской Федерации определены в Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанной Министерством регионального развития Российской Федерации [1].

Социально-трудовой фактор характеризуется уровнем развития социально-трудового потенциала территории, включая систему подготовки кадров транспортных предприятий, а также экономической активностью населения.

Данный фактор характеризуется следующими показателями:

- уровень экономической активности населения;
- численность работников, занятых на железнодорожных предприятиях;
- уровень среднемесячной заработной платы работников железнодорожного транспорта;
- уровень затрат на подготовку и переподготовку кадров на железнодорожных предприятиях;
- уровень квалификации работников на железнодорожных предприятиях.

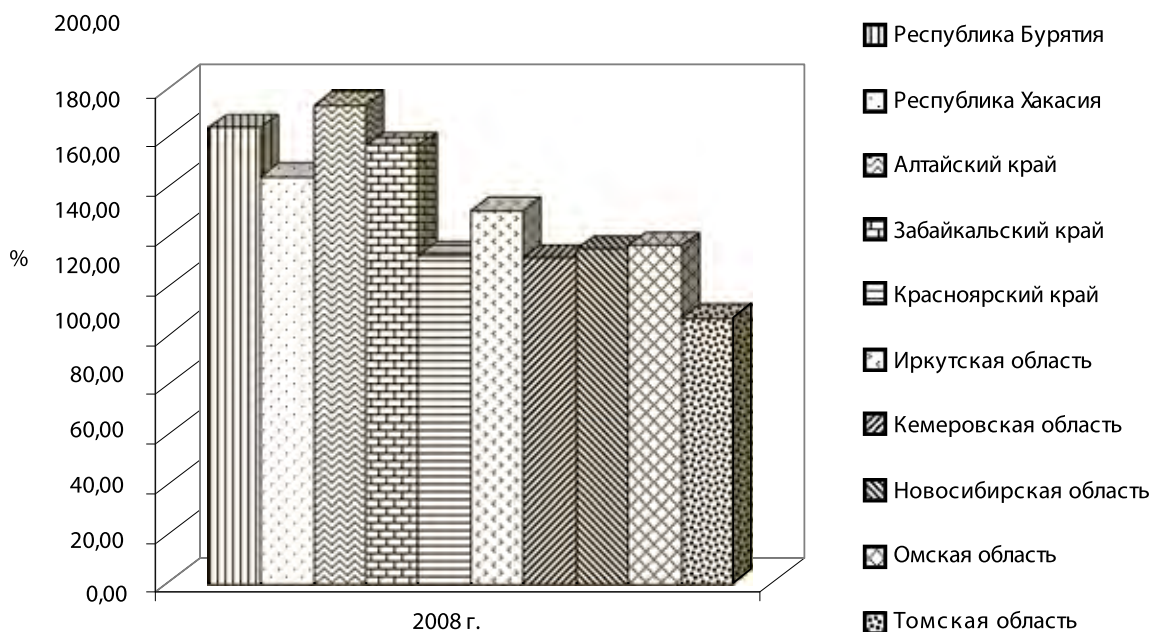
Экономический фактор определяется уровнем конкурентоспособности транспортных предприятий, а также уровнем доходности их деятельности.

Данный фактор характеризуется следующими показателями:

- доля добавленной стоимости железнодорожных предприятий в общем объеме добавленной стоимости в регионе;
- объемы грузовых и пассажирских перевозок железнодорожным транспортом.

Для оценки влияния транспортного комплекса на регион проведен анализ состояния транспортного комплекса в экономике и социальной сфере региона [3]. Поэтому была сформирована информационная база из показателей, характеризующих развитие транспортного комплекса в социально-экономическом развитии субъектов Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ. Информационная база содержит базовые и расчетные показатели, основанные на официальной статистике (материалы органов государственной статистики (Росстата)) [6, с. 663].

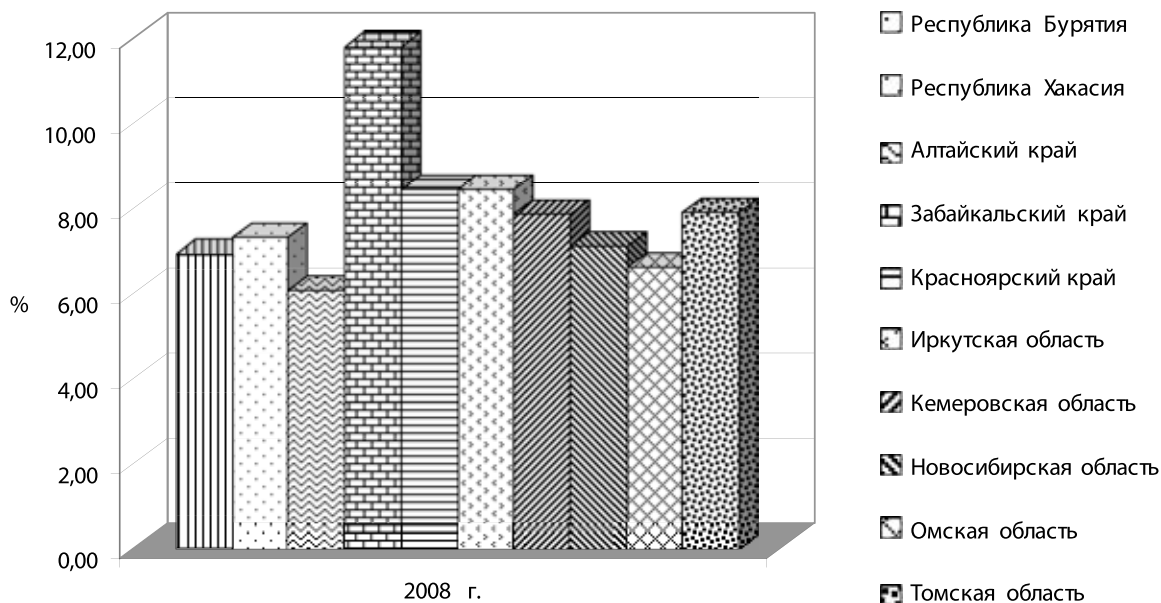
Рис. 1. Доля среднемесячной заработной платы работников железнодорожных предприятий по субъектам РФ Сибирского федерального округа к региональному уровню в 2008 г.

За 2008 г. высокий уровень заработной платы выявлен в республике Бурятия, наименьший уровень среднемесячной заработной платы по сравнению с региональной заработной платой – в Томской области (рис. 1).

Сибирский федеральный округ обладает достаточно высоким трудовым потенциалом. На территории округа проживает 10,2% экономически активного населения России. Уровень экономической активности в округе выше, чем в среднем по Российской Федерации. В 2008 г. наибольшая среднегодовая численность занятых на предприятиях транспорта наблюдается

в Забайкальском крае, что составляет 58292 человека, или 11,81% от экономически активного населения в регионе. Наименьший удельный вес работающих на предприятиях транспорта к региональному объему отмечен в Алтайском крае (рис. 2). В Алтайском крае в транспортной отрасли занято 67127 человек, что составляет 6,09% от экономически активного населения региона.

Транспортная система полностью обеспечивает спрос экономики и населения на железнодорожные перевозки. Пассажирский железнодорожный транспорт стратегически значим ввиду относительно низкой стоимости перево-

Рис. 2. Доля работников занятых на железнодорожных предприятиях к объему работающих в регионе

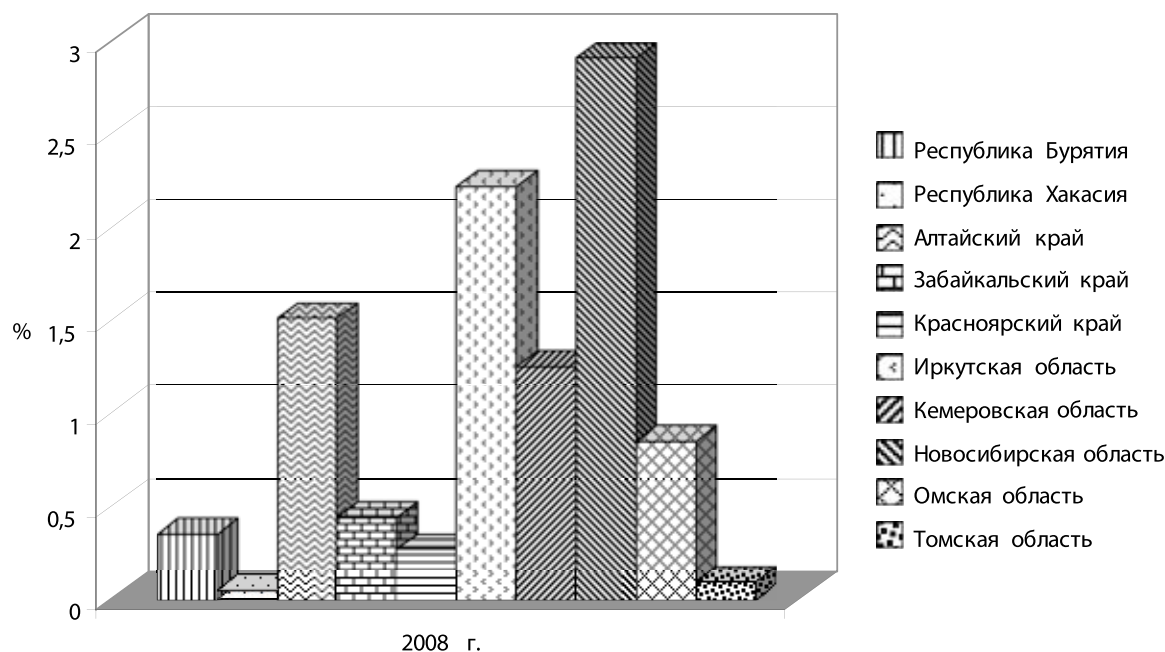

Рис. 3. Доля отправления пассажиров по субъектам РФ Сибирского федерального округа к общему объему по РФ

зок. Железные дороги являются единственным доступным способом перемещения большинства населения по стране.

Отправление пассажиров является важнейшим индикатором социального уровня населения [4]. Услугами железнодорожного транспорта в Сибирском федеральном округе воспользовались 128662 тыс. чел. Наибольшая доля отправок пассажиров приходится на Новосибирскую область (2%), Иркутскую область (2%), Алтайский край (1%) (рис. 3).

Показатели, характеризующие экономический и социально-трудовой факторы представлены в динамике за период с 2007 по 2009 гг., что позволяет выделить положительные и отрицательные тенденции в уровне социально-экономического развития регионов. Информация анализируется в целом по десяти субъектам Федерации, входящим в Сибирский федеральный округ и имеющим развитую железнодорожную сеть (табл.).

Доля численности занятых на транспортных предприятиях региона снизилась в республике Бурятия, Иркутской области. Данное снижение связано с высвобождением работников хозяйственной части на железнодорожных предприятиях. В тоже время во многих субъектах РФ Сибирского федерального округа в 2007–2009 гг. наблюдается снижение объемов отправления пассажиров железнодорожным транспортом.

По всем регионам СФО заработная плата работников железнодорожного транспорта выше,

чем в среднем по региону, так как индексация заработной платы на железной дороге происходит ежеквартально. Уровень заработной платы на железнодорожных предприятиях по отношению к региональной в 2009 г. возрос.

В настоящее время транспорт является основой обеспечения сырьевой безопасности; рычагом подъема многих отраслей промышленности с выравниванием промышленного потенциала по территории региона, образованием массовых рабочих мест на транспорте, в смежных и родственных отраслях; инициатором и проводником технологического прорыва страны; фактором повышения и выравнивания качества жизни населения по регионам, сокращения демографической асимметрии между азиатской и европейской частями страны; гарантом военной безопасности; основой для лидирующего положения России в формировании общей транспортной системы евро-азиатского континента [5, с. 9].

Транспорт как элемент экономической системы обладает свойством мощного катализатора. Он непосредственно или косвенно повышает уровень производственной и коммерческой активности во всех сферах практической деятельности, дает возможность повысить масштабы производства, освоить новые территории и включить в оборот новые ресурсы, позволяет связать производственные структуры и товарные рынки. Более того, деловая активность людей в огромной степени зависит от личных контактов, которые им необходимо поддержи-

Показатели влияния транспортного комплекса на социально-экономическое развитие субъектов Сибирского федерального округа в 2007–2009 гг., %

Регион	Социально-трудовой фактор						Экономический фактор		
	Уровень среднемесячной заработной платы работников железнодорожного транспорта к региональному уровню			Доля работников занятых на транспортных предприятиях к региональному уровню			Доля объемов отправления пассажиров железнодорожным транспортом в регионе к общему объему по РФ		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Республика Бурятия	189,25	181,75	190,8	7,49	6,94	6,01	0,34	0,35	0,27
Республика Хакасия	171,88	161,65	169,2	7,30	7,35	7,51	0,08	0,05	0,04
Алтайский край	210,44	190,97	192,4	6,00	6,09	6,56	1,54	1,51	1,38
Забайкальский край	176,74	174,78	188,1	11,69	11,81	11,39	0,46	0,44	0,38
Красноярский край	130,61	129,69	136,4	9,06	8,84	8,95	1,20	0,27	0,22
Иркутская область	150,28	147,93	176,1	8,70	8,47	7,87	2,22	2,22	1,97
Кемеровская область	135,62	129,20	140,4	7,73	7,86	8,22	1,39	1,25	1,04
Новосибирская область	150,82	133,64	141,5	7,06	7,11	7,21	2,94	2,91	2,84
Омская область	138,11	134,85	140,6	6,41	6,63	6,67	0,91	0,91	0,63
Томская область	115,61	107,38	109,3	7,89	7,92	7,90	0,10	0,09	0,09

вать для ведения бизнеса, культурного и научного общения.

Обладая свойством катализатора, транспорт как многоэлементная система оказывает положительный синергетический эффект. Развитие его дает импульс интенсивному развитию экономики региона на основе активного вовлечения в хозяйственный оборот различных природных ресурсов, делает их экономически доступными, повышает мобильность трудовых ресурсов.

Большую роль транспорт играет в функционировании жизнеобеспечивающих отраслей и предприятий городов и регионов: в энергетике, коммунальном хозяйстве, в сфере обеспечения общественной безопасности. В этом заключается социальное значение транспорта.

Список источников

1. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Министерство регионального развития. [Сайт]. URL: <http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?DocID=136&PageID=148>

2. Леонтьев Р. Г. Формирование единой региональной транспортной системы. Программно-целевой подход. М.: Наука, 1987. 151 с.

3. Механизмы оценки влияния социальной ответственного бизнеса на устойчивое развитие регионов России / Под ред. д.э.н. Е. Л. Андреевой. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 243 с.

4. Оценка качества экономического роста региона с учетом противоречий воспроизводства человеческого потенциала / Шеломенцев А.Г., Кузьмин А.И., Андреева Е.Л., Козлова О.А., Нифантова Р.В., Полкова Т.В., Косьмин И.Ф. и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 179 с.

5. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. №2094-р «Стратегия социально-экономического развития Дальнего востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://правительство.рф/gov/results/9049/>

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 : стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.

УДК 338.47(1)

ключевые слова: социальная сфера, социально-экономическое развитие, транспортный комплекс, железнодорожный транспорт, уровень жизни населения

МЕЖДУНАРОДНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

А. А. Носов

В статье рассматривается комплекс миграционных связей Свердловской области. На основании изученной литературы проведен анализ местоположения области в миграционной структуре России и УрФО. Дана оценка динамики миграционных процессов в области.

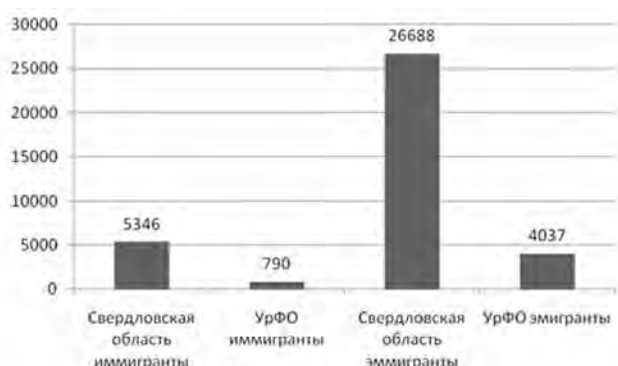
В современном мире все более и более актуальной становится проблема миграции населения. Также становится актуальной проблема определения эффективности распределения миграционных потоков на уровне государства в целом и его отдельных субъектов в частности. Анализ потоков миграции, а также их корректировка путем совершенствования законодательства становятся залогом сохранения человеческих популяций, численности и половозрастной структуры общества.

Как утверждает на страницах demoscope.ru кандидат экономических наук Екатерина Щербакова [6], миграционный прирост в России в ближайшее время может увеличиться до 540 тысяч человек или стабилизироваться на уровне около 270 тысяч в год. Наиболее вероятный сценарий миграции получен на основе среднеарифметических значений низкого и высокого вариантов миграции, он обосновывается перспективой умеренного роста иммиграции в Россию, прежде всего из стран — традиционных миграционных доноров, хотя возможно и появление новых миграционных партнеров. Стимулом для роста миграции будет растущий дефицит рабочей силы на рынке труда, что в сочетании с ростом благосостояния населения приведет к увеличению миграционной привлекательности России. Величина миграционного прироста возрастет до 414 тысяч человек в 2030 г. В связи с нарастающей величиной миграции несложно предположить, что основная масса проблем, связанных с мигрантами, ляжет на плечи администраций субъектов Российской Федерации [4]. При вышеуказанном прогнозе наиболее актуальным становится вопрос миграционных связей регионов в целом, и Среднего Урала в частности. Анализ миграционных свя-

зей региона поможет в будущем определять потребности в рабочей силе и ее квалификации, заранее знать, откуда стоит ждать специалистов или соотечественников, возвращающихся на родину. Становится возможным определение комплекса адаптационных мер для мигрантов, разработка механизмов комплексной и адресной помощи, создание долгосрочных демографических прогнозов и демографических программ в регионе, определение необходимых направлений взаимодействия между органами региональной и федеральной власти [3].

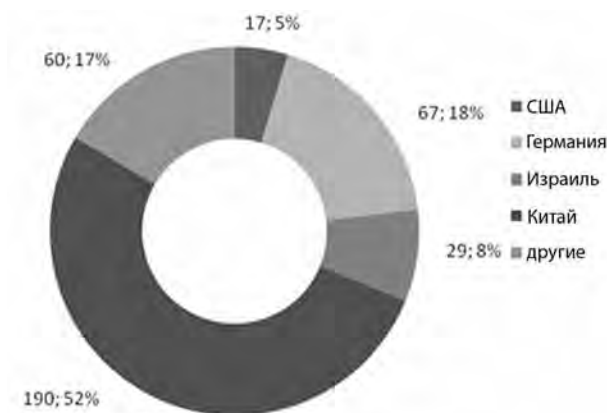
По данным Федеральной службы государственной статистики России за 2009 г., Уральский федеральный округ занимает 4-е место среди федеральных округов по миграционный приросту населения. Коэффициент миграции в УрФО составляет порядка 13 человек на 10000 человек. По данным Росстата (ГКС), на 2009 г. число прибывших в Свердловскую область иммигрантов из-за рубежа составляет 5346 человек, ушедших же 790 человек. По тем же данным, в УрФО в 2009 году прибыло 26688 человек, а убыло же 4037 человек (рис. 1). [2] Таким образом, можно сделать вывод о том, что среди субъектов УрФО Свердловская область является привлекательным для мигрантов регионом 20,0% в 2009 г.

В Уральском федеральном округе (при общей численности субъектов ФО в количестве 5) одним из субъектов, находящихся в поле интереса мигрантов, является Свердловская область. Это связано, в первую очередь, с тем, что на территории области находится и развивается ряд высокотехнологичных предприятий, работа которых невозможна без создания высококлас-

Рис. 1. Соотношение миграции в Свердловской области и УрФО за 2009 год по данным ГКС

¹ Публикация подготовлена в рамках и при финансовой поддержке гранта РГНФ 10-02-83230 а/У «Социально-демографическое прогнозирование городов индустриального Севера Среднего Урала».

Рис. 2. Распределение прибывших мигрантов по странам (без учета республик бывшего СССР), въехавших на территорию Свердловской области в 2009 г.

сного коллектива специалистов, с международной квалификацией [1].

Основными внешнеторговыми партнерами области выступают США, Нидерланды, Германия, Индия, Китай, Казахстан. Инвестиционной привлекательности региона способствует проведение традиционной международной выставки вооружений в Нижнем Тагиле, ежегодного Российского экономического Форума в Екатеринбурге, различных фестивалей, турниров и других мероприятий российского и международного масштаба [1]. Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что область является не только инвестиционно привлекательным регионом, но и регионом, привлекательным для мигрантов, и накопила свой набор миграционных связей с зарубежными партнерами. В 2009 г. на территорию Свердловской области прибыло 5346 иностранца в том числе: из стран СНГ и Балтии прибыло 4984 человека, а из других зарубежных стран — 362 человека. Квота для трудовых мигрантов в 2010 г. для Среднего Урала составляла максимум 100693 человек [5].

Стоит отметить следующие показатели количества прибывших из различных стран (исключая республики бывшего СССР) в 2009 г.: Афганистан — 1, Австралия — 5, Бельгия — 1, Болгария 4, Камерун 1, Канада 6, Китай 190, Чешская Республика 2, Финляндия — 1, Франция — 1, Германия — 67, Индия — 1, Иран, Исламская Республика — 1, Израиль — 29, Италия — 4, Ливан — 2, Польша — 2, Португалия — 1, Саудовская Аравия — 1, Словакия — 1, Вьетнам — 7, Испания — 2, Швейцария — 1, Сирийская Арабская Республика — 3, Объединенные Арабские Эмираты — 2, Турция — 3, Египет —

2, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии — 4, США — 17. Также стоит отметить, что число прибывших в Свердловскую область людей из стран, исключая республики бывшего СССР, в 2009 г. стало больше на 19% (362 чел.), чем было в 2008 г. (291 чел.). Наиболее часто на Урал приезжают представители таких стран, как Китай, Германия, Израиль и США. Как правило, это высококвалифицированные специалисты, имеющие высокий уровень дохода, занятые в высокотехнологическом производстве и не нарушающие миграционное законодательство Российской Федерации. На данный момент доля наукоемких производств в Свердловской области превышает средне российский уровень на 3%, в технопарках региона работает почти 4 тыс. чел. [1].

Исходя из предоставленного материала можно предположить, что в связи с уменьшением влияния мирового кризиса миграционные процессы в Свердловской области выйдут на докризисный уровень и динамика миграции с каждым годом будет проявляться все заметней и заметней, и, возможно, в скором будущем количество мигрантов из Китая, Германии, Израиля и США превысит количество мигрантов — выходцев из бывшего СССР. Также не исключено, что к списку из вышеупомянутых стран присоединятся Италия, Канада, Болгария и Австрия. Несмотря на кризис в 2009 году уровень международной миграции в область увеличился на 19%, что говорит о высокой миграционной привлекательности региона. В связи с нарастающим объемом притоком мигрантов в принимающий социум [4] все более актуальной становится задача определения миграционного потенциала региона [8, 9]. Следует согласиться с тем, что в УрФО будут интенсивно формироваться новые миграционные системы.

Список источников

1. Александр Мишарин: «Развитие технопарков — ключевая задача на пути к «умной экономике» // Официальный сайт губернатора Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://amisharin.ru/press/pgl/1268/>
2. Госкомстат России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
3. Демографическая политика в регионе. Проблемы и перспективы: сб. ст. / Под. ред. д.с.н., проф. А. И. Кузьмина. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2010. 196 с.
4. Дмитриев А. В., Подухов Г. А. Принимающий социум. Практики взаимодействия с трудовыми мигрантами // Социс. 2009. №10.
5. Долгов В. Исчерпали квоты // Российская газета. 2009. 17 декабря (№5066).

6. Российский демографический барометр. [Рубрику ведет Екатерина Шербакова] // Демоскоп. Ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0393/barom04.php>

7. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки. // Социс. 2009. №2.

8. Рыбаковский Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социс. 2008. №10.

9. Этнодемографическое развитие Урала в 19–20 вв. Историко-социологический подход / Алферова Е. Ю., Голикова С. В., Епанчинцев С. П., Корнилов Г. Е., Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г.; отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 2000. 104 с.

УДК 314.143 (1)

ключевые слова: миграция, население, миграционный прирост, динамика миграции, миграционные связи

INTERNATIONAL MIGRATION LINKS OF SVERDLOVSK REGION

A. A. Nosov

The complex of migration links of Sverdlovsk region is considered in the article. The analysis of position of the region in the migration structure of Russian Federation and the Ural Federal district is presented based on the available literature data. An estimate of dynamics of migration processes in Sverdlovsk region is given.

The problem of population migration becomes more and more important in the contemporary world. At the same time the problem of determination of the efficiency of migration flows at the level of an individual state and its administrative regions attracts more attention. The correct analysis of migration flows and their correction by means of legislation improvement guarantee conservation of the ethnic, population and sex-age structure of a society.

According to the opinion of doctor of economical sciences Ekaterina Scherbakova [1] the migration gain in Russian in the nearest future may increase to 540 thousands of people and stabilize at the level of about 270 thousands of people per year. The most probable scenario of migration have been obtained on the basis of mean arithmetic values of the low and high variants of migration fluxes. It is based on the perspective of moderate growth of migration rate into Russia first of all from the traditional migration donor countries, though appearance of new migration partners is also probable. The growing labour shortage at the labour market in combination with the increasing population welfare can lead to increase of migration attractiveness of Russia and serve as the major stimulus for migration growth. According to the estimates the migration gain can increase to 414 thousands of people in the year of 2030. With this in mind it is reasonable to assume

that the solution of basic problems related to migrants will be within responsibility of local governments of the administrative regions of Russia [4]. According to the abovementioned forecast the question of analysis of the migration links of regions in general, and, in particular, of the Middle Ural region, becomes of most importance. Analysis of the migration links of the region will help to determine in future the needs in working population, its qualification and predict the flows of entrant and moving out people. It may help in development of adaptation programs for migrants, mechanisms of complex and oriented aid, long-range demographical programs within the region, determination of the required measures for interaction between the regional and federal authorities.

According to the data of the Russian Federal State Statistics Service (FSSS) during the year of 2009 the Ural Federal District (UFD) takes the 4th place for the migration gain among the Russian federal districts. The migration coefficient for the UFD is about 13,41 for 10000 citizens. According to the official FSSS statistical data during the year of 2009 the number of immigrants arrived from abroad to Sverdlovsk region was equal to 5346 persons while the number of the departed persons was equal to 790. According to the same source, in the year of 2009 the number of immigrants arrived from abroad to the UFD was equal to 26688 persons while the number of the departed persons was equal to 4037, see Table 1 [3]. Thus, one can conclude that Sverdlovsk region is the most attractive for immigrants among the 5 UFD subjects with the 20,0% percentage in the year of 2009.

Within the Ural Federal District the high interest of immigrants to Sverdlovsk region is motivated

6. Российский демографический барометр. [Рубрику ведет Екатерина Шербакова] // Демоскоп. Ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0393/barom04.php>

7. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки. // Социс. 2009. №2.

8. Рыбаковский Л. Л. Сравнительная оценка демографического неблагополучия регионов России // Социс. 2008. №10.

9. Этнодемографическое развитие Урала в 19–20 вв. Историко-социологический подход / Алферова Е. Ю., Голикова С. В., Епанчинцев С. П., Корнилов Г. Е., Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г.; отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 2000. 104 с.

УДК 314.143 (1)

ключевые слова: миграция, население, миграционный прирост, динамика миграции, миграционные связи

INTERNATIONAL MIGRATION LINKS OF SVERDLOVSK REGION

A. A. Nosov

The complex of migration links of Sverdlovsk region is considered in the article. The analysis of position of the region in the migration structure of Russian Federation and the Ural Federal district is presented based on the available literature data. An estimate of dynamics of migration processes in Sverdlovsk region is given.

The problem of population migration becomes more and more important in the contemporary world. At the same time the problem of determination of the efficiency of migration flows at the level of an individual state and its administrative regions attracts more attention. The correct analysis of migration flows and their correction by means of legislation improvement guarantee conservation of the ethnic, population and sex-age structure of a society.

According to the opinion of doctor of economical sciences Ekaterina Scherbakova [1] the migration gain in Russian in the nearest future may increase to 540 thousands of people and stabilize at the level of about 270 thousands of people per year. The most probable scenario of migration have been obtained on the basis of mean arithmetic values of the low and high variants of migration fluxes. It is based on the perspective of moderate growth of migration rate into Russia first of all from the traditional migration donor countries, though appearance of new migration partners is also probable. The growing labour shortage at the labour market in combination with the increasing population welfare can lead to increase of migration attractiveness of Russia and serve as the major stimulus for migration growth. According to the estimates the migration gain can increase to 414 thousands of people in the year of 2030. With this in mind it is reasonable to assume

that the solution of basic problems related to migrants will be within responsibility of local governments of the administrative regions of Russia [4]. According to the abovementioned forecast the question of analysis of the migration links of regions in general, and, in particular, of the Middle Ural region, becomes of most importance. Analysis of the migration links of the region will help to determine in future the needs in working population, its qualification and predict the flows of entrant and moving out people. It may help in development of adaptation programs for migrants, mechanisms of complex and oriented aid, long-range demographical programs within the region, determination of the required measures for interaction between the regional and federal authorities.

According to the data of the Russian Federal State Statistics Service (FSSS) during the year of 2009 the Ural Federal District (UFD) takes the 4th place for the migration gain among the Russian federal districts. The migration coefficient for the UFD is about 13,41 for 10000 citizens. According to the official FSSS statistical data during the year of 2009 the number of immigrants arrived from abroad to Sverdlovsk region was equal to 5346 persons while the number of the departed persons was equal to 790. According to the same source, in the year of 2009 the number of immigrants arrived from abroad to the UFD was equal to 26688 persons while the number of the departed persons was equal to 4037, see Table 1 [3]. Thus, one can conclude that Sverdlovsk region is the most attractive for immigrants among the 5 UFD subjects with the 20,0% percentage in the year of 2009.

Within the Ural Federal District the high interest of immigrants to Sverdlovsk region is motivated

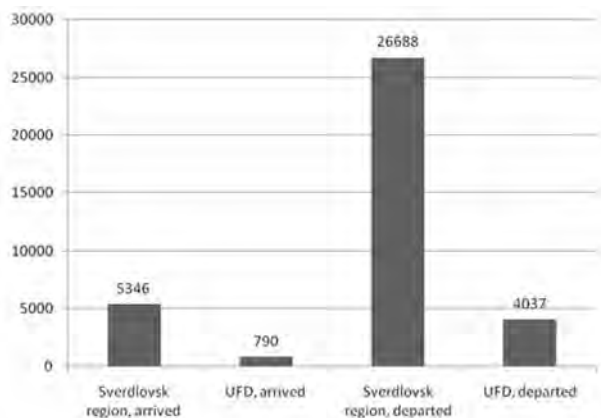

Fig. 1. Relation between migration in Sverdlovsk region and UFD during the year of 2009. The official data of FSSS

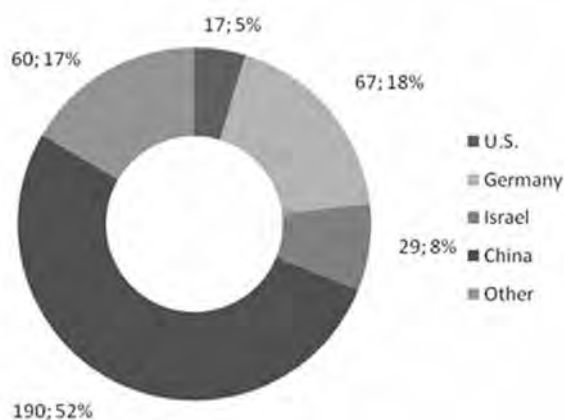

Fig. 2. Distribution of migrants arrived in the year of 2009 at the territory of Sverdlovsk region from the foreign countries (excluding the ex-USSR republics)

firstly by the presence of numerous high-tech enterprises at its territory. Operation of these enterprises is impossible without availability of specialists of high qualification working at the international level [9].

The principal foreign trade partners of Sverdlovsk region are the USA, the Netherlands, Germany, India, China, Kazakhstan. The investment attractiveness of Sverdlovsk region is favored by organization of the traditional International arms exhibition in the city of Nizhny Tagil, the annual Russian economical forum in the city of Ekaterinburg, various festivals and tournaments of the Russian and international scales [2]. Based on the foregoing, one can conclude that Sverdlovsk region is very attractive not only from the investment point of view, but also for migrants. The region had established migration relations with the foreign partners. During the year of 2009 the 5346 persons arrived at the territory of Sverdlovsk region, among them the 4984 persons arrived from the ex-USSR republics and 362 persons arrived from the other foreign countries. For the year of 2010 the maximum quota for labour migrants in Sverdlovsk region was 100 693 persons [10].

According to the official statistics during the year of 2009 the following number of persons arrived from the foreign countries (excluding the ex-USSR republics): Afghanistan – 1, Australia – 5, Belgium – 1, Bulgaria – 4, Cameroon – 1, Canada – 6, China – 190, Czech Republic – 2, Finland – 1, France – 1, Germany – 67, India – 1, Iran – 1, Israel – 29, Italy – 4, Lebanon – 2, Poland – 2, Portugal – 1, Saudi Arabia – 1, Slovakia – 1, Vietnam – 7, Spain – 2, Switzerland – 1, Syria – 3, United Arab Emirates – 2, Turkey – 3, Egypt – 2, Great Britain – 4, USA – 17. The number of immigrants arrived to Sverdlovsk region in the year of 2009 from the foreign countries, excluding ex-USSR republics, increased in comparison with the year of 2008 by 19% (291 and 362 persons, respectively). Among them the greatest number of people arrived from China, Germany, Israel, and USA [6]. As a rule these persons have high qualification with corresponding salary. They do not violate the migration legislation. At present the proportion of the hi-tech industries in Sverdlovsk region exceeds the average Russian level by 3% and about 4 thousand of people work in the industrial parks [10].

From the abovementioned data it is possible to make the conclusion that with decreasing the influence of the world economical crisis the migration processes in Sverdlovsk region can restore to the pre-crisis level and the dynamics of migration will improve with each year. Within the nearest future, probably, the number of migrants from such countries, as China, Germany, Israel, and USA, in total, may overcome the number of migrants from the ex-USSR republics. One can expect that the list of abovementioned countries may include also Italy, Canada, Bulgaria, and Austria. In spite of the world economical crisis, during the year of 2009, the level of international migration to Sverdlovsk region increased by 19%. This fact confirms the high migration attractiveness of the region. Due to the increased volume of the influx of migrants in the receiving society [5], all the more urgent becomes the problem of determining the migration potential of the region [7, 8]. One must agree with the fact that in the region «UFD» will be intensively to forge new immigration system.

References

1. Site Demoscope [electronic resource]. URL: demoscope.ru № 393-394 12-25 October 2009
2. Alexander Misharin. Development of industrial parks - a key challenge towards a "smart economy" // Web site of the Government of Sverdlovsk Region [electronic resource]. URL: <http://www.midural.ru/news/100046/document6935>
3. Alferov, E. J., Golikov, S. V., Yepanchintsev S. P., Kornilov G. E., Kuzmin A. I., Orudzhieva A. G. Ethnodemographical

development of the Urals in the 19-20 centuries. Ekaterinburg 2000. 104 pp.

4. Population policies in the region: problems and prospects / [text]: sb. st. Under. Ed. Doctor of Sociology, prof. A. Kuzmin / Institute of Economics, UB RAS, 2010. 196.

5. Dmitriev A. V., Poduhov G. A. The receiving society: the practice of interaction with immigrants. // Sotsis. 2009. (№ 10)

6. Debt Victor. Have exhausted the quota // Rossiyskaya Gazeta. 2009. December 17 (№ 5066).

7. Rybakovsky L. L. Migration potential. Concept and criteria of evaluation. // Sotsis. 2009. (№ 2)

8. Rybakovsky L. L. Comparative evaluation of a demographic crisis of Russian regions // Sotsis. 2008. (№ 10)

9. Site Goskomstat of Russia [electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru>.

10. Sverdlovsk Oblast Duma website [electronic resource]. URL: <http://www.duma.midural.ru>.

U.D.C. 314.143 (1)

keywords: migration, population, migration gain, migration dynamics, migration links

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕТЕЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАХ¹

Г. И. Лисин

В данной статье изложены основные проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства в регионах, приведены меры по их решению и созданию благоприятных условий для формирования предпринимательских сетей. Определен комплекс мероприятий, направленных на развитие предпринимательских сетей в конкурентной среде. Сформулирована концепция развития данной отрасли экономики.

Жилищно-коммунальное хозяйство является одной из самых прибыльных отраслей экономики во многих развитых странах. С одной стороны, в данном секторе экономики вращаются крупные суммы — это и деньги, которые население платит за услуги жилищно-коммунального хозяйства, и субсидии государства. Кроме того, существует постоянный спрос на услуги компаний, осуществляющих жилищно-коммунальное обслуживание. Неслучайно в этой отрасли работают транснациональные компании, такие как Suez или American Water Works [3, с. 31-35]. С другой стороны, система жилищно-коммунального хозяйства представляет собой устаревшие технологии и оборудование, затратную систему производства и транспортировки тепла и воды. Финансовое обеспечение содержания городского хозяйства в его нынешнем виде непосильно как для

потребителей жилищно-коммунальных услуг, так и для муниципальных образований [1, 2]. При всей внешней привлекательности отрасли ни российские, ни зарубежные предпринимательские сети не спешат инвестировать в ЖКХ. Существует целый ряд причин, объясняющих такую «осторожность» со стороны бизнеса.

1. Экономические причины, заключаются в том, что у жилищно-коммунального хозяйства нет собственных средств на развитие, а кредиты недоступны. Во-первых, потому что дороги, во-вторых, потому что у большинства муниципалитетов нет под эти кредиты обеспечения. Остается лишь привлечение в отрасль компаний-инвесторов, с передачей жилищно-коммунального хозяйства в собственность или в аренду этим компаниям. Как показала практика, в России такими инвесторами являются лишь сырьевые или энергетические монополисты.

2. Социальные проблемы заключаются в том, что население постоянно сталкивается с услугами жилищно-коммунального хозяйства и любой сбой в их работе приводит к нервозности в обществе. К примеру, произошла авария на теплотрассе в декабре, коммунальные службы вынуждены отключить отопление, и целые районы остаются без тепла, при этом ответственность на себя брать никто не хочет — ни органы местного самоуправления, ни управляющая компания. Кроме того, серьезной социальной проблемой является постоянный рост тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса».

development of the Urals in the 19-20 centuries. Ekaterinburg 2000. 104 pp.

4. Population policies in the region: problems and prospects / [text]: sb. st. Under. Ed. Doctor of Sociology, prof. A. Kuzmin / Institute of Economics, UB RAS, 2010. 196.

5. Dmitriev A. V., Poduhov G. A. The receiving society: the practice of interaction with immigrants. // Sotsis. 2009. (№ 10)

6. Debt Victor. Have exhausted the quota // Rossiyskaya Gazeta. 2009. December 17 (№ 5066).

7. Rybakovsky L. L. Migration potential. Concept and criteria of evaluation. // Sotsis. 2009. (№ 2)

8. Rybakovsky L. L. Comparative evaluation of a demographic crisis of Russian regions // Sotsis. 2008. (№ 10)

9. Site Goskomstat of Russia [electronic resource]. URL: <http://www.gks.ru>.

10. Sverdlovsk Oblast Duma website [electronic resource]. URL: <http://www.duma.midural.ru>.

U.D.C. 314.143 (1)

keywords: migration, population, migration gain, migration dynamics, migration links

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕТЕЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАХ¹

Г. И. Лусин

В данной статье изложены основные проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства в регионах, приведены меры по их решению и созданию благоприятных условий для формирования предпринимательских сетей. Определен комплекс мероприятий, направленных на развитие предпринимательских сетей в конкурентной среде. Сформулирована концепция развития данной отрасли экономики.

Жилищно-коммунальное хозяйство является одной из самых прибыльных отраслей экономики во многих развитых странах. С одной стороны, в данном секторе экономики вращаются крупные суммы — это и деньги, которые население платит за услуги жилищно-коммунального хозяйства, и субсидии государства. Кроме того, существует постоянный спрос на услуги компаний, осуществляющих жилищно-коммунальное обслуживание. Неслучайно в этой отрасли работают транснациональные компании, такие как Suez или American Water Works [3, с. 31-35]. С другой стороны, система жилищно-коммунального хозяйства представляет собой устаревшие технологии и оборудование, затратную систему производства и транспортировки тепла и воды. Финансовое обеспечение содержания городского хозяйства в его нынешнем виде непосильно как для

потребителей жилищно-коммунальных услуг, так и для муниципальных образований [1, 2]. При всей внешней привлекательности отрасли ни российские, ни зарубежные предпринимательские сети не спешат инвестировать в ЖКХ. Существует целый ряд причин, объясняющих такую «осторожность» со стороны бизнеса.

1. Экономические причины, заключаются в том, что у жилищно-коммунального хозяйства нет собственных средств на развитие, а кредиты недоступны. Во-первых, потому что дороги, во-вторых, потому что у большинства муниципалитетов нет под эти кредиты обеспечения. Остается лишь привлечение в отрасль компаний-инвесторов, с передачей жилищно-коммунального хозяйства в собственность или в аренду этим компаниям. Как показала практика, в России такими инвесторами являются лишь сырьевые или энергетические монополисты.

2. Социальные проблемы заключаются в том, что население постоянно сталкивается с услугами жилищно-коммунального хозяйства и любой сбой в их работе приводит к нервозности в обществе. К примеру, произошла авария на теплотрассе в декабре, коммунальные службы вынуждены отключить отопление, и целые районы остаются без тепла, при этом ответственность на себя брать никто не хочет — ни органы местного самоуправления, ни управляющая компания. Кроме того, серьезной социальной проблемой является постоянный рост тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 10-02-00294а «Оценка влияния малого предпринимательства на социально-экономическое развитие узкоспециализированных территорий в условиях кризиса».

По данным Росстата, в 2009 г. в России газоснабжение подорожало в среднем на 22,9%, горячее водоснабжение — на 18,6%, вывоз мусора — на 18,0%. По данным Минрегионразвития, с начала 2010 г. цены на газ для населения выросли на 15%, электроэнергия подорожала на 10%. В. Путин заявил, что одна из серьезных составляющих роста тарифов, — это тарифы так называемых инфраструктурных монополий («Газпрома», электрокомпаний) [4, с. 24–27].

3. Юридические проблемы являются одними из основных для инвестора, т. к. ущемляют интересы и потребителей и поставщика. Все это, скорее всего, ужесточит требования к компаниям, работающим в данной сфере, и вероятно, только крупные предпринимательские сети, способные подкрепить свои амбиции серьезными финансовыми активами, смогут работать в жилищно-коммунальном хозяйстве.

4. Политические проблемы. Если управляющая компания, которая не получила плату за отопление, отключит потребителей, то незамедлительно последует реакция прокуратуры и органов местного самоуправления. Кроме того, муниципальная собственность всегда была и будет оставаться источником доходов местных чиновников, и ни один из них не заинтересован в каких-либо изменениях, которые могут этот источник уменьшить или перекрыть.

5. Технологические проблемы заключаются, во-первых, в изношенности существующих сетей, В. Путин в очередном телемосте с жителями страны сказал, что коммунальные сети сегодня изношены на 80%. Технологии, которые сегодня применяются в организации жилищно-коммунального хозяйства, были внедрены более 40–50 лет назад и были неотъемлемой частью командно-административной системы, с развалом Советского Союза необходимость в них пропала. Основным вектором развития жилищно-коммунального хозяйства на Западе является локализация инфраструктуры с целью оптимизации расходов, связанных с ее эксплуатацией. В России же все наоборот, ежегодно продолжают выделять огромные денежные средства, которые в лучшем случае поддерживают существующий парк оборудования, а в худшем даже не могут обеспечить его нормальную работу.

Для того чтобы добиться положительных результатов на территории России, необходимо реализовать ряд структурных мер, таких как:

1. Сделать жилищно-коммунальное хозяйство инвестиционно привлекательным для

крупных компаний, которые способны вкладывать средства в модернизацию инфраструктуры и внедрять новейшие технологии, а также создание частно-государственных управляющих компаний. Примеры благоприятного сотрудничества бизнеса и муниципалитетов уже имеются.

2. Реформирование законодательной базы. Возложив на муниципалитеты всю тяжесть организации содержания жилого фонда, новый Жилищный кодекс и иные федеральные правовые акты в части жилищного законодательства и тарифного регулирования перенесли на них и множество проблем, решение которых не апробировано и противоречиво.

3. Переход на договорные отношения. Основы договорных отношений в экономике определены гражданским и жилищным законодательством, а специфика договорных взаимоотношений в ЖКХ между гражданами и производителями ЖКУ, производителей услуг и собственником объектов ЖКХ (муниципалитетом) регулируются указами Президента РФ и ведомственными нормативными актами в 1993–1996 гг. [5, с. 7–12].

На сегодня договорные отношения предприятиями ЖКХ оформлены:

— с нанимателями и собственниками жилых помещений — на 53%;

— с предприятиями — поставщиками энергоресурсов и производителями работ, услуг — на 99,7%;

— с собственниками объектов ЖКХ (муниципалитетами) в части соблюдения обязательств бюджета по финансированию льгот, субсидий и разницы в тарифах, не покрываемой населением, в ЖКХ — всего на 0,3%.

4. Создание организаций, которые осуществляют функции контроля за деятельностью управляющих компаний.

5. Проведение инвентаризации, реструктуризации и ликвидации задолженности бюджета, бюджетных организаций и других потребителей (в том числе населения) перед предприятиями ЖКК.

Данный комплекс мер поможет создать благоприятные условия для развития предпринимательства, помимо этого необходимо осуществить следующие мероприятия:

1. Для развития предпринимательства в сфере жилищно-коммунального хозяйства необходимо создать конкурентную предпринимательскую среду на уровне поставщиков услуг и на уровне эксплуатации домовладений [6, с. 15–17].

2. Как уже было сказано выше, для того чтобы решить задачу по стабильной и бесперебойной поставке тепловых и водных ресурсов, необходимо привлечь достаточно крупные предпринимательские сети, такие как ТГК, МРСК и т. д., поскольку на данном этапе развития ЖКХ необходимо решать вопросы большой затратности производства, высокой стоимости капитального строительства, долгого срока окупаемости инвестиционных проектов, нестабильности тарифной политики и т. д.

3. Требуется создание конкурентной среды, для того чтобы можно было исключить ситуацию, когда монополия начинает диктовать условия потребителям и снижать качество предоставляемых услуг, в свою очередь, собственник жилья должен выбирать поставщика услуг исходя из его конкурентных преимуществ, а не только исходя из занимаемой позиции на рынке.

4. Необходимо создать предпринимательскую сеть, которая будет осуществлять обслуживание домовладений, в Европе слияние ТСЖ и их трансформация в предпринимательскую сеть уже норма. Благодаря качеству менеджмента и управления повышается эффективность работы, сеть обладающая большим количеством абонентов, имеет более низкие цены у поставщиков, тем самым решаются два основных вопроса — стоимость и качество услуг.

5. Практически каждый человек является потребителем услуг ЖКХ, также в данной сфере сосредоточено огромное количество резервных фондов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Таким образом, с точки зрения развития предпринимательских сетей сфера жилищно-коммунального хозяйства достаточно стабильна и может не только задать, но и обеспечить нужный вектор развития компании.

6. Для того чтобы развеять миф об убыточности сферы ЖКХ, нужно внедрять рыночные

механизмы. Появление коммерческих инициатив и приход в коммунальный сектор первых частных операторов создают реальные предпосылки для проведения в жизнь запланированных системных улучшений в ЖКХ и более масштабных инвестиций.

Реформа в целом нужна для того, чтобы в ЖКХ была создана конкурентная среда, вытеснения компании, которые могли бы поднять эту сферу выше существующего уровня. Сегодня же органы государственной власти и местного самоуправления отстранились от проведения реформы ЖКХ, перенесли ответственность на ТСЖ. Управляющие компании, которые не в состоянии самостоятельно модернизировать текущую инфраструктуру, вошли на рынок не мягким эволюционным путем, а были буквально навязаны администрацией, которая надеется, что проблема разрешится сама собой.

Список источников

1. Козаков Е. М. Институциональный подход к формированию стратегии социально ориентированного развития российских регионов / Отв. ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцев. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. 59 с.
2. Научные основы инновационного развития территориальных социально-экономических систем / Под ред. д. э. н., проф. А. Г. Шеломенцева. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 239 с.
3. Петренко В. К. Астрономическое ЖКХ // Эксперт. 2007. №17.
4. Полонский Д. М. ЖКХ погрязло в долгах // Коммерсант. Деньги. 2009. №22.
5. Суханов В. Д. Между холодом и наковальней // Коммерсант. Пермь. 2010. №238.
6. Юданов А. Опыт конкуренции в России. Причины успехов и неудач. М.: КноРус, 2007. 214 с.

УДК 338.465

ключевые слова: предпринимательские сети, меры по развитию предпринимательства

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ АПК

А. Г. Светлаков, С. В. Васев

В статье рассмотрены проблемы, с которыми в настоящее время сталкиваются организации АПК. Предложена методика оценки уровня экономической безопасности организаций АПК, которая позволит уменьшить риски в области экономической безопасности организаций АПК, повысить уровень и качество жизни населения и будет способствовать повышению продовольственной безопасности государства.

В пирамиде Л. Маслоу первоочередной потребностью населения являются продукты питания. Сегодня опасность утраты продовольственной независимости страны становится весьма реальной.

Либерализация экономики и вызванный ею рост цен привели к быстрому насыщению продовольственного рынка товарами в основном импортного производства и развитию сферы торговли продуктами. Однако производственная сфера АПК стала из года в год сокращаться, а ее потенциал снижаться. Возникший диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и ресурсы, необходимые для ее производства, обусловил перераспределение доходов из сельского хозяйства в другие отрасли экономики. Внешнеторговая экспансия продуктов питания по демпинговым ценам сделала отечественного товаропроизводителя неконкурентоспособным на рынке. Финансово-кредитные структуры через высокие проценты изымали оборотные средства из сельскохозяйственного производства. Все это при многократном сокращении бюджетной поддержки аграрной сферы обусловило убыточность сельского хозяйства. Уровень деградации АПК достиг в настоящее время такой степени, что аграрный сектор стал узким местом в экономике, препятствующим выходу страны из социально-экономического кризиса. Сельское хозяйство является источником неплатежей по всей цепочке межотраслевого взаимодействия, так как такого разрыва между кредиторской и дебиторской задолженностями нет ни в одной отрасли. Сокращение и старение материально-технической базы сельского хозяйства создали реальную угрозу продовольственной безопасности страны.

Проводимая в отношении АПК финансовая политика государства не в полной мере отвечает целям и задачам выхода экономики из кризиса и повышения уровня жизни населения. Происходит сокращение в абсолютном и относительном выражении уровня поддержки аграрной сферы. Стратегические проблемы выхода АПК из кризиса не решаются.

В бюджетной политике происходит регионализация поддержки АПК (свыше 70% поддержки приходится на региональные бюджеты). Такое положение препятствует формированию единого рыночного пространства, искажает объективную конкурентную среду, приводит к неоправданной дифференциации в социальных условиях жизни на селе.

Разрыв хозяйственных отношений между сельскохозяйственными товаропроизводителями, переработкой и реализацией конечного продукта привел к монополизации перерабатывающих предприятий. Став монополистами, переработчики резко снизили закупочные цены на мясо, молоко, зерно и другую продукцию, сделав, таким образом, ее производство убыточным. Сельскохозяйственные товаропроизводители отреагировали сокращением посевных площадей и поголовья скота. Как следствие этого, переработчики остались без отечественного сырья. Часть из них выжила благодаря переходу на закупку (часто с помощью федерального и региональных бюджетов) импортного, в большей части некачественного сельскохозяйственного сырья.

Низкий уровень производства и неиспользованные мощности делают отрасль чувствительной к инвестициям. Структурные преобразования и технологическое обновление, как показывает практика, обеспечивают снижение себестоимости продукции в 1,5-2 раза. Помимо высокой прямой отдачи, вложения в сельское хозяйство могут способствовать росту эффективности в других связанных с ним отраслях и обеспечить значительное увеличение налоговых поступлений в бюджет.

В развитых странах мира, таких как США, Франция, Германия, Италия, обеспечение продовольственной безопасности признается важнейшим национальным приоритетом. Уровень

самообеспечения продовольствием в США и Франции составляет — 100%, в Германии — 93%, в Италии — 78%. [2]

В настоящее время проблема с резким ухудшением качества продуктов, его качества и безопасности для здоровья людей все больше и больше привлекает к себе внимание граждан и общественных организаций. Продовольственная безопасность как составная часть экономической безопасности отражает, прежде всего, социальную направленность на реализацию важнейшего человеческого права — обеспечения своего существования. Как отмечается в Статье 7 Конституции РФ, «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Важным шагом, который отражает понимание того, что решение проблемы качества и безопасности продовольственных товаров требует объединения усилий органов государственной власти, производителей и продавцов продовольственных товаров, органов правоохранительной системы и государственных контрольно-надзорных органов, общественных организаций, стало утверждение Президентом РФ 30 января 2010 г. Доктрины продовольственной безопасности.

Стратегической целью продовольственной безопасности является обеспечение населения страны безопасной сельскохозяйственной продукцией, рыбной и иной продукцией из водных биоресурсов и продовольствием. Гарантеей ее достижения является стабильность внутреннего производства, а также наличие необходимых резервов и запасов. По существу, уровень развития сельского хозяйства во многом определяет степень продовольственной обеспеченности страны. Сельское хозяйство — отрасль материального производства, призванная удовлетворить потребности населения в продовольствии, а пищевую и перерабатывающую промышленность — в сырье.

Объектом продовольственной безопасности выступает организация всего АПК — от выращивания растений и животных до его обеспечения средствами производства и реализации конечной продукции. АПК решает проблемы трудовых ресурсов, сырья, материалов и т. п., охватывающие крупные межотраслевые, а по сути — национальные области деятельности. Поэтому продовольственная безопасность определяется аграрной политикой государства

во всех ее направлениях, включая финансовую поддержку производителей, защиту их интересов, развитие материально-технической базы, что в совокупности закрепляется в Конституции Российской Федерации, в других законодательных и нормативных актах государства.

Мы считаем, что при обеспечении экономической безопасности организаций АПК в политическом и экономическом пространстве создаются условия, позволяющие прогнозировать и предотвращать возникающие угрозы и риски, повышать устойчивость организаций, создавать условия для динамичного развития агропромышленного комплекса, улучшения благосостояния населения. Именно экономическая безопасность организаций АПК обеспечит продукцию (продовольствие), реализация которой образует фонд потребления, необходимый для регионального самообеспечения и, соответственно, обеспечит продовольственную безопасность России.

Сельское хозяйство как отрасль экономики подчиняется основным экономическим законам, характерным для любой экономической системы и для любого этапа развития производительных сил и производственных отношений, однако при осуществлении экономической и хозяйственной деятельности в сельском хозяйстве следует учитывать особенности, обусловленные технологией производства, размещением трудовых, производственных и земельных ресурсов.

Можно дать следующее определение понятию «организация АПК» — это организация, использующая в качестве средств производства земельные и другие природные ресурсы, зависящие от природно-климатических и биологических факторов, для производства сельскохозяйственной продукции, осуществляющая ее первичную и последующую (промышленную) переработку и реализующая эту продукцию, при условии, что в общем доходе от реализации товаров таких организаций доля дохода от реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции, включая продукцию ее первичной переработки, произведенную ими из сельскохозяйственного сырья собственного производства, составляет не менее 70% за календарный год.

В настоящее время обеспечение экономической безопасности организаций является одной из главных задач АПК. Этап формирования новых экономических отношений характеризуется недостаточным использованием производствен-

ных мощностей, увеличением степени износа основных фондов, реструктуризацией и диверсификацией промышленного производства. В этих условиях многие организации лишились собственных оборотных средств, прежде всего, за счет увеличения дебиторско-кредиторской задолженности и, как следствие, неплатежеспособности организаций. Неудовлетворительное состояние ряда отраслей экономики обуславливает необходимость внедрения системы управления экономической безопасностью организации.

Экономическая безопасность организаций АПК — состояние защищенности земельных, природных, трудовых и других средств производства от внутренних и внешних факторов, при котором обеспечивается производство сельскохозяйственной продукции, ее первичная и последующая переработка, и реализация достигает не менее 70% за календарный год.

Для достижения состояния защищенности необходима целенаправленная и постоянная работа по повышению уровня экономической безопасности. Для того чтобы определить уровень экономической безопасности, нами предлагается методика оценки уровня экономической безопасности организаций АПК, в ходе которой становится возможным выявить основные угрозы безопасности, произвести оценку характера и степени их действия, сформировать мероприятия по нейтрализации этих угроз и определить перспективные направления развития организации АПК.

Используя методы аналогии и имеющуюся методику диагностики экономической безопасности, разработанную авторским коллективом под руководством В.А. Черешнева и А.И. Татаркина, нами дано авторское видение методики оценки уровня экономической безопасности организаций АПК, которая включает в себя следующие этапы:

1. Определяются индикаторы экономической безопасности организации АПК.
2. Производится расчет индикативных показателей экономической безопасности организаций АПК.
3. Формируются пороговые уровни для индикативных показателей.
4. Выполняется расчет текущих значений индикативных показателей.
5. Оценивается состояние по каждому из индикаторов экономической безопасности при сравнении их текущих значений с пороговыми.
6. Разрабатываются мероприятия по повышению уровня экономической безопасности.

На первом этапе определяются индикаторы экономической безопасности организаций АПК. Проблема на данном этапе заключается в том, что пока еще не отработана методическая база определения индикаторов, учитывающих уникальные особенности деятельности организации АПК. В случае неквалифицированного определения значения индикаторов может быть неправильно определен уровень экономической безопасности организации, что может повлечь за собой принятие неэффективных управленческих решений.

Мы предлагаем использовать следующие индикаторы экономической безопасности организаций АПК с учетом их особенностей:

1. Площади сельскохозяйственных угодий, находящиеся в пользовании организаций АПК, — общий балл кадастровой оценки дает представление об относительной ценности сельскохозяйственных угодий как средства производства по совокупности свойств (плодородию, физическим характеристикам и местоположению).
2. Обеспеченность трудовыми ресурсами — определяется численностью среднесписочных работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, в расчете на 100 га сельхозугодий.
3. Фондооснащенность — определяется отношением стоимости основных производственных фондов к площади сельскохозяйственных угодий.
4. Рентабельность производства в АПК зависит прежде всего от величины прибыли и размера затрат, т. е. от себестоимости продукции и цен, по которым она реализуется. Чем больше разница между ценой и себестоимостью единицы продукции, тем выше прибыль и уровень рентабельности. Важнейшими показателями объективных факторов снижения себестоимости продукции растениеводства являются:
  - оснащенность организации основными фондами в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий;
  - оснащенность энергоресурсами в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий;
  - обеспеченность трудовыми ресурсами в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий;
  - уровень интенсивности использования сельскохозяйственных угодий по удельной величине всех прямых затрат, в том числе удобрений на 100 га угодий;
  - уровень специализации земледелия по удельной величине выручки от реализации растениеводческой продукции в общей ее сумме по хозяйству.

В животноводческих отраслях показателями объективных факторов себестоимости продукции являются:

- качество поголовья продуктивного стада по средней живой массе одной головы;
- уровень кормления по годовому расходу кормов в среднем на одну голову, ц корм. ед.;
- себестоимость 1 ц корм. ед. годового рациона продуктивного стада;
- сбалансированность кормов по перевариваемому протеину в кг на 1 ц корм. ед.;
- уровень концентрации производства по плотности поголовья продуктивного стада в расчете на каждые 100 га сельскохозяйственных угодий и на одну ферму;
- уровень специализации по удельному выручке от реализации продукции отрасли в общей выручке по хозяйству.

5. Эффективность производства

$$\text{Эп} = \frac{\text{ЧД}}{\text{T} + \text{M} + \text{Ф} \cdot \text{K}}, \quad (1)$$

где Эп — эффективность производства;

ЧД — чистый доход с учетом его состава и качества;

T — затраты живого труда;

M — текущие затраты овеществленного труда;

Ф — единовременные вложения в производственные фонды;

K — коэффициент приведения к единой размерности, позволяющий суммировать затраты и вложения.

6. Экономическая эффективность

$$\text{Э}_y = \text{Ц} \cdot d \cdot \frac{\text{З}_{\text{xp}} + \text{П}_{\text{xp}}}{100}, \quad (2)$$

где Ц — цена единицы продукции, руб.;

d — доля необходимых страховых запасов по отношению к среднему урожаю;

З_{xp} — приведенные запасы на хранение продукции в течение года, % к цене;

П_{xp} — потери при хранении продукции в течение года, % к первоначальному количеству.

Показатели экономической безопасности, на наш взгляд, не должны рассматриваться изолированно друг от друга, только с учетом системного подхода можно получить объективную оценку ситуации. По этой причине мы предлагаем производить оценку экономической безопасности с помощью разработанного нами интегрального показателя:

$$P = \left(\sum_{j=1}^m a_j L_j \right) / m, \quad (3)$$

где P — интегральный показатель экономической безопасности;

∑ — сумма показателей;

L_j — значение j показателя экономической безопасности;

a_j — весовой коэффициент, определяющий значимость того или иного показателя;

m — количество показателей, выбранных для оценки.

При расчете интегрального показателя экономической безопасности все показатели необходимо разделить на две группы: прямые и обратные. К прямым следует отнести такие, значения которых должны превышать значения пороговых показателей (т. е. чем они выше, тем более благоприятной является ситуация в крае). К обратным показателям относятся те, значения которых должны быть ниже пороговых значений.

Для расчета интегрального показателя экономической безопасности считаем необходимым обе группы показателей преобразовать таким образом, чтобы они являлись «однозначными». Наиболее простой способ сделать это: найти обратную величину от значения показателя (1/L) или установить для него соответствующий весовой коэффициент с отрицательным знаком.

При вычислении интегрального показателя (P) экономической безопасности необходимо учитывать пороговые значения показателей K_j, так как именно в сравнении с пороговыми значениями можно получить реальное представление о состоянии экономической безопасности в крае и принять адекватные решения.

Состояние экономической безопасности будет оцениваться путем сравнения интегрального показателя P и величины Z, которую определим как интегральный показатель пороговых значений экономической безопасности края и будем вычислять по следующей формуле:

$$Z = \left(\sum_{j=1}^m a_j K_j \right) / m, \quad (4)$$

где Z — интегральный показатель пороговых значений;

K_j — пороговое значение j показателя экономической безопасности.

Экспертным путем можно определить такие соотношения P и Z, при которых состояние экономики края можно считать устойчивым, предкризисным, кризисным и бедственным.

Так, если P/Z > 1 + A, то состояние устойчивое;

если $1 \leq P/Z < 1 + A$ — состояние предкризисное;

если $1 - A < P/Z < 1$ — состояние кризисное;

если $P/Z \leq 1 - A$ — состояние бедственное.

Оценка уровня экономической безопасности и с помощью интегрального показателя может дать достоверные результаты лишь при относительной стабильности показателей. В условиях же высокой динамичности экономических процессов необходимо учитывать не только степень, но и продолжительность времени нахождения показателей за пороговыми значениями.

При наступлении кризисной ситуации, то есть при показателях экономической безопасности за пределами допустимых значений, вероятность наступления ситуации экономического бедствия тем выше, чем дольше она длится за пределами пороговых значений.

После расчета текущих значений индикативных показателей и сравнении их текущих значений с пороговыми значениями возможно определить уровень экономической безопасности организации АПК. По результатам определения уровня экономической безопасности организа-

ции АПК разрабатываются мероприятия по повышению уровня экономической безопасности.

Таким образом, внедрение предложенной методики уменьшит риски в области экономической безопасности организаций АПК, повысит уровень и качество жизни населения и будет способствовать повышению продовольственной безопасности государства.

Список источников

1. Качество жизни и экономическая безопасность России / Под ред. В. А. Черешнева, А.И. Татаркина. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2009. 1184с.

2. Чеботарева А. А. Продовольственная безопасность регионов в контексте доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Экономика предприятий и отраслей АПК : учебник / П. В. Лещиловский, В. Г. Гусаков, Е. И. Кивейша [и др.]; под ред. П. В. Лещиловский, В. С. Тонковича, А. В. Мозоля; 2-е изд., перераб. и доп. Минск: БГЭУ, 2007. 574с.

УДК 338.43

ключевые слова: агропромышленный комплекс, организация АПК, экономическая безопасность, экономическая безопасность организации АПК

КАЧЕСТВО ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

М. В. Кобяк

Индустрия туризма представляет собой быстро развивающееся направление российской экономики, в котором качество сервиса тесно связано с системой качества туристского продукта. Качественный сервис — это ключ к коммерческому успеху, соответствие стандартам есть неотъемлемая часть стабильности и конкурентоспособности предприятий на российском рынке туристических услуг.

Туризм является одним из основных видов международной экономической деятельности, сложной и комплексной сферой, оказывающей существенное влияние как на структуру и общую ситуацию в мировой экономике, так и на хозяйства большинства стран и отдельных регионов мира. При этом туризм занимает важное место в мировой экономике: на его долю приходится 25–50% мировой торговли услугами. В

мировом экспорте товаров и услуг в настоящее время туризм занимает третье место, уступая только международной торговле нефтью и экспорту автомобилей. Кроме того, экономика некоторых стран мира серьезно зависит от развития международного туризма, так как он является практически единственным источником валютных поступлений в страну. Причем объем этих поступлений позволяет стране поддерживать высокий уровень экономического развития и благосостояния своих граждан. Поэтому исследование процессов и закономерностей развития туризма и его инфраструктуры является весьма актуальным [13, с. 38].

С переходом российской экономики на рыночные рельсы в ее туристском секторе произошли коренные изменения. Отечественный туризм быстрее, чем другие отрасли, адаптировался к рыночным условиям. В настоящее

если $1 \leq P/Z < 1 + A$ — состояние предкризисное;

если $1 - A < P/Z < 1$ — состояние кризисное;

если $P/Z \leq 1 - A$ — состояние бедственное.

Оценка уровня экономической безопасности и с помощью интегрального показателя может дать достоверные результаты лишь при относительной стабильности показателей. В условиях же высокой динамичности экономических процессов необходимо учитывать не только степень, но и продолжительность времени нахождения показателей за пороговыми значениями.

При наступлении кризисной ситуации, то есть при показателях экономической безопасности за пределами допустимых значений, вероятность наступления ситуации экономического бедствия тем выше, чем дольше она длится за пределами пороговых значений.

После расчета текущих значений индикативных показателей и сравнении их текущих значений с пороговыми значениями возможно определить уровень экономической безопасности организации АПК. По результатам определения уровня экономической безопасности организа-

ции АПК разрабатываются мероприятия по повышению уровня экономической безопасности.

Таким образом, внедрение предложенной методики уменьшит риски в области экономической безопасности организаций АПК, повысит уровень и качество жизни населения и будет способствовать повышению продовольственной безопасности государства.

Список источников

1. Качество жизни и экономическая безопасность России / Под ред. В. А. Черешнева, А.И. Татаркина. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2009. 1184с.

2. Чеботарева А. А. Продовольственная безопасность регионов в контексте доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Экономика предприятий и отраслей АПК : учебник / П. В. Лещиловский, В. Г. Гусаков, Е. И. Кивейша [и др.]; под ред. П. В. Лещиловский, В. С. Тонковича, А. В. Мозоля; 2-е изд., перераб. и доп. Минск: БГЭУ, 2007. 574с.

УДК 338.43

ключевые слова: агропромышленный комплекс, организация АПК, экономическая безопасность, экономическая безопасность организации АПК

КАЧЕСТВО ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ КАК СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

М. В. Кобяк

Индустрия туризма представляет собой быстро развивающееся направление российской экономики, в котором качество сервиса тесно связано с системой качества туристского продукта. Качественный сервис — это ключ к коммерческому успеху, соответствие стандартам есть неотъемлемая часть стабильности и конкурентоспособности предприятий на российском рынке туристических услуг.

Туризм является одним из основных видов международной экономической деятельности, сложной и комплексной сферой, оказывающей существенное влияние как на структуру и общую ситуацию в мировой экономике, так и на хозяйства большинства стран и отдельных регионов мира. При этом туризм занимает важное место в мировой экономике: на его долю приходится 25–50% мировой торговли услугами. В

мировом экспорте товаров и услуг в настоящее время туризм занимает третье место, уступая только международной торговле нефтью и экспорту автомобилей. Кроме того, экономика некоторых стран мира серьезно зависит от развития международного туризма, так как он является практически единственным источником валютных поступлений в страну. Причем объем этих поступлений позволяет стране поддерживать высокий уровень экономического развития и благосостояния своих граждан. Поэтому исследование процессов и закономерностей развития туризма и его инфраструктуры является весьма актуальным [13, с. 38].

С переходом российской экономики на рыночные рельсы в ее туристском секторе произошли коренные изменения. Отечественный туризм быстрее, чем другие отрасли, адаптировался к рыночным условиям. В настоящее

время на российском рынке туристских услуг наблюдается тенденция к снижению потоков иностранных туристов и росту внутреннего туризма в связи со сложной процедурой визового оформления, высокой стоимостью авиабилетов, неразвитостью инфраструктуры и пр. В 2010 г. внутренний турпоток составил более 40 млн чел. (в 2002 г. — 11, 8 млн). Образовалось множество частных фирм, которые не только стали удовлетворять потребности российских граждан в туризме (прежде всего — в заграничном), но и вовлекли в эту работу до 100 тыс. чел., что оказало позитивное влияние на рынок труда [2, с. 136]. С другой стороны, сократилась поддержка туризма государством, что привело к почти полному исчезновению социального туризма. Рыночная модель экономики потребовала разработки принципиально новых подходов к формированию инструментария процессов планирования развития российского туризма и его инфраструктуры. Но уже первые шаги в этом направлении показали, что данный процесс весьма сложен и ведет к серьезной перестройке экономических и социальных отношений в сфере туризма [11, с. 202].

Учет межотраслевых связей в управлении территориальным развитием позволяет выявить ключевые отрасли экономики региона и обеспечить их приоритетную государственную поддержку. Кроме того, повышается необходимость развития механизмов государственного регулирования в сфере развития туризма. В туристском бизнесе еще не сложилось четкой системы маркетинговых исследований, неразработанными остаются многие существенные в теоретическом и практическом отношении вопросы туристского маркетинга, немало недостатков и в организации рекламной деятельности. Однако сфера туризма представляет собой быстро развивающееся направление российской экономики. Такие понятия, как надежность, конкурентоспособность и безопасность туристских услуг, требуют соблюдения закона о защите прав потребителя, что свидетельствует об изменении отношения к качеству, причем со стороны как потребителей, так и производителей.

Специфика сферы туризма заключается в том, что производимый продукт полностью или частично неосязаем, а эффект сервиса оценивается потребителем в условиях определенного эмоционального состояния, зависящего от огромного количества факторов, в числе которых такие субъективные характеристики туриста, как особенности воспитания, возраст, культур-

ные традиции народа, представителем которого является гость, понятие о комфорте, привычки, самочувствие или психологическое состояние на момент получения услуги, физиологические особенности организма и т. д. Все это делает восприятие качества турпродукта во многом субъективным, зависящим от индивидуальных характеристик каждого потребителя. Рынок индустрии гостеприимства, открытый и конкурентный, оказывает значительное давление на индустрию, заставляет ее постоянно повышать качество услуг. Качество туристской продукции и услуг — это не только определенный уровень технической базы, технологии, экономики, организации производства и культуры, но и соответствующий уровень профессионализма и культуры управленческих отношений.

Содержание понятия «качество» в индустрии туризма включает:

- правильно определенные потребности клиентов (предоставлять услуги, соответствующие потребностям гостей);
- правильное оказание услуги (не только услуги должны соответствовать потребностям клиента, но и вся система обслуживания должна обеспечивать удобство гостей, обязательным условием является доброжелательность персонала);
- постоянство (необходимость предоставлять услуги на одном и том же уровне миллионы раз [10, с. 56].

Индустрия туризма характеризуется тем, что основное внимание в ней при создании системы качества продукта обращается на качество сервиса. Качественный сервис — это ключ к коммерческому успеху предприятия.

Мировая практика выработала определенные правила организации эффективного сервиса, соблюдение которых как раз и позволяет менеджеру применять относительно к конкретному туристскому продукту весь накопленный в сфере сервиса опыт.

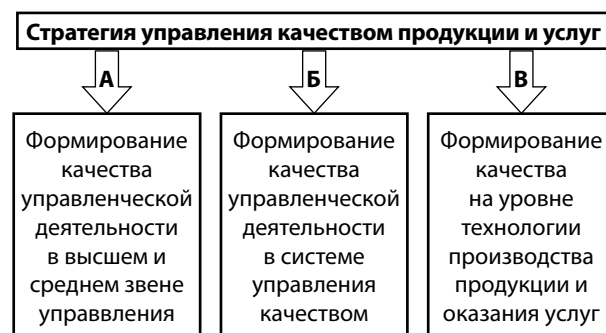

Рис. 1. Стратегия управления качеством продукции и услуг

Стратегия управления качеством имеет три варианта реализации (рис. 1).

Первый вариант — А — предполагает системный подход, когда первостепенное значение приобретает общее качество управленческой деятельности, а затем — качество технологии производства. Второй вариант — Б — предусматривает комплексный подход. Он основан на приоритете качества тех элементов производства и управления, которые непосредственно влияют на качество продукции. Третий вариант — В — локальный подход, в котором основное внимание уделяется технологии производства. Вариант В самый распространенный и методически хорошо разработан. Вариант Б только внедряется, и для него существует набор стандартов как на технологии производства, так и на систему управления качеством продукции и услуг (ИСО 9000). Вариант А — это перспектива развития компании. [9, с. 187]

Качество туристской услуги может быть оценено тремя способами:

- по собственной методике компании;
- по отношению к качеству некоторого образца, принятого за эталон;
- по отношению к международному или национальному стандарту.

Таким образом, качество туристской деятельности можно определить как степень ее соответствия общепринятым требованиям или стандартам. О качестве туристской деятельности судят, в первую очередь, по качеству туристических услуг, которые определяются классификацией и стандартизацией. Цели национальной стандартизации: безопасность продукции, работ и услуг для жизни, здоровья и имущества граждан; обеспечение качества продукции, работ и услуг в соответствии с уровнем развития науки, техники и технологии; экономия всех видов ресурсов. Существующая в России система стандартизации далека от совершенства. Бессистемность в научно-методических основах и, соответственно, в практике стандартизации закономерно приводит к стихийности и хаотичности их развития. Указанное состояние в отечественной стандартизации наблюдается достаточно долгое время. Анализ основных действующих в настоящее время систем (комплексов) стандартов позволяет констатировать, что многие из них создавались и развивались без достаточно серьезного исследования и обоснования таких характеристик этих систем (комплексов), как назначение, структура, границы, принципы построения и развития, и

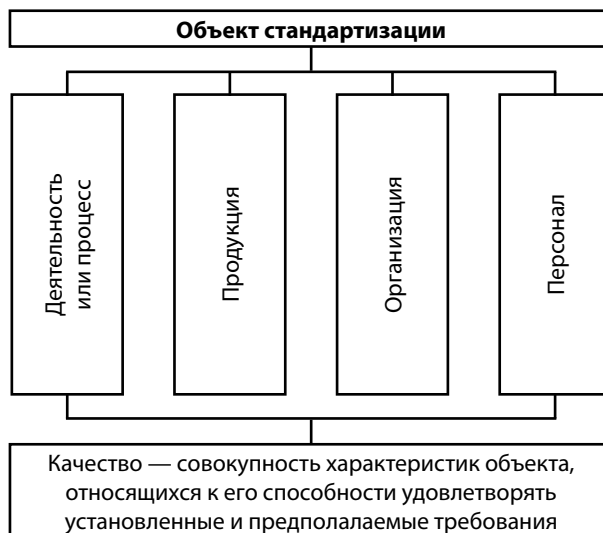

Рис. 2. Иллюстрация определения качества продукции и услуг

без разработки соответствующих системообразующих стандартов. Анализ некоторых действующих систем (комплексов) стандартов свидетельствует о неудовлетворительном научно-методическом уровне этих стандартов, о несоответствии их современным международным требованиям стандартизации [5, с. 269].

Объектом стандартизации в сфере туристического бизнеса в первую очередь является услуга. В соответствии с ГОСТ Р 50691-94 стандарт на услугу устанавливает требования, которым должна удовлетворять услуга, с тем, чтобы обеспечить соответствие ее назначению. Согласно подходу «стандартов системы качества» ИСО 9000, качество — это совокупность характеристик объекта, имеющая отношение к его способности удовлетворить установленные и предполагаемые требования потребителя. При этом под объектом качества понимается как собственно продукция (товары или услуги), процесс ее производства, так и производитель (организация, система или отдельный работник) (рис. 2). Данное определение качества закреплено в западных стандартах (ИСО 8402).

Система качества — это особая организация системы производства. Стандарт ИСО 9000 определяет общие требования к тому, как должна быть построена система учета и управления на предприятии, чтобы можно было гарантировать работу производственной системы в соответствии с требованиями системы качества. В действительности этот стандарт не может обеспечить гарантированного качества выпускаемой продукции, но призван обеспечить гарантированное устранение недостатков процесса

производства, которые существенно влияют на качество продукции и услуг.

Высокое качество становится главным конкурентным преимуществом. Быть конкурентоспособным не означает предоставлять услуги класса «люкс». Уровень качества должен быть рассчитан на самые разнообразные слои населения. Постоянное и непрерывное улучшение качества становится стратегической основой развития туризма.

Список источников

1. Адлер Ю. П., Шеметова С. Е. Путь к системе экономики качества // Стандарты качества. 2003. №4.
2. Азар В. И., Туманов С. Ю. Экономика туристского рынка. М., 1998. 238 с.
3. Байлик С. И. Гостиничное хозяйство. Проблемы перспективы, сертификация. Киев: ВИРА-Р, 2001. 208 с.
4. Басовский Л. Е., Протасьев В. Б. Управление качеством. М.: Инфра-М. 2006 212 с.
5. Бовыкин В. И. Новый менеджмент. Управление предприятием гостиничного комплекса на уровне высших стандартов, теория и практика эффективного управления. М.: ОАО Изд-во «Экономика», 2000. 368 с.
6. Гличев А. В. Основы управления качеством продукции. М. : Издательство «ГП — Редакция журнала «Стандарты и качество»», 2001. 418 с.
7. Гостиничный и туристский бизнес: учебник / Под ред. А. Д. Чудновского. М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем»; Экмос, 1998. 123 с.
8. Достижение качества через преобразование. Подход к улучшению управленческой деятельности: информ. бюл. Ассоциации Деминга / Под ред. Ю. Т. Рубаника. М.: МГИЭТ (ТУ), 2003. 98 с.
9. Зайцева Н. А. Менеджмент в социально-культурном сервисе и туризме: учебник. М.: Академия, 2007. 224 с.
10. Ивановская М. Е. Потенциал гостиничного бизнеса и пути повышения его использования. На примере гостиничных предприятий г. Москвы: дис. ... канд. экон. наук. М., 2002 164 с.
11. Кобяк М. В., Скобкин С. С. Управление качеством в гостинице: учеб. пособие М: Магистр, 2008. 9 с.
12. Туризм и гостиничное хозяйство: учебник / Под ред. А. Д. Чудновского. М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем»; Экмос, 2001. 400 с.
13. Чудновский А. Д. Туризм и гостиничное хозяйство. М.: Юркнига, 2003. 448 с.

УДК 338.467.6

ключевые слова: туризм, индустрия гостеприимства, качество, конкурентоспособность, стандартизация

ОСОБЫЕ ГРАНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И НЕ ТОЛЬКО

О книге «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов» / Науч. ред. О. Т. Богомолов. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с.

В. Л. Берсенева, С. Г. Важенин, Б. С. Павлов

Если обратиться к историческим корням такого направления экономической мысли, как институционализм, то можно обнаружить несколько парадоксальную вещь. В самостоятельное ответвление экономической теории практически одновременно с *economic* — направлением пусть и оторванным от реальности, но в целом стройным и непротиворечивым — оформилась некая «совокупность достаточно разнородных концепций», как это отмечается в «Экономической энциклопедии» под редакцией академика Л. И. Абалкина. Вместе с тем, тут же уточняется, что «традиционные» институционалисты пытались изучать экономические проблемы методами других обществоведческих наук. Иными словами, так было положено начало изучению хозяйственной деятельности «со стороны» — посредством анализа влияния психологических, правовых, религиозных и иных факторов (институтов) на экономику.

Современный неинституционализм ушел от такого разнообразия объектов и предметов исследования, сосредоточившись на узком определении институтов как правил и механизмов их соблюдения. Тем не менее, и в наше время не прекращаются попытки посмотреть на реалии социально-экономического развития, выходя за рамки собственно экономической науки. Достаточно вспомнить августовский номер журнала «Вопросы экономики» за 1993 г. Конечно, там встречались и забавные пассажи (вроде того, что русский крестьянин в земельном вопросе руководствовался учением Кассиана Римлянина), но в целом собранные под одной обложкой статьи наглядно показывали, как можно анализировать экономические проблемы с более широких, в полном смысле слова обществоведческих, позиций.

Летом 1993 г. трудно было ожидать, что такой подход будет применен к анализу хода недавно начавшейся экономической реформы. Сейчас, когда приближается двадцатилетний юбилей начала рыночных преобразований (если исходить из формальной даты 2 января 1992 г.), чего-то подобного следовало бы ожидать просто как реакции здорового организма на временно причиненные неудобства. И такая реакция последовала. По инициативе Российской академии наук был реализован проект «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние» (науч. рук. академик О. Т. Богомолов), результатом чего стал ряд крупных публикаций, в том числе и сборник статей известных ученых-обществоведов и общественных деятелей «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние».

Сборник открывается небольшим разделом под показательным названием «Диагноз экономике России». Академики О. Т. Богомолов и Р. И. Нигматулин, а также профессор Б. И. Нигматулин обосновывают с помощью конкретных расчетов мысль, на уровне обыденного сознания уже давно воспринимаемую как аксиому: современная экономическая реформа, мягко говоря, не удалась. С ними солидарны и авторы всех последующих разделов, посвященных духовно-нравственным основам общественного развития, общественно-политическому устройству страны, ее интеллектуальному, научно-техническому и демографическому потенциалу, а также российской элите — явлению эфемерному и оттого тем более непознанному.

Конечно, в различных статьях присутствуют и статистические показатели, свидетельствующие о деградации промышленности и сельского хозяйства, развале систем образования и здравоохранения, пренебрежении к фундаментальной науке и т. д. Однако представляется, что главный посыл, точнее — главная боль авторов, заключается в осознании главной опасности, порожденной реформой, — разрушении нравственных основ российского общества.

Казалось бы, как могут соотноситься экономические преобразования, опирающиеся на уже продемонстрировавшие свою действенность теоретические постулаты (речь здесь идет не только о пресловутом «Вашингтонском консенсусе»), и такие эфемерные понятия, как нравственность и духовность? Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своей статье отвечает на этот вопрос просто: «...Экономика не является сферой исключительно материальных интересов, а безнравственная экономика — это уже

не экономика в изначальном смысле этого слова, так как служит она не созиданию, а разрушению» (с. 106).

В таком случае вполне естественным представляется другой вопрос. Почему тот страстный массовый порыв к обновлению, то желание перемен, которые собирали стотысячные митинги на рубеже 1980-1990-х гг., все эти предвестия свободы обернулись гигантским социальным расслоением, цинизмом «верхов» и безнадежным отчаянием «низов», экономическим упадком и духовным опустошением?

Авторы сборника, каждый по-своему, пытаются объяснить, почему так получилось, и надо воздать им должное в связи с одним назревшим, но долго замалчивавшимся признанием. Вообще-то и раньше было принято покритиковать А. Б. Чубайса за методы и результаты приватизации, посетовать на самодурство Б. Н. Ельцина и выразить недоумение, за что же это Е. Т. Гайдара считают «последним гением XX века», но в целом команда реформаторов выступала в роли облеченных в белые одежды первопроходцев, ведущих Россию к новым светлым вершинам. Теперь же признается, что главная причина провала реформы заключается в безнравственности самих реформаторов, от рыночного романтизма быстро перешедших к рыночному прагматизму.

Дело тут даже не в том, что кумирами «преобразователей» были и остаются диссиденты-руссофобы, такие как Новодворская и прочие одиозные фигуры. Показательные цитаты из опусов этих «борцов за свободу» приводит д. и. н., профессор К. Н. Брутенц из Института экономики РАН на с. 485, хотя и у других авторов сборника можно найти цитаты из аналогичных дышащих ненавистью к России высказываний. Следует только оговориться, что в своем возмущении авторы останавливаются перед незримой чертой, стараясь не затрагивать А. Д. Сахарова. Между тем именно он выступал главным идеологом не только диссидентства, но и будущих преобразований. По крайней мере, многие из проблем 1990-х годов являлись логическим следствием предложений, заложенных в его «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии». Впрочем, в степени самостоятельности общественно-научных суждений физика-теоретика до сих пор остаются большие сомнения.

Время показало, что и сами молодые реформаторы изначально не предполагали, что будут действовать чистыми руками. Один из активистов ныне уже подзабытой Межрегиональной депутатской группы на I Съезде народных депутатов СССР и сооснователь не менее подзабытой партии «Яблоко» Ю. Ю. Болдырев теперь на страницах сборника возмущается тем, как его бывшие товарищи-либералы заявляют, что коррупция — это не зло, она даже полезна, поскольку является гарантией необратимости реформ (с. 463). О том же на страницах сборника пишет заместитель директора Института экономики РАН, д. э. н., профессор С. П. Глинкина, попутно ссылаясь на еще одного из именитых диссидентов, Льва Тимофеева, заявляющего, что коррупция — это проявление здравого смысла в экономическом поведении человека (с. 437).

В таком случае и грабительская приватизация — не печальное отклонение от нормы, а цель преобразований, наделение собственностью не лучших, а наиболее безнравственных. Ю. Ю. Болдырев, очевидец и участник принятия судьбоносных решений, отмечает, что приватизация «по Чубайсу» предполагала не только разграбление, но и криминализацию общества (с. 465). В свою очередь, С. П. Глинкина приводит слова А. Лившица, бывшего помощника Ельцина и даже одно время министра экономики РФ, о том, что «активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может торпедировать все экономические реформы в России» (с. 446).

На таких идеологемах могла быть взращена только весьма своеобразная элита, хотя здесь, скорее, следовало бы говорить о квазиэлите. Доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН Р. Х. Симонян заявляет более определенно, что современные претенденты на элитарный статус представляют собой всего лишь номенклатуру. В отличие же от номенклатуры элиту нельзя «назначить», она формируется поколениями. При этом одним из имманентно присущих элите, в том числе и политической, качеств является высокая нравственность, поскольку сама по себе ответственность за состояние общества — категория нравственная (с. 739 и др.).

О том, что элита должна обладать культурным и нравственным капиталом, говорит и доктор социологических наук, профессор А. Е. Чирикова, также представляющая Институт социологии РАН (с. 714). Однако, по ее мнению, «российская политическая элита в основной своей массе отличается сиюминутной мотивацией и прагматизмом своих действий и поведения, сервильностью, отсутствием стратегического и патриотического мышления» (с. 733). Поэтому у такой элиты отсутствует модернизационный потенциал, отчего и курс на инновационное развитие не имеет перспектив. Более того, современные элитарии не осознают глубины социального раскола в обществе (с. 725).

Можно только добавить, что такое осознание просто невозможно. Заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН А. В. Юревич прямо говорит, что наши псевдолибералы предельно исказили цивилизованное понимание свободы (с. 172). Действительно, можно предполо-

жить, что К. Д. Кавелин со товарищи, познакомившись с воззрениями современных якобы продолжателей традиций либерализма в России, оказались бы, по меньшей мере, в некотором замешательстве. Сознательная ориентация на деградацию нравственности, формирование в общественном сознании терпимости к злу и прочие последствия «перехода к рынку» плохо коррелируют с представлениями идеологов крестьянской реформы 1861 г. и иных преобразований эпохи Александра II о будущем.

Могли бы недооценить страсть к несозидательному разрушению и иные кумиры наших псевдолибералов-квазиэлитариев. В частности, избранный «младореформаторами» курс преобразований предполагал распространение рыночных отношений даже на сферы, которые сам А. Смит, главный идеолог экономического либерализма, относил к «обязанностям государя». Речь идет о здравоохранении, науке и образовании.

Заведующая сектором Института экономики РАН, к. э. н. Т. В. Чубарова именно в реформе видит основную причину современного кризиса системы здравоохранения, потому что рыночный подход неприменим к этой сфере (с. 698-699). Соответственно, и система обязательного медицинского страхования как одно из воплощений неолиберальной идеи «рынок — во всех сферах» представляет собой финансовую ловушку (с. 703 и др.), а само по себе сочетание платных и бесплатных услуг понижает общий уровень функционирования системы здравоохранения.

О деградации науки, а как следствие — технико-технологического уровня материального производства, пишут в сборнике и директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент РАН С. М. Рогов, и академик РАН из Физического института им. Лебедева РАН В. Е. Захаров, и директор Института новой экономики, академик РАН С. Ю. Глазьев и многие другие авторы. В настоящее время приходится говорить даже не о недофинансировании фундаментальной науки, а о целенаправленной кампании по дискредитации Российской академии наук как коммерчески невыгодного предприятия. Между тем возлагать на ученых ответственность за внедрение новых технологий и иных разработок — бессмысленно. Для этого существуют особые специалисты и специальные организационно-правовые формы хозяйствования, эффективность которых давно продемонстрирована на практике.

Конечно, нельзя сказать, что государство полностью игнорирует новые веяния в области научно-технического прогресса. Однако академик В. Е. Захаров весьма язвительно, хотя и справедливо, замечает, что внезапное увлечение в высших сферах власти нанотехнологиями напоминает не что иное, как «кукурузу за Полярным кругом» во времена Н. С. Хрущева (с. 511). Сюда же можно было бы отнести и «проект Сколково».

Инновационный центр Сколково принято сравнивать с Кремниевой долиной (англ. Silicon Valley, что побуждает не слишком образованных журналистов называть ее Силиконовой — почти гламурно), хотя общим у них является разве что сам факт бюджетного финансирования на стартовом этапе. В результате за несколько десятилетий в долине была накоплена мощная научная инфраструктура, которая по мере сокращения оборонного заказа в годы «разрядки» перестроилась на обслуживание высокотехнологичных секторов «гражданской» экономики.

Однако эта перестройка стала возможной потому, что американская экономика 1970-х гг. была крайне восприимчива к инновациям. «Нефтяные шоки» 1973–1974 гг. и рубежа 1970–1980-х гг. потребовали массового перехода к материал- и энергосберегающим технологиям. Хотя «Шоссе 128» — инновационная зона вокруг Гарвардского университета и Массачусетского технологического института — возникала в иных условиях, ее развитие также было предопределено устойчивым спросом на инновации.

В качестве обратного примера можно привести судьбу «Киберджайи» — малайзийского аналога Сколково, торжественно открытого в пригороде Куала-Лумпура в конце 1990-х годов. К концу 2000-х годов «Киберджайя» больше представляла собой город-призрак, в котором так и не сконцентрировались высокотехнологичные компании. У нас также сырьевая ориентация экспорта порождает так называемую «голландскую болезнь», следствием которой является незаинтересованность как государства, так и предпринимательского сообщества в нововведениях, успех которых неочевиден и неоднозначен для конкретных лиц, принимающих решения. Отсюда вполне обоснованным представляется скепсис, высказываемый независимыми экспертами в отношении Сколково. Даже сама близость будущего инновационного центра к скандально известному Рублевскому шоссе не может не наводить на определенные размышления.

Не меньший скепсис вызывает и кампания по учреждению федеральных университетов, о чем пишет академик В. Е. Захаров. В частности, он сетует, что в процессе реализации этого проекта исчезают «брендовые» названия старых университетов, например, Казанского, переименованного в Приволжский (с. 511). То же самое можно было бы сказать и о создаваемом в Екатеринбурге Уральском федеральном университете, «растворяющем» в себе самодостаточный Уральский государственный уни-

верситет им. А. М. Горького. Однако гораздо большие опасения вызывает наступление на систему общего среднего образования, называемого многими аналитиками «курсом на дебилизацию населения».

Писатель А. А. Лиханов, также один из авторов сборника, указывает, что инвестировать надо в детство (с. 684). Не гигантские университеты, а современная школа должна быть в центре внимания тех, кто желает возрождения России. Когда-то О. фон Бисмарк сказал, что битву при Садовой (одно из сражений между пруссаками и австрийцами в период объединения Германии «железом и кровью») выиграл прусский школьный учитель. Что-то подобное сейчас говорит президент США Б. Обама, помещая образовательные проекты в центр своей антикризисной стратегии. Российское же министерство образования и науки действует в прямо противоположном направлении.

Заведующая центром Института экономики РАН, д. э. н. И. В. Соболева прямо отмечает, что сохраняющиеся пока конкурентные преимущества России связаны с наличием образованного населения, причем получившего необходимые знания в дореформенный период (с. 519). Тогда государственная политика в сфере образования способствовала выравниванию возможностей людей, формированию единого мировоззренческого пространства, социальной мобильности и т. д. Можно только добавить, что еще одной характерной чертой советской системы образования было нравственное воспитание, без чего невозможно не только духовное, но и экономическое возрождение России.

В связи с этим актуально напоминание об особенностях китайского варианта «социального лифта», сделанное главным научным сотрудником Института Дальнего Востока, д. э. н., профессором Л. И. Кондрашовой. Следование конфуцианскому принципу этического управления, а также идейному наследию легизма и даосизма способствовало формированию в Китае системы государственных экзаменов, позволяющей на протяжении многих столетий обеспечивать выявление самых достойных из возможных претендентов на занятие должностей различного ранга вне зависимости от их происхождения (с. 320-321). В «Запретном городе» в центре Пекина сейчас туристам показывают один из дворцов, в котором император лично принимал экзамены у лучших из лучших, собранных из разных провинций страны. Советская школа, дававшая качественное и, что немаловажно, разностороннее образование, также обеспечивала выдвижение на лидерские позиции людей «из народа» со здоровыми нравственными началами. Именно школа и сейчас может помочь восстановить человеческий, и даже шире — социальный, капитал, который позволит преодолеть отсталость как состояние ума.

О необходимости такого преодоления говорит в сборнике член-корреспондент РАН, директор Института экономических стратегий Б. Н. Кузык: «Состояние ума человека, нации, человечества, понимаемое как совокупность духовно-нравственных качеств, образованности и умения, гражданственности и ответственности, а вместе с тем впитанных этим умом традиций, цивилизационных характеристик и представлений определяет чрезвычайно многое в судьбе социума любого масштаба» (с. 138).

Таким образом, коллективный разум авторов сборника подводит к простой мысли: начав с малого, с возрождения традиций советского школьного образования и воспитания, нужно восстанавливать и иные сферы бытия, включая здравоохранение, науку и т. д., практически разрушенные реформой. Так неэкономические грани экономики станут условием преобразования российского общества на новых духовно-нравственных началах.

НОВАЯ ФОРМА СТРАНОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ: МОТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ

О коллективной монографии «Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы»

Ю. К. Перский

В конце 2010 г. достоянием научной общественности стала коллективная монография «Шанхайская организация сотрудничества: экономическая интеграция и национальные интересы» под общей редакцией академика РАН А. И. Татаркина, академика РАН В. А. Черешнева, д. э. н., профессора А. Ф. Расулева. Книга подготовлена рядом авторов, представляющих научные коллективы академических организаций и университетов, а также органы государственной власти и управления стран, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества.

Авторы представили содержательное многоаспектное исследование существенных характеристик интеграционной общности, уникальной для практики мирохозяйственного взаимодействия. Можно отметить две наиболее примечательные для ШОС особенности происходящих интеграционных процессов. С одной стороны, государства, входящие в ШОС (Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Китай), имеют богатый опыт экономического и политического взаимодействия и сотрудничества, что, несомненно, является базовой предпосылкой эффективной интеграции. С другой стороны, для них характерен выраженный дуализм институциональных преобразований, а именно — синхронно протекающие процессы конкурентно-рыночной и постиндустриальной трансформации сложившихся социально-экономических систем, особенно в России и Китае. Это порождает определенные методологические трудности в решении таких назревших проблем, как повышение конкурентоспособности и изменение структуры национальных экономик на инновационной основе. Поэтому вполне объяснимо стремление авторов к глубинному анализу возможностей своих локальных экономик и ШОС в целом к модернизации существующих механизмов поведения и моделей интеграции, что принципиально важно для обеспечения устойчивого иммунитета к современным вызовам и быстрым изменениям. Не менее важными при этом, с позиции эффектов траектории предыдущих периодов (по Д. Норт), являются намерения авторов предложить дополнительные обоснования сохранения преемственности в развитии.

В ряду мотивов страновой интеграции авторы аргументированно отмечают объединяющий стратегический мотив — национальные, национально-государственные экономические интересы, значение которых в условиях сегодняшних мировых реалий уже вышло за рамки традиционных объектов взаимоотношений между странами. Именно в таком контексте обнаруживают себя общий замысел, логика, структурное построение и содержание монографии.

Как следует из тщательно выполненного анализа концепций и доктрин интеграции, в работе получила развитие геоэкономическая идея интеграции, суть которой заключается в переходе от существующей еще во многих странах одноплоскостной экспортно-импортной торговой модели к воспроизводственно-сетевой модели. В таком случае речь идет о модернизированной модели национальной экономики, которая является не только структурной, но и воспроизводственной составляющей мировой экономики, выражением новой сетевой кластерной сущности интеграции, когда существует мировая организационно-технологическая воспроизводственная цепочка по выпуску «мирового товара» — продукта «мирового кластера». Именно эта модель открывает для национальных экономик (особенно для развивающихся стран) конкурентные возможности для открытого доступа и полноценного участия в мировых инновационно-инвестиционных процессах и, следовательно, в перераспределении мирового дохода; создаются необходимые предпосылки для гармоничного развития страновых экономик в системе интеграционных связей уже нового типа.

В рамках такой теоретико-методологической позиции заслуживает внимания толкование изменяющейся сущности разделения труда, где на смену административно-политическим границам создания продукта приходят экономические границы. Именно они будут определять истинный смысл международного разделения труда (оно становится, как замечают авторы, межжанкловым, межкорпоративным).

Исследования динамики предыдущего экономического развития в разрезе отдельных, значимых отраслей национальных хозяйств (энергетика, транспорт, промышленность, сельское хозяйство, инфраструктура), а также финансовой и банковской деятельности позволили оценить как реальный потенциал интеграции национальных экономик в мировые производственно-финансовые сети, так и реальные проблемы новой интеграции. Прежде всего — это проблема институционального обеспечения многосторонних и двусторонних связей в ШОС, затрагивающая такие аспекты, как: фундаментальное

обоснование общего вектора институционализации экономик стран — участниц Шанхайской организации сотрудничества; развитие институтов функционирования региональных и межрегиональных отраслевых рынков; институты, определяющие развитие и политику миграционных процессов в отдельных странах. В этой связи примечателен анализ феномена китайской миграции. По существу, сочетание, эффективное взаимодействие миграционной и экономической политики государства по отношению к миллионам граждан этой страны, проживающих за ее пределами, стало для экономики Китая ее несомненным конкурентным преимуществом. Очевидно, есть большой смысл в том, чтобы использовать китайский опыт в области внешней трудовой миграции в интересах российского государства и других государств — членов ШОС.

В качестве самостоятельного предмета теоретико-методологического и прикладного анализа представлены политика и стратегии развития стран ШОС в условиях глобальных рисков. Авторы обстоятельно раскрывают системные причины возникновения мирового финансово-экономического кризиса. Обработка больших массивов данных о состоянии структуры национальных экономик, в том числе экономик стран ШОС, позволила им с высокой долей вероятности оценить страновой потенциал противодействия кризису у стран с различным уровнем экономического развития. Деформация структуры экономик многих развитых стран в сторону финансового спекулятивного сектора и, следовательно, в ущерб сектору реальной экономики, поставила под угрозу многие национальные экономики.

Анализ мирового опыта противостояния системным мировым кризисам, а также осмысление современных тенденций мирового развития позволили авторам предложить комплекс обоснованных решений по стратегическому взаимодействию стран ШОС, и прежде всего в области развития промышленных и инфраструктурных отраслей, развития финансовых рынков и совершенствования их институтов в целях противостояния спекулятивным и иным негативным тенденциям. Достаточно специфическую форму в этой связи приобретают формы и методы государственного регулирования, когда необходимо создавать условия для их кооперации и взаимодействия с учетом особенностей экономик и способов регулирования, особенностей накопленного опыта трансформации каждой из национальных экономик.

В книге не без оснований актуализируется необходимость разработки для стран — участниц ШОС альтернативных моделей развития, которые бы синтезировали возможность конструктивного использования позитивных экономических и финансовых инструментов развитых рыночных экономик, с одной стороны, и формирование иммунитета к применению нежелательных инструментов этих экономик — с другой.

Можно полагать, что настоящая монография будет полезна и интересна широкому кругу читателей как в академической, так и в образовательной среде, практическим работникам предприятий и организаций, работникам сферы управления. Она оставляет благоприятное впечатление своей фундаментальностью, основательностью и «незавершенностью», поскольку создала отличный задел для будущего осмысления еще далеко нерешенных проблем.

І ВСЕРОССИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Екатеринбург, 28 июня – 1 июля 2011 г.

Секция экономики Отделения общественных наук РАН, Институт экономики УрО РАН, Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд, ОАО «Трубная металлургическая компания» при информационной поддержке «Журнала экономической теории», журнала «Экономика региона» и издательского дома «Финансы и кредит» извещают о проведении I Всероссийского симпозиума по региональной экономике, посвященного 40-летию Института экономики УрО РАН.

Симпозиум состоится 28 июня — 1 июля 2011 года в городе Екатеринбурге. Пленарное заседание будет проведено 28 июня. Секционные заседания запланировано провести 28 июня — 1 июля в аудиториях Института экономики УрО РАН.

Председатель Организационного комитета Симпозиума — академик А. И. Татаркин. Сопредседатели — академик П. А. Минакир, академик В. В. Кулешов. Заместитель председателя — д. э. н. Ю. Г. Лаврикова. Ученый секретарь — к. э. н. М. В. Власов.

Работа Симпозиума будет проходить по следующим научным направлениям:

1. Направления и проблемы развития современной теории и методологии региональной экономики.
2. Институты регионального инновационного развития
3. Институты саморазвития территорий разного уровня.
4. Инструментарий и методы прогнозирования регионального развития.
5. Современная государственная региональная политика.

В рамках симпозиума планируется проведение двух круглых столов: «От идеи академика С. С. Шаталина о системных подходах к саморазвивающимся социально-экономическим системам» и «Экономические проблемы формирования nanoиндустрии в регионах РФ».

Планируется разделение научных направлений на отдельные секции (продолжительностью 2 часа) с участием 4-5 докладчиков и оппонентов по докладам.

Для участия в симпозиуме необходимо **до 01 апреля 2011 года** направить тезисы доклада и заявку. Объем тезисов доклада **не должен превышать** три полные страницы.

Регистрация участников осуществляется **только** на сайте Института экономики УрО РАН: www.uiec.ru, заявки и тезисы докладов, присланные любым другим способом, Оргкомитетом рассматриваться не будут.

Текст должен быть набран через одинарный интервал на русском языке, шрифт Arial, размер шрифта 12, поля страницы — 2,5 см со всех сторон. Название доклада печатается посередине строки прописными буквами. Инициалы и фамилии авторов печатаются в правом углу следующей после названия строки, с сокращенным указанием ученой степени, а также указанием города и сокращенного наименования организации в скобках. Основной текст печатается с отступом от фамилий авторов 3 интервала. Таблицы, схемы и рисунки должны иметь заголовки, размещаемые над схемой или полем таблицы, а рисунки — подрисуночные подписи.

В заявке на участие во I Всероссийском симпозиуме по региональной экономике указывается следующее: 1) фамилия, имя, отчество; 2) ученая степень, звание; 3) организация, должность; 4) почтовый адрес с индексом; 5) телефон, факс; 6) e-mail; 7) направление конференции; 8) согласие выступить оппонентом других докладов по данному направлению.

Оргкомитет оставляет за собой право решать вопрос о включении направленных материалов в Труды I Всероссийского симпозиума по региональной экономике.

Организационный взнос в размере 500 рублей включает оплату опубликования Трудов симпозиума, культурной программы и приема участников симпозиума. Оплата организационного взноса может быть произведена при регистрации участника во время начала работы симпозиума.

Адрес Оргкомитета симпозиума:

620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, Институт экономики УрО РАН, каб. 513.

E-mail: simposium2011@mail.ru

Адрес сайта для регистрации участников, отправки заявок и тезисов докладов: www.uiec.ru

ЮБИЛЕИ

ПОДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ

11 марта 2011 года директору Института экономики УрО РАН академику РАН Александру Ивановичу Татаркину исполнилось 65 лет.

В 1968 г. после окончания планово-учетного отделения Троицкого сельхозтехникума А. И. Татаркин поступил в Свердловский юридический институт, который в 1972 году окончил с отличием. В родном институте Александр Иванович начал свою трудовую деятельность. До 1987 г. работал в Свердловском юридическом институте ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, деканом факультета правовой службы в народном хозяйстве. С июля 1981 года избран заведующим кафедрой политэкономии института, а в марте 1987 г. одновременно и деканом факультета правовой службы в народном хозяйстве.

В сентябре 1987 г. А. И. Татаркин назначен заместителем директора Института экономики УрО АН СССР по науке. С февраля 1990 г. — исполняющим обязанности директора Института экономики Уральского отделения РАН, с марта 1991 г. избран и утвержден в должности директора Института.

Академик РАН А. И. Татаркин один из ведущих ученых страны в области региональной экономики, организатор фундаментальной экономической науки на Урале. Под руководством академика А. И. Татаркина основана ведущая научная школа РФ — уральская научная школа «Региональная конкурентоспособность», которая с 2006 года имеет государственную поддержку.

Широко известны его труды по управлению регионами и территориальными комплексами, саморазвитию региональных социально-экономических систем, формированию концепции устойчивого социально-экономического развития России и Урала. А. И. Татаркин внес большой вклад в создание научной системы управления реструктуризацией регионального промышленного комплекса на основе социально ориентированной модели его развития. Многие исследования, которыми руководил А. И. Татаркин, позволили провести реструктуризацию и повысить социально-экономическую эффективность деятельности крупных предприятий г. Екатеринбурга.

Основные результаты исследований легли в основу целого ряда законодательных актов, способствующих правовому закреплению обновленного статуса регионов и территориальных образований разного уровня. Им разработана и реализована методология формирования на Урале инновационных территорий. С его участием разработаны концепции, программы и исследовательские разработки по формированию технополисов, технопарков (на базе ФГУП «НПО автоматики», «Академический» и др.), которые позволили реализовать меры по сохранению и модернизации высокотехнологичного наукоемкого сектора экономики на территории Свердловской области.

Большую работу А. И. Татаркин ведет по расширению связей с международными организациями и научно-исследовательскими институтами в части совместных проектов, обмена опытом,

исследований европейской и мировой практики регионального управления и ее использования в России.

А. И. Татаркин активно занимается подготовкой научных кадров. Под его руководством подготовлено более 36 кандидатов и 51 доктор экономических наук.

А. И. Татаркин — член экспертного Совета РГНФ, член экспертного Совета ВАК России по экономическим наукам, председатель трех диссертационных советов Института экономики УрО РАН, главный редактор журналов «Экономика региона» и «Журнал экономической теории», член редсовета более чем 10 отечественных и зарубежных журналов. Он также является членом Совета по региональной экономике Министерства экономического развития РФ, Научно-консультативного совета при Министерстве природных ресурсов РФ, Правления Торгово-промышленной палаты РФ и Уральской ГПП, Совета по науке при Полномочном представителе Президента России в УрФО, Экономического совета при губернаторе Свердловской области, Совета по промышленности и инновационному (программному) развитию администрации г. Екатеринбурга. В 2009 г. повторно избран Председателем Общественной палаты города Екатеринбурга.

Яркие страницы трудовой биографии А. И. Татаркина являются примером добросовестного служения науке.

За разработку проблем регионального хозяйствования и управления территориями Уральского региона награжден Золотой медалью ВДНХ (1989), международной медалью «Факел Бирмингема» за содействие реформам в России (1994), а также удостоен звания лауреата международной премии «Хрустальный дракон» (2002). Удостоен звания «Заслуженный деятель науки» (1996). По итогам 1999 г. стал лауреатом премии Правительства Российской Федерации в качестве руководителя коллектива исследователей. В 2002 г. Российским Союзом товаропроизводителей награжден премией имени А. Н. Косыгина за цикл работ по реформе российской экономики. В июле 2002 г. за большой вклад в развитие Уральской экономической науки награжден Орденом Дружбы, в 2005 г. — награжден Орденом «Звезда Отечества», по итогам 2005 года — стал победителем IX областного конкурса «Лидер в бизнесе 2005» в номинации «Наука. Передовые технологии». В марте 2006 г. получил почетный знак «За заслуги перед городом Екатеринбургом» и звание «Величайшие умы XXI века в области научных достижений» (*«Great Mind of the 21's Century due to significance accomplishment within Mastery of Scientific Achievements»*). В октябре 2006 г. — награжден юбилейной медалью «75 лет Госрезерву» по Уральскому федеральному округу от Минэкономразвития РФ, в декабре 2006 г. стал лауреатом премии «Признание» за выдающиеся достижения в профессиональной деятельности и личный вклад в историю города Екатеринбурга. Награжден Почетной медалью имени В. В. Леонтьева (2007). Награжден Орденом им. Св. Праведного Иоанна Кронштадтского «За духовное возрождение России» (2007). За большой вклад в научное обоснование социально-экономического развития города Екатеринбурга и развитие городского хозяйства, активное участие в общественных и административных городских организациях, а также заслуги, получившие широкое общественное признание в городе и за его пределами, А. И. Татаркину присвоено звание «Почетный гражданин г. Екатеринбурга» (2008). А. И. Татаркин — лауреат Премии имени члена-корреспондента РАН М. А. Сергеева за лучшую работу в области региональной экономики (2009), победитель конкурса «Евразия. Лидер в бизнесе 2010» (2010).

Незаурядные человеческие качества и организаторские способности способствовали завоеванию огромного авторитета среди коллег по научной и образовательной деятельности. Высокий профессионализм, широта научных интересов и активная жизненная позиция позволили сформировать научные традиции, способствовали развитию Института экономики УрО РАН.

Редакция журнала «Экономика региона» и коллектив Института экономики УрО РАН сердечно поздравляют Александра Ивановича с юбилеем и желают крепкого здоровья ему и его близким, долгих и радостных лет жизни, внутренней гармонии, новых замыслов и идей.